

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Во Внуковском аэропорту.

Фото А. Гаранина

На первой странице обложки: Резчик по дереву Семен Иванович Карпюк. Артель «Гуцульщина» Косовского района, Станиславской области.

Фото Н. Федорова

На последней странице обложки: В городе Горьком.

Фото О. Кнорринга

ОГОНЁК № 34 (1315) 17 АВГУСТА 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Во имя коммунизма

Два года назад на весь мир прозвучали слова постановления советского правительства:

«...Построить на реке Волге в районе г. Куйбышева гидроэлектростанцию мощностью около двух миллионов киловатт с выработкой электроэнергии около десяти миллиардов киловатт-часов в средний по водности год».

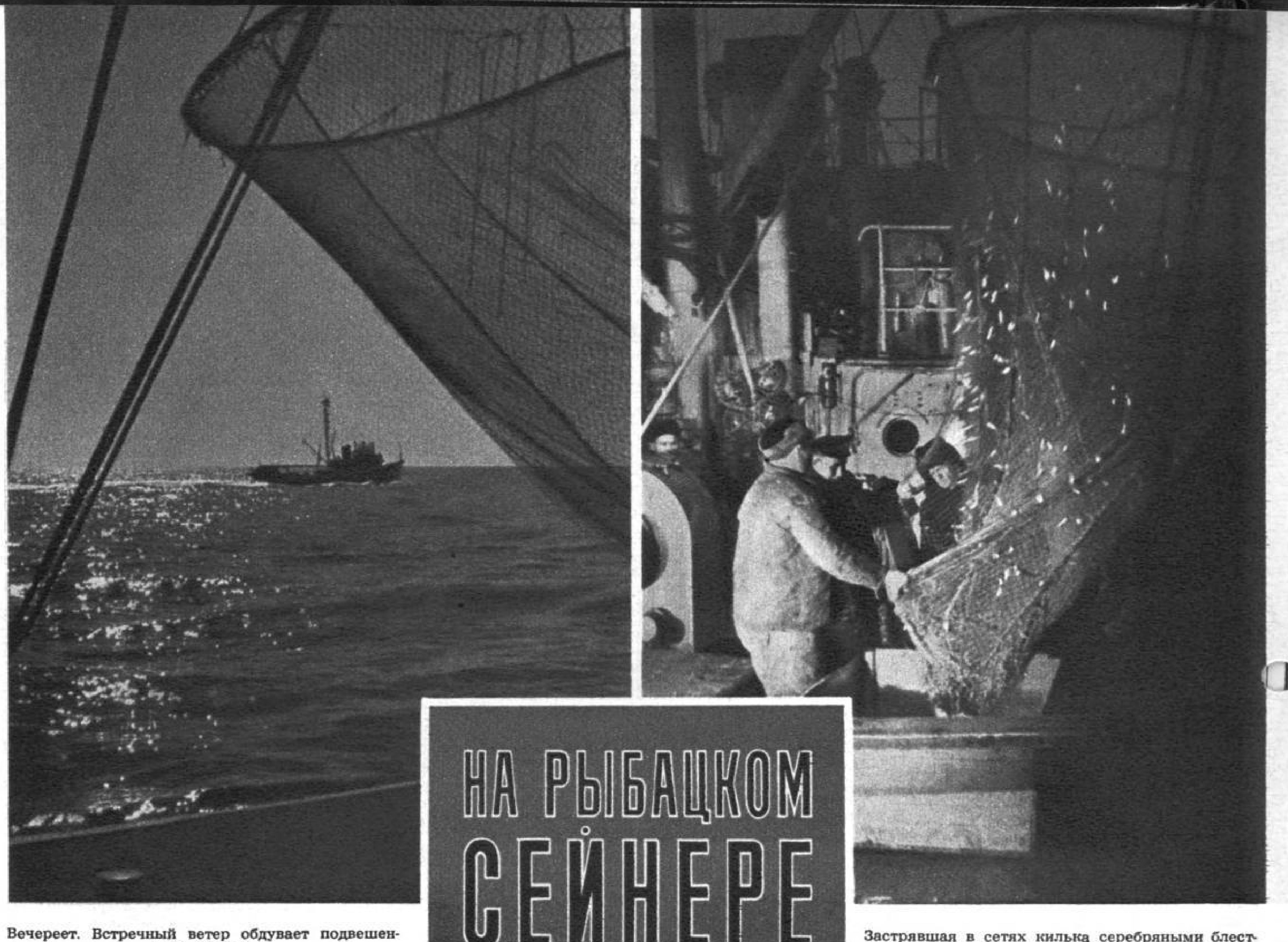
Деловито строг язык официального документа — цифры, технические термины. Но они заставили учащенно биться сердце, глубоко проникли в сознание. В них выражен призыв к достижению высоких целей, к великим и смелым делам.

Никогда и нигде не строились еще такие гигантские станции; десять миллиардов киловатт-часов — это в пять с лишним раз больше, чем производство электроэнергии во всей дореволюционной России. Народ назвал стройку у Жигулевских гор стройкой коммунизма.

На строительной площадке Куйбышевской гидроэлектростанции. Экскаватор передовой комсомольско-молодежной бригады В. Лямина вынимает грунт в котловане для здания ГЭС.

Фото С. Фридлянда

Вечереет. Встречный ветер обдувает подвешенные снасти.

Застрявшая в сетях килька серебряными блестками украсила сеть. Взята первая проба, а трехцентнеровый ящик уже «залит» до половины трепещущей рыбой.

НА РЫБАЦКОМ СЕЙНЕРЕ

В. ТЕНДРЯКОВ

Фото К. Юлпатова

Море у берегов зеленое с каким-то белесоватым, почти молочным отливом. Рыбацкий сейнер стоит, прижавшись боком к высокому борту огромной баржи. Волны с хлюпаньем бьют под корму. Паренек в морской фуражке с большим «крабом» рассказывает мне о том, как здесь теперь ловят кильку.

Слушаю и вспоминаю себя мальчишкой. Утонув в широком отцовском полушубке, сижу на корме лодки и правлю веслом. Отец впереди, на носу. Перед ним — ржавый железный противень, на противне небольшой костер. Две — три тлеющие головни бросают на воду неровный свет. Отец держит на весу острогу, и ее отточенные зубцы зловеще поблескивают при свете костра. Ночь темная — ни звезд, ни луны; если бы не медленно удаляющиеся огни деревни, не понять даже, где берег... Отец напряженно вглядывается в воду. Он ждет, когда свет костра упадет на уснувшую в воде щуку... Я вижу, как отец торопливо дергает плечом, острога глуховато булькает, раздается плеск, и через секунду в нашу лодку с тяжелым шлепком падает рыба... Это в наших местах называлось «лучить рыбу». Лучить — брать с помощью светового луча.

Давно уже пользовались люди светом при ловле рыбы, но свет только помогал открывать ее, сонную, неподвижную, не ожидающую опасности. Завтра я встречусь с колхозником рыболовецкого колхоза «Победа» Александром Субботиным. За новый способ лова он получил Сталинскую премию. Утром мы направимся в бухту Киянлы, где находится килечная экспедиция.

* * *

Невысокий, крепко сбитый, в неуклюжих болотных сапогах с низко завернутыми голенищами, он неторопливо пробирается по палубам сейнеров, стоящих вплотную друг к другу. Палубы завалены пустыми ящиками, свернутыми канатами, завешены сетями. Килечная экспедиция готовится к переходу.

— Вот мы и дома! — произнес Субботин, ступая на палубу своего сейнера.— Бывает, по полгода с этим домом не расстаешься.

Мы вошли в капитанскую каюту. Над походным столиком, наглухо привинченным к полу, в рамках три фотографии. На одной из них сам Александр Федорович в мичманке, но помоложе и помолодцеватей, чем сейчас; на второй — простенькое лицо женщины с чуть заметными морщинками на лбу. Внизу третья фотография — на стуле стоит девочка; она, прижав к животу задравшего ноги плюшевого медвежонка, смотрит серьезно и строго.

— Дочь,— сообщил Субботин,— не часто ее вижу... Иногда измотаешься, устанешь, а посмотришь перед сном, вроде легче. Одно слово — море! Что греха таить, случается, ворчишь на него и на долю рыбацкую! И мысли, бывает, вертятся: не найти ли лучше работу на берегу, при семье? А домой приедешь, проживешь неделю, и засосет душу, потянет на ветерок. Жизнь не в жизнь, если долго под ногами земля, а не палуба.

Солнце и морские ветры засмуглили кожу и наложили неглубокие, мягкие морщины на его лицо, а глаза у Александра Федоровича серые и сейчас теплые, какие-то домашние.

Субботин взглянул на привинченные к стенке круглые морские часы:

— Пора отчаливать!

Окно каюты выходило прямо в рубку. Его заслонила широкая спина рулевого, ставшего у штурвала. Внизу, под полом, застучала машина.

— Пошли,— произнес Субботин.— Мы не у берегов ловим, а в открытом море. Глубина — метров сто, а то и больше.

* * *

К вечеру окреп ветер. Небо обложили тучи. Море уже не зеленое, а серое, тяжелое.

Долго гремела цепь якоря, пока он не лег на дно. Субботин измерил лотом глубину и сообщил:

— Сто шесть метров.

Лов кильки ведется ночью, а сейчас едва только начинало смеркаться. Команда готовилась к лову.

Я скоро увижу, как кильку будут ловить электричеством. Приспособление нехитрое. «Сачок» длиной метра в четыре, шириной метра в два. К нему привязана большая лампа. Снасть опускают на определенную глубину. Яркий свет зажженных ламп магически действует на кильку. Она бросается на свет и уже не может оторваться, начинает кружить вокруг света. С каждой минутой живой круговорот около горящих ламп становится все гуще и гуще... Затем сети поднимаются, а кильку высыпают в засолочный ящик. Кажется, все очень просто — спустить сеть, подержать некоторое время и вынуть.

Но на деле все далеко не так просто. Килька не живет где попало. Есть в море места, где на многие километры не отыщешь ни одной кильки. Но даже и в таком месте, где килька ходит густыми косяками, неопытный рыбак ничего не поймает. Вода в море не одинаковой температуры, она слоями: то холоднее, то теплее. Килька держится определенного слоя — не слишком холодного зимой и не

слишком теплого летом. Его нужно уметь найти, а пытать счастье ниже или выше бесполезно.

...Ночь медленно опускалась на море. Маячат в сумерках качающиеся мачты, свисают сети, люди притихли, их пока незаметно. Но вот загрохотала машина, засветились лампочки. Они отодвинули ночь в сторону. Раздался негромкий голос Субботина:

— Пора... По местам, ребята!

Надев длинные прорезиненные фартуки, рыбаки начали поднимать снасть. Сетчатый конус повис над водой и медленно стал погружаться. Волны бьют в борт, палуба — словно большие качели. Не могу стоять на борту, не уцепившись крепко за поручни, но тяжелые болотные сапоги Субботина словно гвоздями прибиты к доскам. Сам он качается из стороны в сторону, и его колени гуляют в просторных голенищах.

— Теперь для нас это — дело привычное,— говорит Субботин, глядя на уходящий в воду канат,— действуем наверняка. Редко когда промашка случается. Как это началось, спрашиваете? Очень просто. Приехал к нам на Каспий профессор из Москвы, Павел Гаврилович Борисов. Стали делать опыты: спустят лампы со снастью в море, а вслед за лампой — водолаза. Тот и сообщает, сколько и какая собирается рыба. Когда опыты закончились, нас, рыбаков, тех, кто поприметнее других ловил, познакомили с Павлом Гавриловичем. Он нам рассказал о своих опытах и просит: на опыте доказано, вы докажите на практике...

Субботин говорит, а около его ног, как живые, извиваются кольца каната. Канат тянется через блок, и на нем, на конце стрелы, спускается сетчатый конус с не зажженной пока еще лампой.

— Ну, вот и начали мы...— Тут Александр Федорович перебивает сам себя.— Стоп! Семьдесят метров. Крепи!

Один из рыбаков, скрипя резиновым фартуком, быстро вяжет конец. Субботин протянул руку, щелкнул массивным выключателем. Свет над палубой чуть вздрогнул и потускнел,— лампы брали много энергии.

— Готово!

Внизу, на глубине семидесяти метров, горит в воде электрический свет. Вода же на поверхности попрежнему черна. Волны сердито налетают на натянутый канат.

— Так вот,— продолжает Субботин,— вышли мы на лов в первую ночь, а лампу-то к снасти привязали баллоном вверх. Спускать глубоко не пришлось: килька шла поверху. Нам с сейнера видно все: килька, как мошка, лампу облепила настолько густо, что закрыла свет. Глядим и радуемся: «Ну, ребята, с уловом сегодня!..» Потянули — не тут-то было,— разбегается килька. Вынули сеть — пусто, лежит для смеху в самом кончике горсть рыбешки. Посоветовались друг с другом и решили, что тянем быстро. Потянули с остановками — опять пусто... И так всю ночь, и быстро тянули и тихо, а вернулись ни с чем. Ребята мои ворчать стали: плюнем, пустая затея, будем ловить, как ловили. Но ведь килька-то идет! Мы же сами видели: густо ее вокруг лампы крутится. Нет, говорю, у нас что-то не в порядке, так дела не оставим. На следующую ночь догадались, привязали лампу баллоном вниз и опустили ее глубже внутрь сети, чтоб килька не успела ускользнуть. Первый раз спустили — десять килограммов. Ребята мои живей зашевелились. Второй раз — сорок, на третий — центнер. Завалили мы за ночь весь сейнер килькой... А ну! Подымай! — прервал рассказ Субботин.

Завертелась лебедка, канат, стряхивая крупные брызги на наши головы, пополз по блоку обратно. Я смотрел на то место, где выходил канат из воды, и ждал. Сначала темная вода чуть-чуть заголубела, с каждой секундой эта голубизна становилась все сильнее и сильнее. Волны, вырывающиеся на это место, становились сияюще-зелеными. И вот вокруг каната вспыхнуло широкое пятно света среди мрачной воды. Наконец показался остов конусной сети с привязанными в центре двумя горящими лампами. Видно было в изумрудной воде, как испуганные рыбешки стреляли в разные стороны.

— Туши!

Свет потух. Вода стала обычной, черной, неприветливой. Тяжелая, набухшая сеть, поливая палубу ручьями воды, повисла над бортом. Рыбак дернул за конец бечевы, и из клапана густой струей, как серебряные монеты из огромного мешка, полилась килька.

— Ничего себе!— удивился я улову.

— Это еще что!— усмехнулся Субботин.— Иной раз подтянем сеть и обратно опускаем, выключаем свет, чтоб несколько поразбежалась рыба, иначе снасти не выдержат — лопнут. В уловистые дни три минуты нужно, чтоб опустить и обратно вынуть. Три минуты — и три центнера рыбы. Так-то. Что и говорить, способ добычливый.

Почти до утра я пробыл на палубе, а когда лег спать, перед моими глазами долго лилась серебряными потоками рыба.

* * *

Часов в десять утра меня разбудил стук молотков на палубе. Я выскочил из каюты — почти вся палуба была заставлена ящиками с килькой. Доски палубы были скользки от рыбьей слизи. «Бусыгинец» шел полным ходом. Стояла солнечная погода, белые барашки старались догнать нас, но не успевали и мешались с винтовой волной.

— Ну вот и отработались,— подошел Субботин,— пойдемте ужинать.

— Как ужинать?

— У нас ужин утром. Сдадим рыбу, до вечера успеем соснуть часа три — и снова в море. Килька идет!

За кружкой чаю Александр Федорович рассказывал мне, как раньше ловили кильку:

— Каждое рыбацкое судно имело тогда на мачте бочку. В эту бочку, как в гнездо, залезал человек — наблюдатель,— клал себе под ноги деревянные чурбачки и смотрел во все стороны. Когда килька идет, ее видно: темное пятно на воде. Заметит наблюдатель кильку, сразу хватает чурбачок и бросает его в середину пятна. Место вокруг плавающего чурбака обводят сетью. Сеть особая, по нижнему ее концу кольца, а сквозь кольца канат пропущен. Мы его «гыр-гыр» называем. Обведут вокруг сеть и стягивают гыр-гыром ее низ. Килька словно в чашке оказывается. Вроде легкая работа, а попробуйте хотя бы просто так посидеть день на мачте. Темя нажжет солнцем, сойдешь, бывало, на палубу, голова, что чугунная, звон в ушах. А уловы тысяча центнеров за сезон — уже удача. Я в этот раз дал обещание сдать две тысячи восемьсот. Посмеивались: прихвастнул, мол, Субботин. А взял-то я не две восемьсот — побольше четырех тысяч! Года три назад и не снились такие уловы рыбакам.

— Но, кроме кильки, никакая другая рыба не идет на свет?— спросил я.

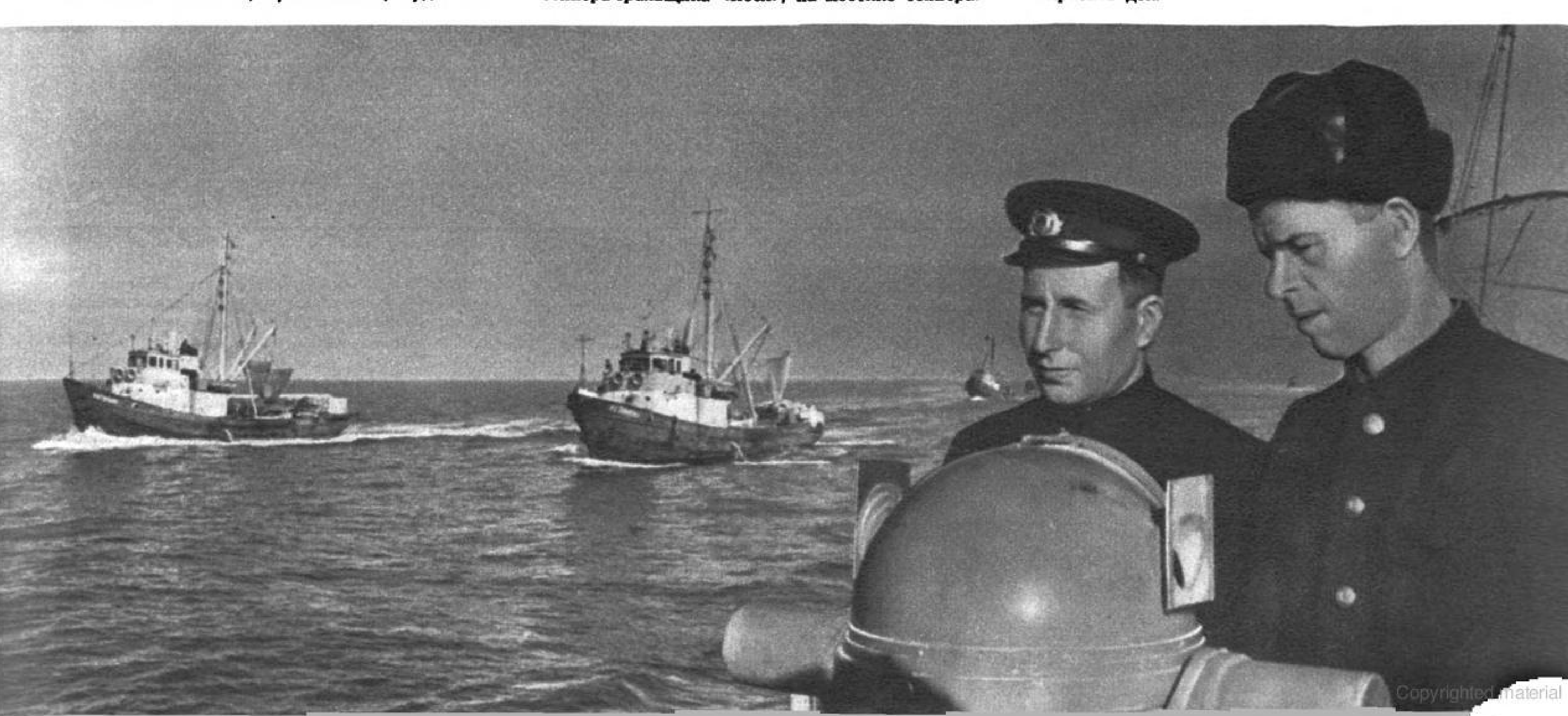
Субботин помолчал, поглядел в окно на залитое солнцем море и ответил:

— Пока не идет, но заставим. Мы раз както вместе с килькой осетра подняли. Решили, случайность: гнался за килькой и влетел в сеть. Но однажды спустили за борт снасть, зажгли лампу — кильки нет. И вдруг видим: подплывает осетр, в сажень добрую. Подплыл, носом в свет уставился и задумался. Стоит, плавниками пошевеливает. Ребята тащить было хотели, я остановил: выждем, мол, любопытно, что дальше будет делать. Килька, пока свет горит, не отойдет, а осетр постоял, постоял да и отвалился, ушел... Кто знает, будь у нас лампа не в тысячу ватт, а больше, может, и не ушел бы. Вот кефаль, знаю, на красноватый свет податлива. Но кефаль не килька, ее таким черпачком не возьмешь, это рыба сильная, из воды прыжки метра на три делает, для нее надо снасть особую. Я думаю попробовать прожекторами кефаль в невод заводить. Вот жду, должны прислать мне лак, чтоб свои лампы в разные цвета окрашивать — в красный, зеленый, голубой. Получу — буду ставить опыты. У нас с профессором Борисовым договор: если что новое,— сразу на его имя в Москву письмо. Мы с ним дружим. Придет время, рыбу насосом прямо в трюм качать станем. Все впереди.

Простились мы около большого, как гора, бунта соли. Я шагал вдоль берега. Волны мягко подкрадывались к моим ногам и убегали. Отойдя к поселку, я оглянулся: Александр Федорович в своих больших с завернутыми голенищами сапогах стоял, повернувшись лицом к морю. А море, сливающееся с небом, играло веселыми волнами...

Красноводск.

Лауреат Сталинской премии Александр Федорович Субботин, капитан моторыбницы «Бусыгинец», и Петр Алексеевич Сафронов, капитан сейнера-тральщика «Псел», на мостике сейнера.

ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

С. МОРОЗОВ   Е. РЯБЧИКОВ

Фото С. Фридлянда и Дм. Бальтерманца

Специальные корреспонденты «Огонька»

ДОРОГА НА СТАЛИНГРАД

Исчезли за кормой лесистые Жигулевские горы. Горизонт впереди, еще недавно прозрачно голубой, стал дымно-серым, предвещая приближение большого промышленного города. Вдоль левого борта потянулись причалы Куйбышева и за ними каменные громады улиц. Потом город кончился, началась степь, без конца и края, выжженная солнцем.

Путешествуя по котлованам и насыпям Куйбышевской стройки, мы уже мысленно бороздили волны будущего моря, а теперь снова плывем по реке, пусть широкой и раздольной, но все же по реке, веками исхоженной, описанной географами и воспетой поэтами, знакомой наизусть по учебникам и хрестоматиям.

Впрочем, нет! Вглядимся внимательно в окружающие нас берега, и мы увидим: как несравним советский индустриальный Куйбышев со старой купеческой Самарой, так и Волга в этих местах уже не та, что была прежде. Вот наш пароход прошел под Сызранским мостом, и справа открылся город огромных нефтяных баков.

— Батраки, — сказал капитан.

Батраки — перевалочная пристань, одна из крупнейших на Волге. С давних времен, как только начали возить по реке бакинскую нефть, здесь швартуются караваны из Астрахани. Горючее из барж перекачивают в береговые резервуары, чтобы потом в железнодорожных цистернах развозить по стране. Маленькой пассажирской пристанью была соседка Батраков — Сызрань. А сегодня, проплывая мимо этих мест, видишь чернеющие вдали контуры нефтяных вышек. Сызрань — один из добывающих районов «Второго Баку». И сегодня из Батраков отчаливают караваны с сызранской нефтью.

На рассвете пароход скорой линии подваливает к пристани Балаково. Пассажиры спят. Если кого-нибудь и разбудят гудки, возня матросов, принимающих швартовы, то, выглянув из окна, он увидит лишь лесистый берег и проселочную дорогу, уходящую вглубь густых дубовых зарослей. Ничего примечательного как будто бы...

Но мы останавливаемся в Балакове, ибо каждый, кто хоть немного знаком с Волгой и трудом волгарей, с уважением произносит название этого небольшого городка.

Газик-вездеход быстро катит по лесной дороге, и вскоре над зарослями поймы показываются заводские корпуса. Федор Гаврилович Коченин, директор Балаковского судоремонтного завода, известен речникам уже давно. Судоремонтник-кузнец, он был зачинателем стахановского движения на Волге, участвовал в историческом совещании в Кремле, слушал Сталина в ноябре 1935 года. Потом учился в Академии водного транспорта, стал командиром производства. Во время нашего путешествия мы не раз встречались с продукцией балаковских судостроителей: «Маршал Ворошилов» и «Георгий Седов» — первоклассные пассажирские теплоходы, переоборудованные балаковцами минувшей весной для новой линии Москва — Ростов. Теперь, обходя вместе с Федором Гавриловичем обширный затон, мы любуемся корпусами строящихся дебаркадеров — плавучих пристаней для Волго-Дона.

Ф. Г. Коченин с гордостью рассказывает о заводской молодежи:

— Анатолий Володин, например,— двадцать пять лет всего парню, а он уж и фрезеровщик, и токарь, и шлифовальщик, да еще и шофер по совместительству. Их, Володиных, у нас четверо братьев, и все четверо отлично работают. Отец — покойник Андрей Иванович — тоже в свое время знаменитым плотником был.

И мы вспоминаем другого балаковского плотника — легендарного полководца гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. Крошечный, в два оконца, деревянный домик-музей В. И. Чапаева сейчас перестраивается. Фотографии и документы временно сложены в шкафу. Вот пожелтевшая выписка из церковной книги — свидетельство о браке «крестьянина Чебоксарского уезда Василия Иванова Чапаева», вот выцветший снимок: Василий Иванович вместе с отцом на похоронах брата Григория — балаковского военного комиссара, убитого кулаками весной 1918 года. Могила Г. И. Чапаева на площади Смычки обнесена чугунной решеткой, изготовленной Яковом Васильевичем Маминым. Рассказывая об этом, балаковцы с гордостью называют и имя Я. В. Мамина и имя его учителя Ф. А. Блинова. Старший технолог здешнего завода М. И. Сазанов — более полувека он трудится тут — помнит, как с шумом и грохотом проносилась по улицам Балакова паровая повозка на гусеничном ходу, построенная талантливым самоучкой из бурлаков Федором Абрамовичем Блиновым, создателем первого в мире гусеничного трактора. Работал Сазанов с Я. В. Маминым. Его колесный русский трактор появился почти на десятилетие раньше, нежели начала выпускать тракторы американская фирма «Холт». Сотрудником Я. В. Мамина, ныне работающего на Челябинском тракторном, был и Семен Михайлович Серебряков. С волнением вспоминает он поездку своего учителя к В. И. Ленину в Москву в 1918 году, знаменательную поездку, после которой на Волге, в городе Маркс, начали строить опытные советские тракторы «Карлик».

Нередко после работы Сазанов и Серебряков встречаются в заводском саду со старым токарем-пенсионером Георгием Ильичом Кутырлановым. Школьный товарищ В. И. Чапаева Г. И. Кутырланов в боях с Колчаком командовал одним из батальонов Чапаевской дивизии.

«Бойцы вспоминают минувшие дни»?.. Нет, не только о прошлом заходит речь. Патриоты своего городка, балаковцы мечтают о будущем, увлекательном будущем ближайших лет. Кто знает, может быть, город Чапаева и Блинова станет в одном ряду с Куйбышевом и Саратовом.

Саратов... Одна из крупных волжских пристаней. Уже летом 1952 года можно представить себе Саратовский порт в 1956 году, когда разлив Сталинградского моря зальет острова и вода подступит под самую ограду набережной. Ниже по течению, там, где сейчас мелководная Уляшовская «воложка», будут причалы и склады. От ветров и непогоды их оградит высокая дамба, которую намоют землесосы на пустынном ныне Казачьем острове.

Саратовцы-волгари трудятся для своего завтрашнего дня. От причалов отходят баржи с силикатным кирпичом для Куйбышевской ГЭС, теплоходы везут станки и металл на Сталинградскую стройку. Заботами о завтрашнем дне живут тут и хозяйственники и ученые. В Энгельсе, на противоположном берегу Волги, создан трест, который займется вырубкой леса в прибрежной пойме — зоне затопления. За окраиной Саратова на полях Научно-исследовательского института земледелия Юго-Востока СССР выращиваются новый сорт пшеницы, конопля, кенаф. В Заволжье в ряде колхозов Ершовского района на базе местных искусственных водоемов развивается орошаемое земледелие. В самые засушливые годы ершовские колхозники снимают богатые урожаи. Завтра, когда воды Сталинградского моря потекут по оросительным каналам Заволжья, засушливая степь станет цветущим садом.

Поплывем же к Сталинграду, туда, откуда начнется разлив нового моря, где на берегах Волги сооружается одна из крупнейших в мире гидроэлектростанций — Сталинградская ГЭС. Она ежегодно будет вырабатывать около 10 миллиардов киловатт-часов. Электрическая энергия пойдет отсюда в Москву, в районы

Продолжение. См. «Огонек» №№ 28, 29, 30, 31 и 32.

Центральной черноземной полосы, на оросительную систему.

С каждым месяцем все шире и шире развертываются работы на огромных строительных территориях Сталинградгидростроя. На сооружении плотин, каналов, новых городов и будущего моря используется новейшая техника: тысячи машин.

Сталинградгидрострой — это большое будущее города-героя.

СЛАВА И ГОРДОСТЬ СТРАНЫ

Над зеленоватой волжской зыбью, поднятой раскаленными ветрами пустынь, медленно вырастает темнокоричневый крутой берег реки. Ничем не отличается он от всей такой же глинистой ленты берега, протянувшейся вниз по Волге до Каспия. Но эта сталинградская земля, опаленная солнцем, повитая заводскими дымами и горячей степной пылью, заставляет учащенно биться любое сердце. Никто не уйдет теперь с палубы, никто не оторвет глаз от земли великих битв и великих свершений.

— Сталинград! — разносится по всем палубам, каютам и салонам теплохода «Сергей Киров». — Смотрите: это Тракторный, первенец индустриализации... А рядом с ним «Красный Октябрь»... Вдали, видите, Мамаев Курган...

Капитан теплохода Андрей Иванович Белодворцев выходит из остекленной рубки на мостик, вскидывает бинокль; стекла приближают кварталы города и заводские цехи.

Стремительно меняясь, пролетают в памяти капитана картины минувшего.

— Неописуемой красоты был город, — говорит капитан. — Ходил я до войны сюда на «Гончарове». Бывало, посмотришь на Сталинград — шапку снимешь. А потом на «Гончарове» прорывался к Сталинграду по минным полям...

Капитан показывает на реку, где таились минные поля, и замечает идущий навстречу крошечный портовый катер «Чайку».

— Дайте салют! — командует Белодворцев вахтенному штурману Николаю Алексеевичу Соснину. — «Чайка» идет. Каждый волгарь должен салютовать катеру — герою Сталинградской битвы. Под огнем ходила «Чайка» с левого берега на правый...

Капитан «Чайки» Георгий Ефимович Соколов отвечает на салют теплохода «Сергей Киров», машет белым флагом и долгим взглядом провожает судно.

Пассажирский теплоход скорой линии Москва — Ростов идет вдоль берегов возрожденного Сталинграда, и москвичи, ленинградцы, горьковчане, уральцы, волнуясь, обозревают утонувшие в зелени новые цехи Тракторного завода, сверкающий зеркальными стеклами Дворец культуры тракторостроителей.

Капитан стоит на высоком мостике; ветер и солнце обжигают его бронзовое лицо. В который раз всматривается он в неповторимые черты города-героя, вспоминает прошлое и думает о будущем.

— После войны приезжали сюда американские специалисты, — рассказывает Андрей Иванович. — Смотрели они на развалины, притворно вздыхали, а потом сказали: «Восстановить город невозможно. Нужно его строить на другом месте, а из Сталинграда следует устроить музей и пускать в него за деньги путешественников».

— Гадали, да прогадали, — замечает капитан. — Пусть-ка теперь посмотрят на сталинградское чудо: вот он, Сталинград!

С палубы виден заводской двор СТЗ, видны сотни новеньких тракторов «ДТ-54». Подъемные краны подхватывают их и грузят на самоходные баржи, железнодорожные платформы. Под сенью акаций и каштанов проходят эшелоны с тракторами; идут они на колхозные поля, уходят за рубежи нашей Родины — советский народ направляет свой дар народам Китая и Болгарии, Венгрии и Албании.

Все честные люди земного шара радуются каждому новому успеху сталинградцев. Во многих городах Европы именем Сталинграда названы площади и улицы, станции метро и бульвары — народы помнят и чтут бессмертное мужество сталинградцев. Именем Сталинграда названы части и соединения сражающейся Кореи — в сердцах доблестных патриотов живет слава и честь Сталинграда.

Длинной и неширокой лентой протянулся вдоль Волги город-герой. Длина этой ленты — почти 64 километра. Смотришь на Сталинград с борта ли теплохода или с Мамаева Кургана, отовсюду видишь стеклянные кровли его бесчисленных цехов, желтеющие кроны деревьев в садах и парках, белые здания рабочих поселков, густые строительные леса на широком проспекте имени Сталина.

Сталинград — город поразительных масштабов, невиданных работ. Шесть государственных лесных полос проходят по территории Сталинградской области. В Сарпинской низменности сооружается мощная оросительная система, прокладываются Ергенинский и Генераловский каналы. Лишь недавно Сталинград стал портом пяти морей. Еще месяц назад появление морского корабля здесь было событием. Сейчас, когда на Волго-Донском судоходном канале имени В. И. Ленина идет нормальная навигация, сталинградцы считают естественным, что в порту стоят корабли Балтики и Черного моря. Сейчас сталинградцы уже думают о Сталинградском море, которое нужно создать в ближайшие годы, о самотечном канале Волга — Урал, о величайшей гидроэлектрической станции.

Четыре часа стоянки в порту, и теплоход, дав прощальные гудки, отправляется в дальнейший путь. Позади остаются новый замечательный речной вокзал, причалы, праздничная лестница с широкими маршами гранитных ступеней. Уплывают и постепенно исчезают пальмы и розы у подножья колонн белого камня, мерно покачивающиеся на волнах рыболовецкие сейнеры, прибывшие сюда с Белого моря.

Канал пяти морей преобразил город и Волгу. Расширился грузовой порт. Здесь появились новые краны, склады, причалы.

Около зеленого острова Заумор, как и год назад, стоят плоты. Но и они стали иными: на рейде множество «сигар» из тысяч бревен. Новая конструкция плотов вызвана необходимостью пропускать их через шлюзы: каждый плот должен быть узким, сигарообразным.

Теплоход «Сергей Киров» обходит закованный в бетон и камень Сарпинский полуостров. На оконечности его возвышается башня Волжского маяка. Тут судно делает крутой поворот, и палубы оглашаются аплодисментами, вос-

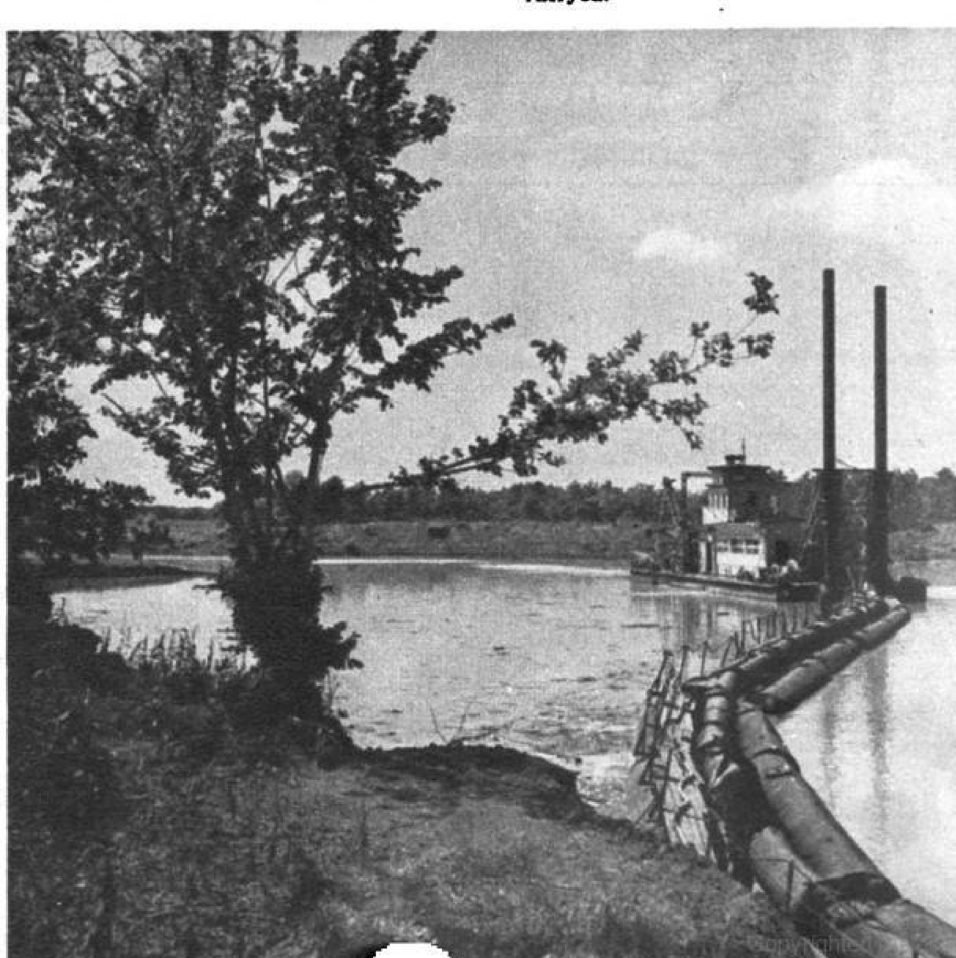

Саратов. На полях Научно-исследовательского института земледелия Юго-Востока СССР выращиваются влаголюбивые культуры, которые найдут широкое применение на орошаемых землях Заволжья. На снимке: селекционер, лауреат Сталинской премии доктор сельскохозяйственных наук А. А. Краснюк.

Валаново. В заводском саду собрались старые друзья: Г. И. Кутырланов (в центре), М. И. Сазанов (слева) и С. М. Серебряков.

Сталинград. Земснаряд прорывает канал Волга — Ахтуба.

торженными возгласами: у входа в канал, на высоком берегу Волги, возвышается монументальная скульптура И. В. Сталина.

В 9 часов 40 минут утра, проделав путь в 2 675 километров от Москвы, «Сергей Киров» швартуется к дебаркадеру Красноармейска. Буксир «Ласточка» тянет сигарообразные плоты. Теплоход «БТ-306» доставил на рейд с канала баржу с углем. Буксировщик «Академик Быков» готовит «воз» — караван барж с вольским цементом и баскунчакской солью: будни великой водной магистрали!

Наш теплоход после короткой стоянки «отваливает» от дебаркадера и медленно идет вдоль бетонных причалов к триумфальной арке. «Сергей Киров» входит в камеру шлюза. Через 10 минут вместо положенных по плану 25 минут заканчивается шлюзование. Щит-затвор опускается под воду, и теплоход входит в канал. Над головами проплывает арочный мост, и вот — историческое место, где 31 мая в 1 час 55 минут соединилась Волга с Доном.

Позади остается второй шлюз. С высоты, на которую теперь поднялось судно, виден залитый зеленью садов Красноармейск и новый промышленный район, где строятся заводы, фабрики, поселки, прокладываются дороги. Водный путь вызвал к жизни канатный, шпалопропиточный, мачтовый заводы и многие другие предприятия.

Остались за кормой мощные башни третьего шлюза. Встречаем караван судов с Цимлянского моря — везут уголь, хлеб...

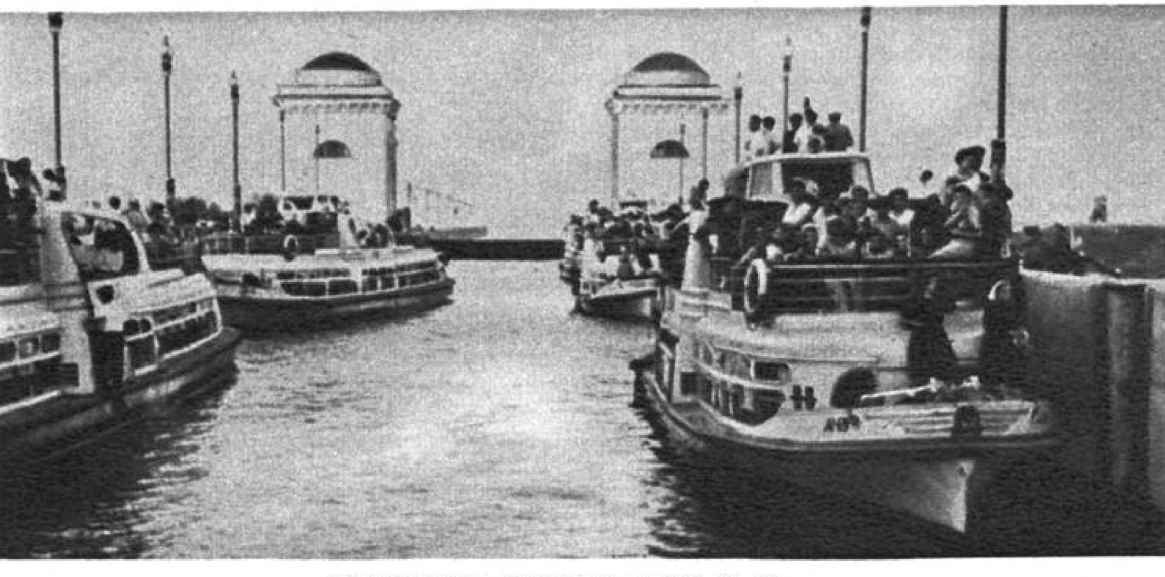
Вдоль канала тянется автомобильная магистраль. Месяц — два назад по ней непрерывно мчались машины с экскурсантами. Сейчас проходят автобусы, такси, колхозные грузовики, и для всех, кто сидит в машинах, корабль в степи стал уже привычным.

Пятый... шестой... восьмой... девятый шлюзы... Со «ступени» на «ступень» теплоход поднимается на высоту в 88 метров над Волгой и достигает гребня водораздела. Под нами, на реке, причалы и набережные Красноармейска.

«Сергей Киров» входит в «ущелье». Могучие шагающие экскаваторы проложили через вершину водораздела самую глубокую выемку на трассе канала. Отвалы коричневой земли возвышаются теперь, как цепи холмов. В «ущелье» тихо, прохладно. Эхо умножает шум машин, плеск волн.

Вот и Варваровское море. На горизонте показывается встречное судно — это пассажирский пароход «А. Радищев». Капитан «А. Радищева» Евгений Алексеевич Турилов приветствует нашего капитана Белодворцева: идет перекличка гудков, вахтенные размахивают флагами, радисты обмениваются депешами.

Перед открытием навигации на канале пяти морей Андрей Иванович Белодворцев первым провел свой теплоход «Сергей Киров» от Сталинграда до Ростова. Затем лучшему капитану Министерства речного флота было поручено провести до Ростова пароход «А. Радищев». Андрей Иванович передавал в пути свой опыт молодому капитану Евгению Турилову, знакомил его с судовой обстановкой. Из Ростова Белодворцев прилетел в Сталинград на самолете, встретил свой корабль и повел его в новый рейс.

Пассажирские катеры в шлюзе № 13.

Фото Е. Рябчикова

Детвора Береславска приветствует проходящий по каналу караван судов. Их особенно заинтересовала морская шхуна, следующая за буксиром.

...Теплоход пересекает Варваровское море. На берегах желтеет стерня: убран первый урожай в преображенной степи. Вдали виднеются строения колхоза имени Нариманова. Еще недавно хутор стоял там, где шумит сейчас морская волна. Колхозники переехали на новое место. Высокие створные знаки с газосветными трубками возвышаются за околицей хутора. Колхоз имени Нариманова собрал в этом году большой урожай овощей и картофеля, впервые получил свою пшеницу. Колхозная насосная станция подает из моря на поля живительную воду. Абдул Абдрахимович Сулейманов дежурит в будке колхозной насосной станции. Поглядывая на теплоход, он курит свою трубочку и думает о сказочных переменах в степи. Когда-то на выжженной солнцем земле росли только колючки. Лишь верблюды могли перенести зной полупустыни. Теперь на лугах стога сена, на бахчах и огородах холмы картофеля и арбузов.

Подходим к десятому шлюзу — одному из самых красивых на канале. Две высокие башни увенчаны белыми колоннами. На массивных цоколях лежат гигантские чугунные якори.

Теплоход входит в камеру шлюза. Мальчишки из колхоза предлагают арбузы, дыни, помидоры и букеты цветов.

Где-то внизу, в глубине, за выходными воротами шлюза показалась лента канала. Высота так значительна, что хочется зажмурить глаза.

— Как же мы «прыгнем» с такой высотищи?.. — удивленно спрашивают пассажиры.

Через девять минут теплоход словно «проваливается» на дно шлюза: вода выпускается через специальные водопроводные галереи, и мы оказываемся на уровне канала, примыкающего к шлюзу № 10. Открываются огромные металлические ворота.

Начинается спуск теплохода по «Донской лестнице». В отличие от знаменитой «Волжской лестницы» с ее крутым подъемом на высоту в 88 метров «Донская лестница» кажется пологой, с плавным, мягким спуском.

Степь подходит к каналу со всех сторон. Судно плывет, возвышаясь над равниной. Далеко видно окрест — вот пролегла новая железная дорога, протянулись стальные башни высоковольтной линии электропередач, выросли новые поселки, на зазеленевших степных просторах пасутся тучные стада, видны деревянные домики колхозных птицеферм.

Миновали Береславское море. На степь уже легли густые вечерние тени. Солнце клонится к горизонту, и облака становятся золотыми. Проходит еще час, и, словно по мановению волшебного жезла, вся степь расцвечивается электрическими огнями. Пылают зеленые и алые створные знаки, желтеют цепочки судовых фонарей. Золотыми созвездиями рассыпаются огни новых городов и поселков.

Сказочная, чарующая ночь! В водах канала отражаются звезды неба и огни большой земли. Навстречу идут ярко освещенные буксиры, самоходные баржи, катера «Москвичи», большие волжские пассажирские теплоходы. Через каждые 15 минут — встречное судно. Бьют склянки. Льются песни.

В ночной тьме «Сергей Киров» выходит на простор Карповского моря. Глухо прогудели тракторы в Советской МТС. Слышится заливчатый гудок паровоза. По автостраде, мигая фарами, мчатся колхозные грузовики с хлебом и овощами.

Справа остается спящий городок Новая Ильевка с колоннадой речного вокзала. Впереди Карповская насосная станция, плотина и белые в лучах прожекторов башни тринадцатого шлюза. Шумит вишневый сад; его перевезли сюда издалека.

Последнее шлюзование. Теплоход минует триумфальную арку и выходит в канал. Чувствуется близость Цимлянского моря: дует крепкий ветер, бьет о борт злая волна.

Длинные слепящие лучи маяков прорезают тьму горизонта. Слева и справа в устье канала горделиво возвышаются мощные башни маяков. Как часовые, охраняют они выход в Цимлянское море. Вахтенный штурман Николай Алексеевич Соснин, зябко кутаясь в плащ, поворачивает судно вправо — вверх по Дону. Несколько минут хода, и в полнеба вздымается зарево Калача. Издали виден порт и рейд со множеством судов.

ЗАВОД НЕВИДИМЫХ ДЕТАЛЕЙ

— Вот и заводской двор! — сказал наш спутник.

Взглянув на обширную территорию, мы не заметили никаких признаков промышленного предприятия. Не было видно фабричной трубы, складских помещений, и кругом — тишина.

— Материальные склады нам не нужны, — продолжает спутник. — Одна легковая машина «Москвич» может доставить сырье на целый год, хотя производственная программа исчисляется миллионами изделий.

Мы входим в цех. В просторном, светлом зале широкие столы, на которых смонтированы небольшие станочки. В удобных, вращающихся креслах сидят работницы, одетые в белоснежные халаты. У них под рукой микроскопы, инструменты, всевозможные стекла. Склонившись над столами, работницы захватывают пинцетами крупицы темнокрасного цвета.

Перед нами лежат в россыпи микроскопические рубиновые сколки. Чтобы взять их пинцетом, нужно обладать хорошо натренированным, зорким глазом, действовать с величайшей аккуратностью. Стоит работнице неосторожно кашлянуть, как со стола на пол слетят сотни деталей, которые потом почти невозможно собрать.

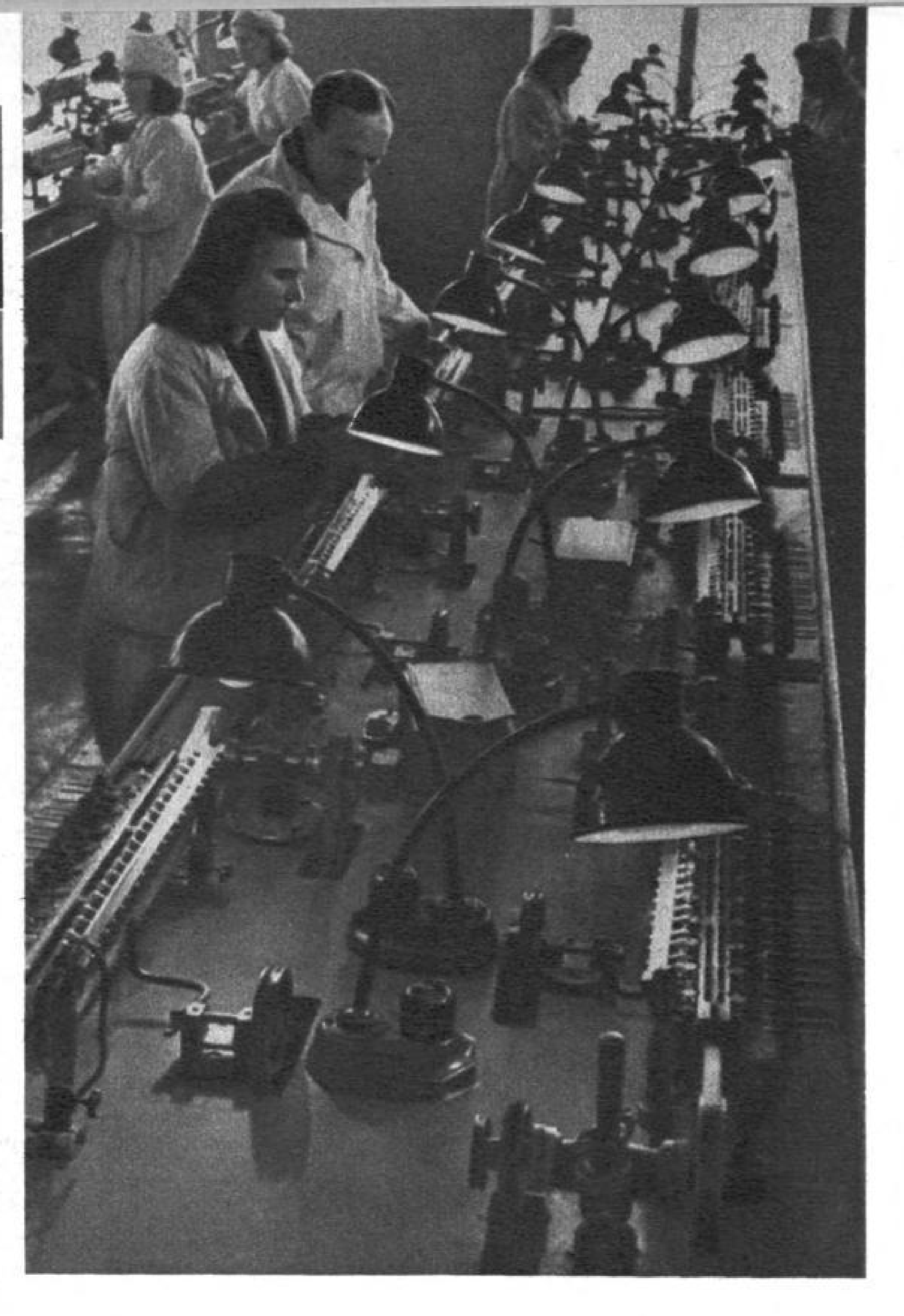
Рубин тверже стали, крепче любого твердого сплава. В наручных и карманных часах отечественной марки вы едва заметите точечки темнокрасного цвета. Это часовые камни. Они сделаны из синтетического рубина.

В нашей стране освоено производство часовых рубиновых камней любых размеров и конфигураций. Пионер их производства — петродворецкий завод точных технических камней № 1. История его весьма примечательна. Еще при Петре I существовала «мельница для полирования стекол». Позже эта «мельница» превратилась в Петергофскую гранильную фабрику и приобрела мировую известность. Талантливые русские умельцы создавали из дорогих минералов уникальные изделия, украшавшие дворцы.

В годы сталинских пятилеток старейшее русское предприятие, перестроенное на основе современной отечественной техники, выпускало точные технические камни. Фашистские захватчики разрушили завод. Сейчас, на двести двадцать шестом году своего существования, завод восстановлен и переживает третье рождение: здесь налажено производство часовых рубиновых камней высокого класса точности.

Изготовление часовых камней — трудоемкий и сложный процесс. Крохотный кусочек рубина превращается в часовой камешек лишь после пятидесяти технологических операций.

В цехе мы видели, как рубиновые бульки величиною с указательный палец раскалывали на две части. Затем каждую из них разрезали на тоненькие пластинки размером с ноготок. Из такой пластинки выкраивали примерно шестьдесят заготовок. Только после этого начинался длительный процесс обработки.

Линия полуавтоматических сверловочных станков. На переднем плане стахановка М. П. Панафидина и заместитель начальника цеха А. А. Зимин.

В самом центре малюсенького рубина просверливается микроскопическое, не видимое простым глазом отверстие. Сверлом служит проволока толщиной в человеческий волос. На нее наносится слой абразивного порошка, диаметр зерна которого в десять раз меньше диаметра самой проволоки. Эти сверла вращаются на двадцатишпиндельных станках в девять раз быстрее пропеллера самолета. Только при этом удается просверлить в рубине отверстие.

На столах то в одном, то в другом месте, подобно огонькам маяков, мигают электрические лампочки-«малютки».

— Это автоматическая световая сигнализация,— поясняет заместитель начальника цеха А. А. Зимин.— Прежде работницы лишь на глазок определяли, когда оканчиваются операции сверления. В результате иногда получался брак. Теперь световые сигналы предупреждают об окончании операции.

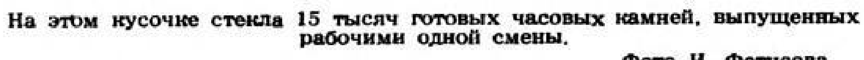
На заводе есть оригинальные станки, созданные здешними рабочими, мастерами, инженерами. Это полуавтоматы, выполняющие сверловочные, шлифовальные, полировочные и многие другие сложные операции. Нам показали шлифовальный станок лауреата Сталинской премии главного технолога А. В. Кадыкова. Чистота шлифовки поверхности рубина должна быть идеальной. Качество ее проверяется на микроскопе сорокакратного увеличения. И если выявится малейший скол или царапинка, изделие идет в брак. С помощью механизмов системы Кадыкова достигается высокой точности шлифовка, и выполняется она в пятнадцать раз быстрее, чем раньше.

Немногие знают, что в крохотном часовом камешке имеется резервуар для хранения масла, которым смазывается часовой механизм. Сделать в рубиновой частице сферическую выемку для резервуара — это почти то же, что подковать блоху. Но и эту операцию на заводе производят с высокой точностью.

Как быстро сосчитать миллионы микроскопических деталей, выпускаемых заводом? Инженер А. Ф. Степовик сконструировал специальный автоматический прибор. В его бункер засыпаются готовые рубиновые камни, и прибор производит подсчет.

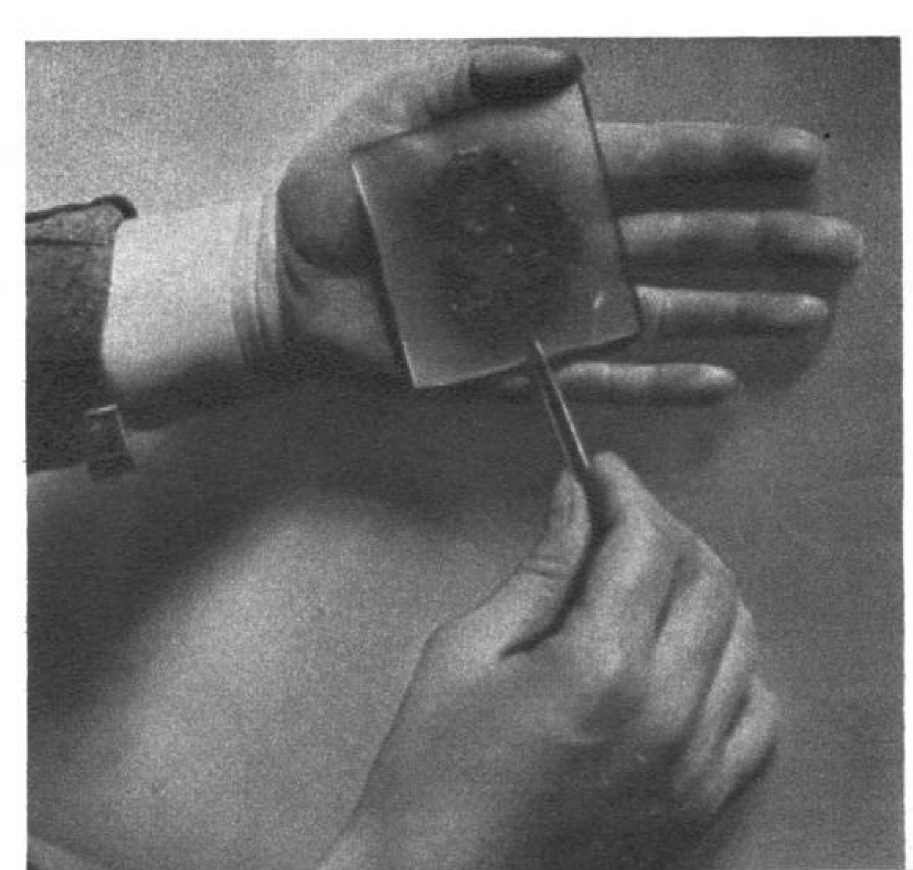
...Крохотные рубиновые камешки в упаковке с маркой петродворецкого завода вложены в малюсенькие коробочки-посылки. На них — адреса часовых заводов страны.

К. ЧЕРЕВКОВ,
М. СЕМЕНОВ

На этом кусочке стекла 15 тысяч готовых часовых камней, выпущенных рабочими одной смены.

Фото И. Фетисова

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

«Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи!»

Этот призыв VI съезда партии поднимал на революционные битвы широкие массы пролетариев и беднейших крестьян России. Их боевые колонны становились под знамена большевистской партии.

Между тем враги революции прилагали все усилия, чтобы закрепить свою июльскую «победу». Буржуазия собирала силы, надеясь окончательно разгромить Советы и установить контрреволюционную диктатуру. Устами миллионера Рябушинского реакция требовала «костлявой рукой голода, народной нищеты схватить за горло лжедрузей народа — демократические Советы и комитеты». Буржуа понимали: хотя двоевластие и кончилось, хотя Советы не играют прежней роли, но положение милюковых, корниловых и керенских далеко не прочно.

Характеризуя обстановку в стране, И. В. Сталин писал 8 августа 1917 года: «Развитие контрреволюции вступает в новую полосу. От разгромов и разрушений она переходит к закреплению занятых позиций. От разгула и бесчинств — к «законному руслу» «конституционного строительства».

Это был очередной маневр буржуазии. В нем она видела единственную возможность завершить сейчас, в августе, кровавое дело, начатое в июле.

Военную диктатуру промышленников и помещиков было решено подкрепить политически — создать нечто вроде «парламента», «центр объединения» сил контрреволюции. Грязными руками эсеров и меньшевиков буржуазия воплощает в жизнь свой замысел: вместо Учредительного собрания и в противовес Советам созывается в Москве так называемое Государственное совещание.

5 августа 1917 года вопрос об отношении к Московскому совещанию обсуждался в Центральном Комитете большевистской партии. ЦК решил развернуть широкую кампанию протеста против очередного заговора контрреволюции. По поручению ЦК партии товарищ И. В. Сталин пишет статью «Против Московского совещания». Она была опубликована в ряде газет, а затем вышла отдельной листовкой.

Товарищ Сталин разоблачает коварный замысел реакции. Она подменяет волю народа волей буржуазно-помещичьих верхов; она созывает совещание купцов и промышленников, помещиков и банкиров, членов царской Думы и прирученных уже меньшевиков и эсеров; она пытается объявить это совещание «общенациональным собором», «парламентом», добиться от него одобрения политики империализма.

Открытие совещания было назначено на 12 августа в Москве. Старая столица казалась рябушинским более спокойной по сравнению с бурлящим Петроградом. И. В. Сталин, иронизируя по поводу этого, пишет:

«— В Москву, в Москву! — шепчутся «спасатели страны», удирая из Петрограда.

— Скатертью дорога,— отвечает им революционный Петроград.

— Бойкот вашему совещанию,— бросают им вдогонку петроградские рабочие.

А Москва? Оправдает ли она надежды контрреволюционеров?

Что-то не похоже на это...»

Нет, трудовая Москва не оправдала надежд контрреволюционеров. Москва рабочая оправдала надежды большевиков. К исполнению принят был призыв И. В. Сталина: сорвать с Московского совещания маску народного представительства; разоблачить меньшевиков и эсеров, прикрывающих совещание флагом «спасения революции»; организовать массовые митинги протеста против этой контрреволюционной махинации «спасателей»... барышей помещиков и капиталистов.

Еще 10 августа московская общегородская конференция большевиков решила в день открытия совещания провести всеобщую забастовку протеста. Как ни противилось этому решению меньшевистско-эсеровское большинство Московского Совета, забастовка была проведена.

...Перед нами пожелтевшие от времени листы газеты «Социал-Демократ». От каждого газетного столбца веет духом великих революционных событий.

Номер от 12 августа. Во всю ширину первой страницы боевой клич:

«Сегодня день всеобщей забастовки!

Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская!

Пусть в день организации контр-революции остановится жизнь в Москве!»

Близко к сердцу приняли этот клич пролетарии Москвы. В этом же номере публикуются короткие и гневные резолюции рабочих собраний. Их решение единодушно: бастовать!

12 августа бастовало 400 тысяч рабочих Москвы. «Спасатели России», съехавшиеся в Москву, остались без света, воды и транспорта. Не работали заводы, фабрики, электростанции, остановились трамваи. В «Социал-Демократе» публикуется длинный список московских предприятий и мастерских, коллективы которых ответили на созыв всероссийского слета душителей революции всеобщей забастовкой.

13 августа в газете «Пролетарий» была напечатана статья И. В. Сталина «Куда ведет Московское совещание?». Она заканчивалась словами горячего привета пролетариям Москвы:

«А Москва делает свое революционное дело...

Да здравствует революционный пролетариат Москвы!..

Пусть сильнее раздастся голос наших товарищей в Москве на радость всем угнетенным и порабощенным!..

Москва бастует. Да здравствует Москва!»

Голос пролетариата Москвы, могучая волна протестов, прокатившаяся по всей России, — это было грозное предупреждение силам буржуазии.

Мудрая партия большевиков трезво оценивала напряженную ситуацию в стране: от Государственного совещания тянулись нити к будущему заговору генерала Корнилова. ЦК партии большевиков смотрел далеко вперед и в своем воззвании, опубликованном в те дни, предостерегал трудящихся: «Будьте... зорки, бдительны и осторожны».

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Органъ Моск. Областного бюро, Моск. Комитета и Моск. Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П.

№ 132. 12 (25) августа 1917 г. Ежедневная газета суббота Цѣна 10 коп. № 132.

Сегодня день всеобщей забастовки!

Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская!

Пусть в день организаціи контр-революціи остановится жизнь в Москвѣ!

От конторы „Соціал-Демократа“. ... в субботу, 12 августа, в 11 час. утра

Макет проекта Дома Советов.

Дом Советов в Сталинграде

Растет и хорошеет город-герой Сталинград. Один за другим освобождаются от строительных лесов многоэтажные жилые дома, школы, клубы, кинотеатры. На месте руин и пустырей возникают новые улицы, проспекты.

Красивый архитектурный ансамбль представит собой центральная часть города. Здесь, на площади Павших Борцов, где уже возвышаются монументальные здания Областной партийной школы и Драматического театра имени М. Горького, в недалеком будущем строители воздвигнут здание Дома Советов.

На днях в Сталинградском отделении Союза советских архитекторов состоялся просмотр эскизного проекта Дома Советов, разработанного творческой бригадой под руководством действительного члена Академии архитектуры СССР Л. В. Руднева.

В Доме будет двадцать один этаж. Общая высота сооружения от основания до шпиля составит 133 метра.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

В гостях у друзей

Недавно делегация председателей колхозов Литовской ССР побывала на экскурсии в Ростовской области. Она познакомилась с опытом работы колхоза имени Сталина, Сальского района, Ростовской области. Ростовчане показали гостям, как колхозники сейчас, в страдную пору, организуют уборку богатого урожая. В колхозе со всей площади посевов собрано по 20 центнеров пшеницы с гектара.

На снимке (слева направо): председатель колхоза «Науяс Артояс», Вейсейского района, Каунасской области, Стравинскас Ионас, председатель колхоза имени Сталина А. П. Чеховской, студент Дотнувской сельхозшколы по подготовке руководителей колхозов в Литовской ССР Жеймис Антанас.

Фото Мих. Реби

В. И. Гапошкин. УТРО ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ (Куйбышевская ГЭС).

Д. П. Генин.

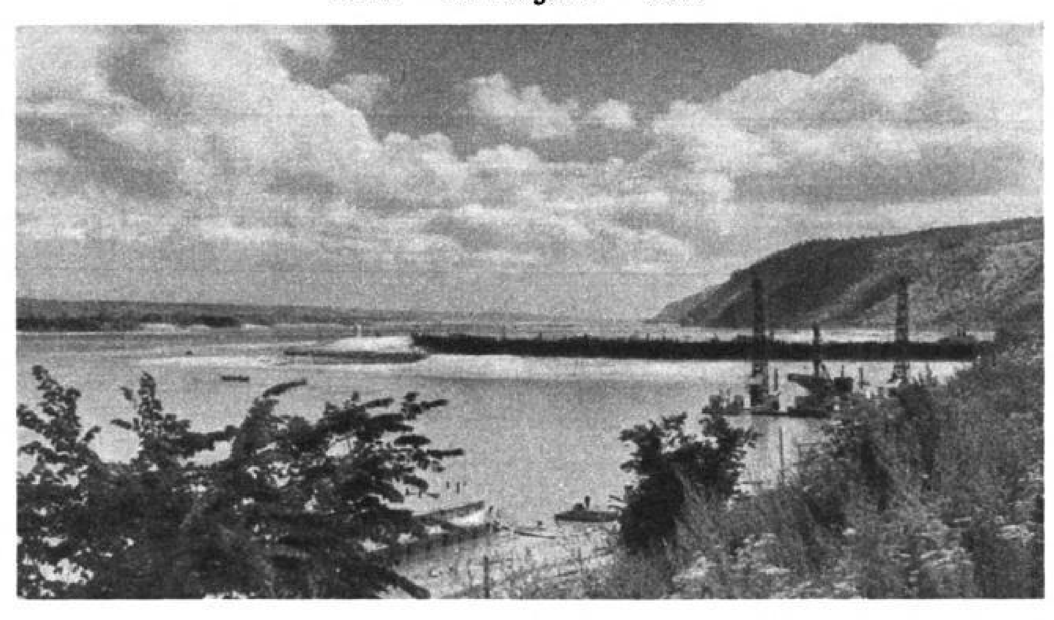
Из серии акварельных рисунков «Волга».
Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

ЗДЕСЬ БУДУТ ПОСТРОЕНЫ ЗДАНИЯ И ПЛОТИНА ГЭС.

ВЫГРУЗКА ШПУНТА.

ЗДЕСЬ СТРОЯТ ГЭС-ГИГАНТ

1950 — 21 августа — 1952

Почти до середины Волги протянулась шпунтовая стена.

К Ставропольской пристани пришвартовался пароход. Пассажиры торопливо сходят на берег и, черпая обувью горячий песок, устремляются к автобусу:

— Куда идет машина?

— К политотделу,— слышится из кабины.

В политическом отделе «Куйбышевгидростроя» показывают аэрофотоснимок. Кривые линии волжских берегов. Телячий остров. Сбоку Лещевое озеро. Вдоль берегов курчавятся темные пятна покрытых лесом возвышенностей. Жигули.

На снимок «наложена» схема: справа — прямоугольник здания станции, от него линия плотины и слева — вытянутые в длину коробочки шлюзов.

— И это все?

Мы ожидали увидеть полотнища чертежей, а тут кусочек глянцевой бумаги величиной в две почтовые открытки. Не так мы представляли первое знакомство со стройкой-гигантом.

Вероятно, М. С. Мельников, работник политотдела, заметил пробежавшую по нашим лицам тень разочарования и поспешно предложил:

— Лучше всего посмотреть на месте. Там виднее...

В самом деле, какой портрет заменит живой человеческий образ и какой чертеж отразит в полной мере то, что есть и будет?!

...Склон крутой горы. Вверху пятиметровыми буквами выложено: «Вперед, к коммунизму!» А под нами покоряющее своей силой и пространством зрелище.

Сразу мелькает мысль: машинное столпотворение. Сколько их, механических работников-великанов! Они и на суше и на воде. Одни зарылись в землю, и только хоботы с железными ковшами то и дело взбрасываются вверх. Другие все на виду и важно возвышаются над своими собратьями. Третьи, точно связные, носятся по бревенчатым настилам.

Когда проследишь за маршрутом самосвалов, впечатление беспорядочности и нагромождения исчезает. Нет, это не столпотворение! Металлические колоссы действуют согласованно. Постепенно рождается все более ясное ощущение непреодолимо могучей силы организации. Теперь уже нетрудно понять, к чему устремлены усилия людей, которым покорно подчиняется вся стальная армия механизмов: мамонтоподобные экскаваторы, пловучие махины — гидромониторы, — землесосы, копры, машины канатно-ударного бурения и ревущие моторами самосвалы.

Стройка находится на том этапе, когда люди и машины устремлены в земные глубины, к заветной отметке дна котлована. Уже определился квадрат, где будет уложен первый бетон. У экскаватора № 12 зияет глубокая пропасть. Отсюда начнется сооружение фундамента. Близок день, когда наступит эта новая стадия строительства. Уйдут постепенно с площадки экскаваторы. Последним, прощальным взглядом окинут панораму стройки славные механизаторы Михаил Евец, Василий Лямин, Вадим Мячев, а над гудящей долиной у Жигулевска вместо требовательного: «Даешь самосвал!» — загремит нетерпеливое: «Даешь бетон!». И тогда все: и люди и машины — устремятся уже не вглубь, а ввысь.

А потом наступит час, когда в просторных, точно во дворце, и в чистых, словно в клинике, залах в единый ряд выстроятся турбины-гиганты. Какое это будет торжество, когда генераторы самой большой на земном шаре гидростанции дадут ток и он потечет к Москве!

День этот не за горами. К нему уже готовится страна. Пока у Жигулевска укладывают бетон для ложа турбин, их модели испытываются в гидротехнической лаборатории Ленинградского металлического завода имени И. В. Сталина. Пока конструкторы ищут наилучшие габариты генераторов, изыскатели прокладывают трассу высоковольтной передачи от Жигулей до Москвы. Пока волжские суда идут еще к Волго-Дону мимо шпунтовой стенки у котлована на правом берегу, на левом — готовят перемычки нижнего и верхнего шлюзов. Через них в ближайшие годы корабли будут переходить из Куйбышевского моря в Сталинградское.

Надо иметь орлиное зрение, чтобы с жигулевских высот увидеть, что творится там, на левом берегу. Те же бульдозеры, скреперы, самосвалы и экскаваторы, что тут, под нами, выглядят гигантами, издали кажутся крохотными.

Когда через Волгу протянется плотина в 5½ километров, легко будет совершить путешествие от здания станции к шлюзам, а пока надо «форсировать» Волгу на пловучих средствах передвижения, чтобы добраться до Комсомольска.

Секретарь партбюро левобережного гидротехнического района Александр Михайлович Анфимов больше говорит о людях, чем о самой стройке. Не хватает кадров? Нет, людей достаточно! Управление строительством получает тысячи писем с разных концов страны и не может удовлетворить просьбы всех желающих строить Куйбышевскую ГЭС. Людей, собственно, не так много нужно стройке. Ведь она снабжена такими механизмами! Анфимов заботится о другом: коммунисты обязаны сделать все, чтобы люди стройки использовали до конца доверенную им могучую технику. Вот то звено, какое потянет за собой всю цепь! Все зависит от этого: и темпы, и качество, и настроение людей.

С гордостью говорит Александр Михайлович об экскаваторщиках В. Клементьеве, В. Згуре и С. Медведеве: «Золотые работники! Посмотрите, как ходит ковш экскаватора!»

И действительно, экскаватор, управляемый Клементьевым, работает ритмично, плавно и, мы бы сказали, грациозно, несмотря на свои огромные размеры. В поворотах корпуса машины, в движениях стрелы и ковша видна та осмысленность труда, какая характерна для умного, увлеченного своим делом работника.

Самосвалы только успевают подкатывать. Водитель еще не выжал до конца тормозную педаль, а в кузов с глухим шумом уже обрушивается глыба грунта, и автомашина, слегка присев, точно грузчик под тяжелой ношей, спешит на отвал. А там бульдозеры и тракторы-укатчики ровняют и трамбуют тело перемычки верхнего шлюза. Она растет и растет, поднимается и удлиняется.

В редкие минуты тишины западный ветер доносит оттуда, с правого берега, еле слышные удары копров. Это разделенные водным потоком берега ведут перекличку. Недолго осталось им жить врозь. Не пройдет и тысячи дней, как поперек Волги протянется плотина и берега реки навеки соединятся.

Два года прошло с того дня, как мы впервые прочитали постановление правительства о строительстве Куйбышевской ГЭС. Только два года, а у Жигулей уже явственно вырисовывается облик будущего гиганта. Поистине неисчерпаема созидательная энергия советских людей!

Я. ФОМЕНКО

Фото В. Кузьмина

Сурами—Миргород

В воскресный день августа в разных концах нашей страны — на Украине и в Грузии — произошли события, еще и еще раз напомнившие о давней дружбе украинского и грузинского народов. На Полтавщине, в Миргородском районе, где долгие годы жил и был похоронен великий грузинский поэт Давид Гурамишвили, состоялось собрание, посвященное 160-летию со дня его смерти. В грузинском курортном местечке Сурами, что под самым Сурамским перевалом, в тот же день открылся памятник классику украинской литературы Лесе Украинке, скончавшейся здесь тридцать девять лет тому назад.

Многолюдно было в этот день в Сурами. Большой зеленый холм Зиндиси усеяла толпа людей. Тут были колхозники из грузинских сел, писатели и общественные деятели из Тбилиси, Еревана, Баку. Прибыли гости из Москвы. Приехали и украинские писатели, чтобы поклониться земле, на которой провела свои последние дни Леся Украинка.

Взволнованно и проникновенно звучали речи представителей союзных республик у домика, где окончила свой славный путь дочь Украины. На больших полотнищах начертаны слова:

Нам дружба в этот день
Велела здесь собраться...

Торжественно открывается памятник — бронзовый бюст на высоком постаменте из курсебского гранита. Надпись на грузинском, украинском и русском языках:

ЛЕСЯ УКРАИНКА
1871—1913 г.

В этот же день в Сурами открылась библиотека имени Леси Украинки и выставка, посвященная ее жизни и творчеству.

В часы, когда грузинский народ отмечал открытие памятника Лесе Украинке, сюда, в Сурами, поступили из Миргорода телеграммы с траурного собрания, посвященного грузинскому классику Давиду Гурамишвили.

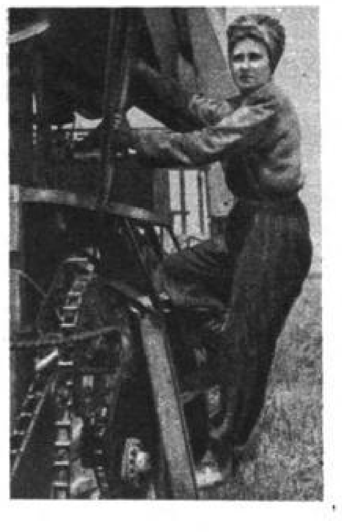
И. МЕСХИ

На открытии памятника Лесе Украинке в Сурами.

Фото В. Тархова

На комбайне колхозница Васько

С. В. Васько.

Фото Л. Ковгана (ТАСС)

На полях страны идет массовая уборка урожая. Среди тех, кто ведет комбайны, много молодых мастеров комбайновой уборки.

В Закарпатской области широко известно имя С. В. Васько. Колхозница сельхозартели «Большевик», Береговского округа, она первой среди девушек области овладела профессией комбайнера. Закончив областную школу механизации сельского хозяйства, девушка вернулась в свой район и начала работать в Бовтрадской МТС. Радостно было ей повести комбайн на поле родного колхоза «Большевик».

В ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

ЛЕНИНГРАД

Тучи заволокли небо. С Балтики дует морской ветер. Но и в такую погоду, особенно в день празднества, красива и величественна Нева. Сверкают позолотой адмиралтейская игла и шпиль Петропавловской крепости, нарядны гранитные набережные и массивные узорчатые мосты.

Набережная Красного флота. Далено видны выстроившиеся кильватерной колонной боевые корабли Балтики. Отчетливо слышны сигналы горнистов, играющих большой сбор. Мы у корабля, стоящего напротив моста, навсегда вошедшего в историю нашей Родины. Отсюда в октябре 1917 года крейсер «Аврора» громом своих пушек возвестил о начале новой эры, эры Великой Октябрьской социалистической революции.

Доносятся слова рапорта:

— Личный состав корабля построен к торжественному подъему флага в честь Дня Военно-Морского Флота СССР.

Поздоровавшись, командир поздравляет матросов с праздником. Флаг флота и флаги расцвечивания взвились ввысь.

Нева становится все более и более нарядной. Выглянувшее из-за туч утреннее солнце освещает красочную панораму. На палубах выстроились команды судов.

Начинается парад кораблей Балтийского флота, вошедших в Неву. Принимающий парад обходит строй кораблей. Многие из них носят имена героев, отличившихся в боях за Родину.

Тысячи ленинградцев, собравшихся на набережных Невы, наблюдают за парадом и бурными аплодисментами приветствуют славных балтийских моряков.

Как только закончился парад боевых кораблей, на Неве появилась флотилия гребных судов. К гребным судам присоединяются быстроходные катера и шлюпки.

Всеобщее восхищение вызывает массовый заплыв военных моряков. Плывя строем, они поют старинную морскую песню о «Варяге».

К. ЧЕРЕВКОВ

СЕВАСТОПОЛЬ

Севастополь — в праздничном убранстве. Легкий ветерок ласково колышет кумачовые знамена, флаги расцвечивания. Повсюду портреты создателя могучего советского флота — великого Сталина.

Радостное настроение царит на улицах города-героя. Севастопольцы, моряки-черноморцы, многочисленные гости, приехавшие на торжества из городов и сел Крыма, спешат на водную станцию. Здесь уже все готово к открытию празднества, посвященного Дню Военно-Морского Флота СССР.

...Командующий парадом объезжает на катере военные корабли и приветствует моряков. Гремит краснофлотское «ура». Идет военно-морской парад.

Затем начинаются спортивные состязания. Они завершаются традиционным звездным заплывом. Зрители любуются изумительно красивым зрелищем. Плывут тысячи загорелых, ладно сложенных, ловких, сильных и смелых моряков в белых бескозырках. Они плывут с разных сторон, колоннами, и впереди каждой из них — увитые живыми цветами портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, руководителей партии и правительства.

Днем на водной станции, знаменитом Приморском бульваре, на площадях города продолжалось празднество. Вечером корабли засияли гирляндами электрических лампочек. Севастопольское небо озарилось ракетами, раздались залпы салюта.

Веселье царит на улицах и на кораблях. Несутся звуки музыки, песен, чтецы декламируют полюбившиеся севастопольцам стихи:

Стоит Севастополь в парадном уборе,
Стоит Севастополь и смотрит на море.

В. БАРЫКИН

ТАЛЛИН

Широко раскинулась суровая Балтика — колыбель русского флота. Более двухсот лет назад на ее просторы вышли флотилии Петра Первого, в морском уставе которых говорилось: «Все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги...»

Бдительно охраняют западные морские рубежи нашей страны моряки Краснознаменной Балтики. Вот они, славные ее корабли, выстроившиеся на рейде.

...Раздается пушечный салют. Звучит сигнал захождения. Команды кораблей приветствуют катер, на котором находятся принимающий парад, члены правительства советской Эстонии и гости. На палубах выстроились моряки-балтийцы. Среди них отличники боевой и политической подготовки. Широко здесь известны имена старшин первой статьи Д. Манеева, А. Кондратьева, старшего матроса Н. Кокина. Таких на параде много.

Аллеи набережной заполнены тысячами жителей Таллина. После парада горожане идут на Певческое поле — там большое народное гулянье. Выступают артисты ансамбля песни и пляски Балтийского флота, артисты азербайджанского ансамбля песни и танца, участники матросской самодеятельности. На рейде соревнуются лучшие гребцы.

Н. ХРАВРОВА

В минувшее воскресенье в Москве Химкинское водохранилище было центром большого торжества — у трибун водной станции «Динамо» состоялся праздник, посвященный Дню Военно-Морского Флота СССР. В 12 часов дня командующий парадом контр-адмирал Н. А. Питерский и принимающий парад вице-адмирал В. А. Фокин обошли на катере выстроившиеся на рейде военные корабли. Затем началось торжественное прохождение катеров. Над головным катером алый стяг с портретами В. И. Ленина и И. В. Сталина.

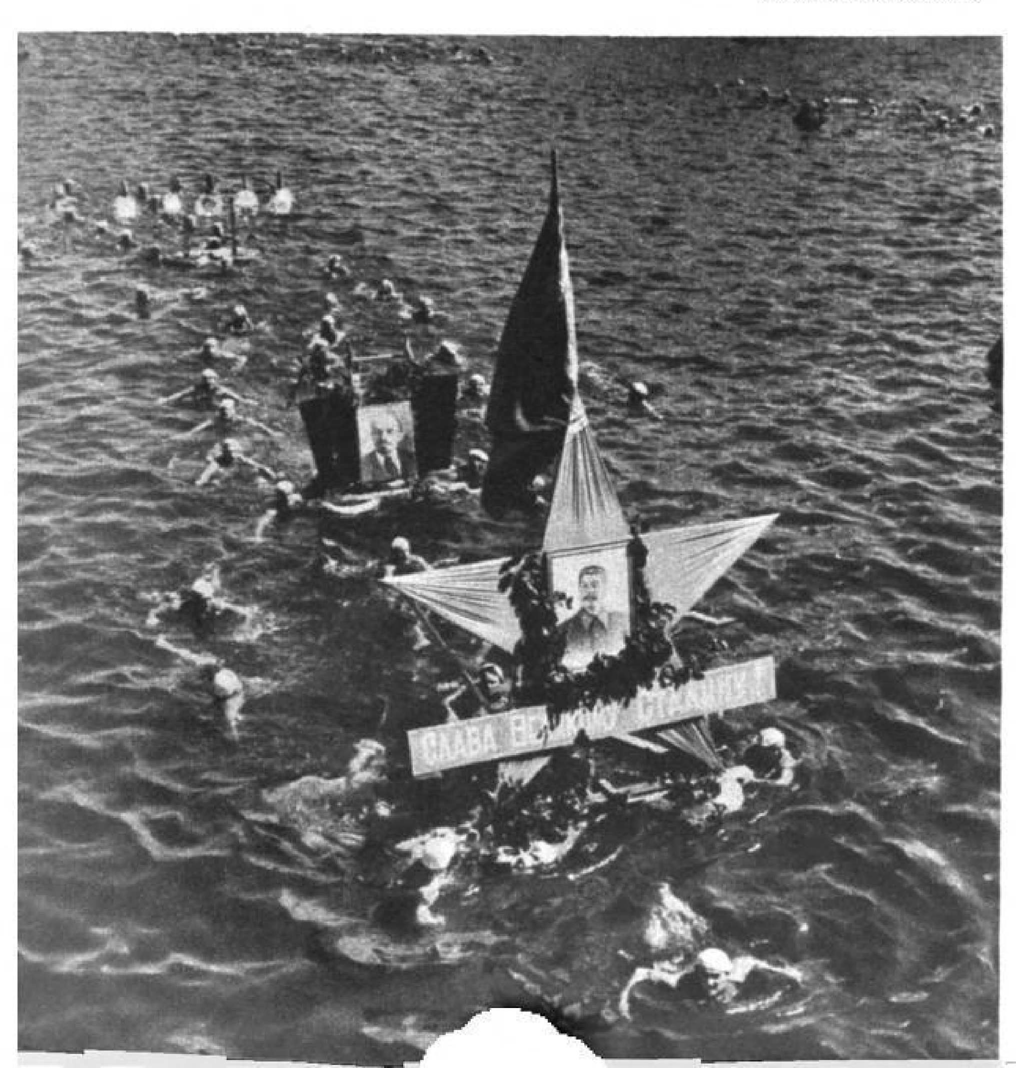
Москвичи с большим интересом наблюдали за разнообразными спортивными состязаниями.

На снимке: парад военных судов. Над ними — вертолеты конструкции инженера Камова.

Фото Л. Доренского и С. Преображенского (ТАСС)

Звездный заплыв моряков-черноморцев.

Фото В. Евграфова

Корабли Краснознаменной Балтики вечером на Неве.

Фото И. Фетисова

Шахматный турнир наций

Первый тур

9 августа в помещении Высшего коммерческого училища, украшенного флагами стран, принимающих участие в состязании, состоялось открытие X шахматной олимпиады. Участвуют 25 команд различных стран мира. Съехалось свыше 150 известных мастеров и гроссмейстеров. Эта юбилейная олимпиада представляет особый интерес ввиду участия в ней советских шахматистов.

С приветственными речами выступили председатель финской шахматной организации Ильмакунас и министр просвещения Ойттинен. Большую речь произнес президент шахматной федерации Рогард.

В торжественной обстановке происходит жеребьевка. Команды стран выходят поочередно на сцену. Капитаны команд вынимают жребий.

Команды разбиты на три группы: в одной — 9 команд, в двух других — по 8. В финал выйдут по три команды от каждой группы. Команда СССР входит в третью группу: 1. Голландия, 2. Финляндия, 3. Греция, 4. СССР, 5. Израиль, 6. Швейцария, 7. Польша, 8. США.

Франция отказалась от участия в турнире из-за отсутствия средств.

10 августа состоялся первый тур. Участие советских шахматистов привлекло много зрителей, окруживших плотной стеной столики, за которыми играли советские гроссмейстеры. Команда СССР играла с командой Израиля. Состав нашей команды: Керес, Смыслов, Бронштейн, Геллер. Израиль выступал в составе: Черняк, Орен, Порат, Алони. Советские шахматисты вели борьбу с большим подъемом. Партнеры оказали упорное сопротивление. К перерыву все партии были отложены с преимуществом у советских шахматистов. В девять часов игра возобновляется. Вскоре Геллер и Бронштейн добиваются победы. Смыслов заканчивает свою партию вничью. Керес откладывает вторично. Счет матча — $2\frac{1}{2} : \frac{1}{2}$ при одной отложенной. Следует отметить инициативную игру молодого гроссмейстера Геллера, превосходно проведшего всю партию.

В других матчах наибольший интерес представила победа команды Голландии над командой США со счетом $2\frac{1}{2} : 1\frac{1}{2}$. Голландский шахматист Доннер выиграл у Бирна. Остальные три партии закончились вничью, в том числе и партия гроссмейстера Решевского с мастером Схелтинга. Команда Германской Демократической Республики выиграла у команды Австрии со счетом 3 : 1. Два матча закончились со счетом 4 : 0. Швеция выиграла у Бразилии и Дания — у Люксембурга.

Мастер
А. СОКОЛЬСКИЙ

НА ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ФУТБОЛУ

Лидируют ленинградцы

Больше месяца проходят соревнования футболистов на первенство страны. Им предшествовали товарищеские состязания восьми сильнейших команд, которые, кстати сказать, так и не закончились.

Многие коллективы класса «А», оставленные без должного внимания, бессистемно гастролировали по стране и выступили против первых «попавших под ногу» соперников.

Это не могло не сказаться на общем уровне игры, на стиле, на технике. И сейчас, когда начались календарные встречи, мы видим у большинства команд некоторую сумбурность и тактическую примитивность в атаках, нерешительность, а иногда и небрежность в обороне.

Обычно в августе мастера футбола обретали свою спортивную форму и выступали хорошо слаженными коллективами. Теперь мы этого не видим. Больше того, у некоторых команд, скажем, у «Шахтера», «Зенита», «Крыльев Советов», чувствуется усталость.

В отличие от прошлых лет первенство страны разыгрывается в один круг. К тому же не все команды вступили в соревнование одновременно. Так, ЦДСА, динамовцы Москвы и Тбилиси, «Спартак», «Зенит» и ВВС начали свои игры лишь в начале августа, и им предстоит «догонять» своих соперников.

Пока наибольшего успеха добилась омоложенная команда ленинградского «Динамо». Она провела 6 встреч и ни одной из них не проиграла.

Хорошо начали сезон киевские динамовцы. В их рядах мы видим новых игроков — Зазроева, Комана, Богдановича, Михалину. Сравнительно удачно дебютируют в классе «А» футболисты города Калинина, которые одержали уже три важные для себя победы: над «Крыльями Советов», «Даугавой» и «Локомотивом».

Чемпионы страны — футболисты Центрального Дома Советской Армии — выступали дважды и оба раза в упорной борьбе одержали победу. Сначала над динамовцами Москвы (1 : 0), а затем над их тбилисскими одноклубниками (3 : 2). И, несмотря на выигрыш у столь сильных соперников, нужно сказать, что в линии нападения ЦДСА попрежнему нет лидера атак, и это в большой мере снижает старание всех остальных форвардов. Хуже стали играть защитники. Хороший мастер Башашкин утерял уверенность, нерешительно идет на мяч, часто, без особого на то основания, отсылает его за лицевую линию, на угловой удар. Хуже стал играть Нырков.

В московской команде «Динамо» також нет хорошего центра нападения. Роль лидера атак часто берет на себя В. Трофимов. Но ему мало помогают.

Спартаковцы Москвы идут на решительные «бои» с мало подготовленной защитой. Ей не по плечу многие атаки.

Хорошее впечатление оставляют динамовцы Тбилиси. Это наиболее слаженный коллектив, составленный из темпераментных спортсменов, хорошо понимающих друг друга. Физическое их состояние позволяет на протяжении всего состязания вести игру в высоком темпе.

Слабее своих возможностей выступают коллективы общества «Шахтер» и «Крылья Советов». Футболисты этих команд ведут себя на поле безынициативно, словно отбывают повинность. В их игре нет «огонька», без которого в спорте удачи не бывает.

На 13 августа наибольшее число очков — 10 (из 12 возможных) — имеют динамовцы Ленинграда. 9 очков (из 14 возможных) набрали динамовцы Киева. 7 очков (из 10 возможных) имеет команда города Калинина.

М. МАРТЫНОВ

В Доме ветеранов сцены. Слева направо: М. П. Васильченко, Д. Н. Нелидов, И. А. Гарский, П. А. Людвигов.
Фото С. Шингарева

Почетный ветеран сцены

Президиум Совета Всероссийского театрального общества и театральная общественность столицы отметили редкий юбилей: старейшему русскому актеру Илье Анатольевичу Гарскому исполнилось 100 лет со дня рождения.

Долгую и интересную жизнь прожил Илья Анатольевич. Подобранный в 1852 году на дороге около маленького селения в Тульской губернии старухой-нищенкой, он вырос в ее бедной лачуге. Потянулись тяжелые годы нужды и голода «мальчика в учении».

Шестилетний Илюша был отдан на ткацкую фабрику в Егорьевск — мотать шпули. Побывал он и в учении у сапожника и на мойке посуды на водочном заводе, пока не стал специалистом-дегустатором.

Когда место в жизни, казалось, было завоевано, И. Гарский убегает с конторщиком завода в Москву: его манит заветная мечта — стать певцом и артистом, работать в театре.

Счастливый случай приводит И. Гарского к знакомству и дружбе с знаменитым актером Малого театра Федором Петровичем Горевым. С его помощью Гарский устраивается в труппу антрепренера М. А. Максимова в Одессе и вступает, таким образом, в тот чудесный мир, к которому настойчиво стремился и кому отдал шестьдесят три года своей жизни.

Из Харькова в Одессу, в Воронеж, в Барнаул, затем в Ирбит, потом в Уфу, за ней сибирские города, Владивосток — куда только не забрасывала судьба И. Гарского! Случалось, что играл он вместе с Мамонтом Дальским, братьями Адельгейм, Орленевым, Далматовым.

Переиграл Гарский сотни ролей, снимался и в кино.

На восемьдесят девятом году жизни он «причалил к тихой пристани» — Московскому дому ветеранов сцены. Около десяти лет тому назад он лишился зрения. Но ни одного слова упрека судьбе, ни одной жалобы на беспомощность. Ему ежедневно читают вслух газеты, журналы, книги. Он всем интересуется, посещает концерты, доклады и, памятуя о прошлом, живет настоящим, прекрасно разбираясь в том, какие огромные сдвиги и перемены произошли в его родной стране.

З. ДАЛЬЦЕВ, Т. СНЕЖИНСКАЯ

Участники XV олимпийских игр вернулись на родину

Московские физкультурники приветствуют победителей.
Фото А. Гличева

Вокзал не мог вместить всех встречающих поезд с участниками XV олимпийских игр. Привокзальная площадка заполнена рядами спортсменов. Под лучами прожекторов всеми цветами переливаются знамена добровольных обществ.

7 августа, в 11 часов вечера, специальный поезд подходит к перрону. В окнах вагонов, на площадках мы видим знакомые лица, тех, кто защищал честь советского спорта в борьбе с сильнейшими спортсменами мира. Из вагона выходят наши прославленные гимнасты, борцы, тяжелоатлеты, стрелки, легкоатлеты, баскетболисты, гребцы. Раздаются возгласы приветствий, поздравлений.

Вот абсолютный чемпион олимпийских игр по гимнастике Виктор Чукарин пожимает десятки протянутых к нему рук, вот стайка ребят в спортивных майках с эмблемой спортивного общества «Трудовые резервы» на груди окружает светловолосого улыбающегося юношу. Это Анатолий Богданов, стрелок, завоевавший золотую медаль.

Прибывшие из Хельсинки спортсмены направляются к привокзальной площадке, где начинается митинг. Победителей приветствует стахановка В. Анохина. Выступают участники олимпиады Мария Голубничая и Виктор Чукарин.

Сильнейший гимнаст мира провозглашает здравицу в честь лучшего друга советских физкультурников — товарища Сталина, и на площади вспыхивает горячая овация.

☆ ☆ ☆

На днях в Одессе на спартакиаде Советской Армии олимпийская чемпионка Нина Ромашкова бросила диск на 53 метра 61 сантиметр. Это новый мировой рекорд.

На нашей вкладке

Крымская роза

Широко — на площади около тысячи гектаров — раскинулись в Крыму плантации красной эфиромасличной розы (см. вкладку перед 25-й страницей). Ее встретишь в совхозах и колхозах Алуштинского, Судакского, Зуйского, Бахчисарайского и Симферопольского районов. Теперь розу разводят даже в северных районах Крыма — Нижнегорском и Советском.

Родиной эфиромасличной розы считается Иран, откуда она проникла к нам через Болгарию. Там ее с большим успехом культивировали в долинах возле города Казанлыка. Отсюда и ее название «казанлыкская». В течение 200 лет в Болгарии действовал закон, запрещавший под страхом смертной казни вывозить хотя бы одну ветку этой розы за пределы страны.

В Крыму казанлыкская роза долгие годы культивировалась как декоративное растение, и только в советское время появились плантации роз, лепестки которых стали отправлять на эфиромасличные заводы. Спрос на их продукцию очень велик: розовое масло требует и кондитерская, и пищевая, и парфюмерная промышленность. Нуждаются в нем и медики: чистое розовое масло применяется при сложных нейрохирургических операциях.

Содержание масла в лепестках роз зависит от времени их уборки в течение дня. Лепестки, снятые утром, когда цветы едва успели раскрыться, дают намного больше душистого масла, чем собранные в жаркий полдень. В практике розоводческих хозяйств установлено правило начинать в знойные дни уборку с 4—5 часов и заканчивать к 11 утра. Только в пасмурную погоду можно собирать лепестки в течение целого дня.

Опытные сборщицы — стахановки совхоза «Аромат», Бахчисарайского района, комсомолки Галина Ковалева и Клавдия Умэн — собирают ежедневно до 45—50 килограммов лепестков. Особенно напряженно идет сбор роз в часы «пик». Так называют кульминационный момент цветения, когда розы расцветают буквально под руками и их едва успевают снимать. В часы «пик» на плантацию выходит до тысячи сборщиков. На плантациях симферопольского совхоза «Крымская роза» в такой день собрали $13\frac{1}{2}$ тонн лепестков роз, а в первые дни там собирали не более 10 килограммов.

В нынешнем году в больших совхозах стали применять метод консервации лепестков роз. Сейчас же после сбора их погружают в воду с поваренной солью. В таком состоянии они могут оставаться на плантациях или на заводе до вечера, даже до следующего утра, не теряя аромата и масличности. К тому же при консервации лепестков розы увеличивается и выход дорогостоящего масла.

Е. ЗАГОРСКАЯ

КАРЛОВЫ ВАРЫ—1952

Кадр из немецкого документального фильма «Вильгельм Пик — наш президент».

Советское киноискусство вновь продемонстрировало свой непревзойденный уровень, заявил председатель жюри VII Международного кинофестиваля в Чехословакии М. А. Броусил.

И первым среди выдающихся советских кинопроизведений, представленных на фестивале, он по праву назвал киноэпопею «Незабываемый 1919 год», прошедшую с грандиозным успехом по экранам Европы и Азии и завоевавшую признание миллионов зрителей. Высшей наградой фестиваля, «Большой премией», отмечен этот фильм. Воссоздавая одну из величественных страниц ленинско-сталинской эпохи, фильм «Незабываемый 1919 год» своей могучей революционной силой, художественным мастерством наиболее ярко и полно выразил славную традиционную идею фестиваля: «За мир, за нового человека, за более совершенное человечество!»

Идеи мира, братства народов, созидательного труда пронизывают каждый кадр советских кинокартин. Художественный фильм «Тарас Шевченко» и документальный «Первое мая 1952 года в Москве», научный киноочерк «Вселенная» и мультипликация «Сармико» — все эти киноленты при всем их жанровом различии роднит стремление к благу народов.

Кадр из цветного чехословацкого фильма «Завтра будут танцевать везде». Эва Кубешова и Зденек Бухвальдек в ролях артистов Ансамбля пляски Чехословацкого союза молодежи.

Идея дружбы народов, составляющая содержание советских фильмов, находит свое выражение в самых принципах их создания, в самой работе советских кинематографистов. Примером этого могут служить прочные творческие связи между кинематографистами национальных республик Советского Союза. В атмосфере дружбы народов создавались фильмы «Тарас Шевченко», «Советская Грузия», «Монгольская Народная Республика». Идея творческой солидарности и бескорыстного сотрудничества тесно сблизила деятелей советского кино с киноработниками стран народной демократии. Советские сценаристы, режиссеры, операторы не таят секретов своих успехов; они широко делятся своим опытом, своими знаниями. В результате такого сотрудничества был создан ряд крупных кинопроизведений. «Мосфильм» и немецкая киностудия «Дефа», режиссеры Иван Пырьев и Йорис Ивенс плечом к плечу работали над созданием художественно-документального фильма «Мы за мир», удостоенного на фестивале Премии мира.

Знаменательно признание крупного чехословацкого кинорежиссера лауреата Сталинской премии Владимира Влчека. «Идея этого фильма зародилась уже в 1949 году в Москве...— рассказывает В. Влчек о своей кинокартине «Завтра будут танцевать везде».— Вместе с писателем П. А. Павленко мы обсудили главную линию действия фильма... Съемки заключительных сцен украинских «Веснянок» для нас произвела советская кинематография. Вам всем, товарищи в Москве, в Берлине и Будапеште, мы благодарны за то, что вы помогли нам создать цветной фильм, посвященный трем Всемирным фестивалям молодежи».

Что может противопоставить этому содружеству американский кинобизнес?

«Экран, как оружие США в мировой идеологической войне» — так называется статья руководителя американского государственного киноуправления Герберта Т. Эдвардса, опубликованная незадолго до фестиваля. На вооружение мистера Эдвардса ежедневно поступают гангстерские кровавые фильмы, развязывающие низменные инстинкты. Это — кинонинструктаж будущих убийц, призывающий к новой мировой войне.

Плодотворно влияние советской кинематографии на развитие киноискусства стран, примыкающих к лагерю мира. Яркое подтверждение этому — кинопроизведения Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики. Фестиваль показал, что кинематография стран народной демократии сделала уверенные шаги по пути социалистического реализма.

Премией дружбы народов награжден цветной чехословацкий фильм «Завтра будут танцевать везде». В интересной художественной форме этот фильм знакомит зрителя с жизнью чехословацкой молодежи, ее высокими моральными качествами, культурой, талантами. Кинокамера сопровождает героев кинокартины — участников молодежного Ансамбля песни и танца — от первых дней рождения ансамбля в глухих уголках Чехословакии до его победного выступления на III Всемирном фестивале молодежи в Берлине. Фильм убеждает: только в странах подлинной свободы и демократии могут рождаться такие наполненные счастьем песни и танцы.

Созидательный труд народа, борьба за построение нового общества, небывалые перемены в сознании трудящихся города и деревни — эти волнующие темы вдохновляли киноработников — создателей таких художественных фильмов, как «Утро над родиной» и «Данка» (Болгария), отмеченных почетными дипломами за режиссуру и актерское мастерство, «Митря Кокор» (Румыния), награжденного Премией борьбы за социальный прогресс, «Боевое крещение» (Венгрия), которому присуждена Премия труда. И Митря Кокор, герой одноименного фильма по роману академика Михаила Садовяну, и Данка из фильма того же названия, и Иван Бобчев из «Утра над родиной» не сразу находят свою дорогу к правде, к счастью. Как и тысячи других простых людей, они постепенно становятся сознательными борцами за счастье своего народа, активными строителями социализма.

Второй раз Премия труда присуждена венгерскому режиссеру Фридьешу Бану. Впервые он получил эту премию в 1949 году на Международном кинофестивале в Марианских Лазнях за фильм «Пядь земли». В новом фильме режиссера Ф. Бана, «Боевое крещение», с глубокой реалистичностью показаны коренные изменения, происходящие в венгерской деревне.

Кинодеятели стран народной демократии немало внимания уделяют славным страницам прошлого своих народов. В своих биографических кинокартинах они воссоздают образы прогрессивных деятелей. К таким произведениям, отмеченным высокими премиями на фестивале, относятся фильм «Земмельвейс», посвященный жизни и деятельности знаменитого венгерского врача, «Эркель» — кинобиография крупнейшего венгерского композитора, хорошо знакомый советскому зрителю польский фильм «Юность Шопена», чехословацкая кинокартина «Великие приключения» — о выдающемся ученом, путешественнике и общественном деятеле Эмиле Голубе, девизом которого было: «Служу науке и родине».

Фестиваль показал большие успехи киноискусства Германской Демократической Республики. Приняв участие в создании фильма «Мы за мир», киностудия «Дефа» выпустила затем яркий, смелый кинорассказ «Непрошенные гости». Этот фильм, разоблачающий американских поджигателей войны, убедительно показал, какими огромными возможностями обладают простые люди, если они объединятся в борьбе за мир. Вера в силы народа, глубокий оптимизм, художественное мастерство принесли фильму заслуженную награду — Премию мира. Особое место среди фильмов Германской Демократической Республики занимает документальная биографическая картина «Вильгельм Пик — наш президент». Один из миллионов рабочих, бывший столяр, Вильгельм Пик вместе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург начинает борьбу за освобождение немецкого рабочего класса — таков один из эпизодов этого фильма, отражающего основные вехи славного жизненного пути президента. Немецкая киностудия создала незабываемый документ, рисующий пятидесятилетнюю борьбу германских трудящихся за свободу.

Совсем еще недавно китайское киноискусство вышло на мировую арену, но с тех пор им уже сделаны большие шаги на пути к зрелости. Вполне понятно, что первые китайские фильмы, выпущенные после провозглашения Китайской Народной Республики, были посвящены истории освободительной борьбы, беспримерному мужеству китайской Народно-освободительной Армии и партизанских отрядов. Новое произведение китайских кинематографистов, «Красное знамя над зеленой скалой», продолжает и развивает эту славную тему. Борьба за освобождение Внутренней Монголии от власти гоминдановцев, рост политического сознания монгольского крестьянина, рождение новых отношений между народами Китая — тема китайского художественного фильма «Сын степей», отмеченного премией за выдающийся сценарий.

О китайских народных добровольцах, пришедших на помощь корейскому народу в его борьбе с американскими захватчиками, рассказывает документальный фильм «Сопротивляйтесь Америке, поддерживайте Корею». Правдивый репортаж об этом могучем, благородном общественном движении получил признание на фестивале — премию за документальный фильм.

Китайские фильмы, подлинно народные, реалистические, революционные, показывают, что китайское киноискусство становится «мощным средством объединения и воспитания китайского народа. Китайский фильм становится полезной частью революционного аппарата» (Мао Цзэ-дун).

На предыдущих международных фестивалях корейские кинематографисты были дважды награждены премиями за хроникальные фильмы об освободительной борьбе своего народа. Эти фильмы, разоблачая жестокость и лицемерие агрессоров, прикрывающихся флагом ООН, прославляли героизм корейского народа, его преданность своему правительству, его любовь к Советскому Союзу. На VII Международном кинофестивале новые корейские хроникальные документальные произведения вновь удостоены премий. В тяжелых условиях корейские кинодеятели создали свои волнующие произведения, рассказывающие миру правду о событиях в Корее.

Десятки фильмов, самых разнообразных, цветных и черно-белых, веселых и драматических, художественных и документальных, прошли перед глазами участников фестиваля. Герои этих фильмов — чехословацкие рабочие, венгерские труженики полей, молодая интеллигенция древнего Китая, воины Кореи — говорят на разных языках, но всех их объединяет воля к миру. Герои этих фильмов, воспевающих труд, любовь, мир, властно и прочно занимают международный киноэкран.

VII Международный фестиваль продемонстрировал огромные успехи киноискусства тех стран мира, где власть, материальные богатства и достижения культуры принадлежат народу.

Л. АНАТОЛЬЕВ

Кадр из китайского фильма «Красное знамя над зеленой скалой».

КИТАЙСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В СССР

Первая делегация китайских крестьян, приехавшая в Москву около трех месяцев назад, разбилась на группы и совершила путешествия на Украину, в Грузию, Азербайджан и Казахстан.

Когда путешествие закончилось и все съехались в Москву, была устроена конференция, на которой многие делегаты-крестьяне: трактористы, отличники труда, председатели кооперативов — выступили с докладами о своих наблюдениях и впечатлениях.

«Что мы видели в СССР и чему научились» — такова была главная тема докладов и выступлений.

В то же время делегаты собирались небольшими группами — по пять — шесть человек — и заводили между собой разговор о виденном. Побывавшие в Казахстане расспрашивали своих товарищей об украинских колхозах, те их — о казахских.

Отличник труда Китайской Народной Республики Юй Шань-цзяо (слева) и Герой Социалистического Труда Петр Иванович Левченко.

Фото А. Савина

* * *

— Наверное, всем вам интересно будет послушать о хлопке,— начал свой рассказ Синь Цзэ-сю, крестьянин, отличник труда из провинции Хэнань.

— Я был в Азербайджане, — говорит Синь Цзэ-сю.— Самое интересное в этом крае — хлопок и хлопководы. Летом там дождей почти не бывает. Но хлопок хорош! Там все площади орошаются искусственно. Встретился я с колхозницей Имановой. Муж ее погиб на фронте, она звеньевая, Герой Социалистического Труда. Старший сын ее учится в университете, а младший — в школе.

Она собирает 103 центнера хлопка-сырца с гектара. Когда я услышал эту цифру, был поражен. Как же так: дождей нет, а 103 центнера? Я подумал о том, что мне еще далеко до такого урожая. И тогда я посмотрел на золотую звезду Имановой, а потом на свой орден.

Все рассмеялись.

— Тебе стало неловко, да? — спросила Тун Ли-шен, трактористка из Шаньдуня.

— Не надо так говорить,— серьезно заметил Ли Шунь-да, известный в Китае новатор, по инициативе которого были созданы первые бригады взаимопомощи и первые кооперативы.— Конечно, по сравнению с достижениями Героев Социалистического Труда наши достижения меньше. Но нельзя забывать: у нас ведь пока неодинаковые условия работы. Нет у нас еще таких умелых рук и таких машин. Но все это будет! — заключил с твердой уверенностью Ли Шунь-да.

Стало тихо. Все очень уважали Ли Шунь-да и с интересом ждали его рассказа.

— Я хочу рассказать о том, что я узнал в советских колхозах,— начал Ли Шунь-да.— Я приехал в СССР, чтобы научиться преобразовывать природу. Я хотел узнать, как советские люди борются с засухой и ветром и как они сажают леса. Наш кооператив находится в горах, и хозяйство у нас разбросано. Руководить трудно. В одном колхозе в горах я увидел, как советские колхозники руководят этим крупным хозяйством. Я долго говорил с председателем колхоза «Завоевание Октября». Он подробно рассказал, как организован в колхозе труд, как идет социалистическое соревнование, как работает правление, как помогает ему актив. Очень ценно все это было для меня.

— А говорил ты с героями в этом колхозе?

— Да, конечно,— отвечает Ли Шунь-да.— До приезда в СССР я мечтал, что наступит день, когда я смогу встретиться с этими людьми и узнаю, как они стали героями, уважаемыми во всей стране. Я говорил с ними теперь. Что здесь важно отметить? Все герои — специалисты какой-нибудь отрасли: один выращивает картофель, другой — хлопок, третий — кукурузу или другую культуру. В колхозе имени Сталина один герой все время занимается выращиванием кукурузы. Вначале он собирал 7—8 центнеров с гектара, а потом 20 и больше. Многие, узнав об этом, не верили. А теперь, сказал мне этот герой, он собирает 180 центнеров с гектара. Я спросил, каким же способом. Он ответил, что разными способами, и перечислил их: задержка снега зимой, глубина вспашки — 25—30 сантиметров, два раза культивация, два раза вносится удобрение, и один раз подкормка, и, наконец, искусственное опыление.

— Я запишу все это,— сказал Ли Хан-бин.

Наступило молчание. Все, видимо, обдумывали слова Ли Шунь-да. Потом У Дэн, партийный работник с острова Хайнань, спросил, обращаясь к Юй Шань-цзяо:

— Вы были, кажется, в Казахстане, дядя Юй?..

Юй Шань-цзяо — старый крестьянин, бывший батрак. Он имел так много долгов, что ему надо было бы прожить две, а может быть, и три жизни, чтобы рассчитаться с ними. Сейчас он руководит кооперативом в провинции Хэбэй.

— Да, я был на полях колхоза имени Сталина. Там хорошо живут. Хорошо и красиво! В домах колхозников есть удобная мебель, радио, даже телефоны. Они так хорошо живут, думаю я, потому, что работают совместно, помогая друг другу. Кроме того рабочий класс помогает им машинами, и труд в колхозе стал весьма производительным.

— Какой ты приобрел там опыт? — спрашивает старика Ли Шунь-да.

— Раньше в кооперативе,— отвечает дядя Юй,— мы собирались после рабочего дня и долго обсуждали, как же верно оценить труд каждого. У нас было много споров. В советских колхозах я увидел, что там есть трудодень. И он помогает сразу увидеть, кто как работает, и воздать каждому, что он заслужил своим трудом.

— Расскажи про колхоз имени Берия, который мы видели в Грузии,— обращается трактористка Тун Ли-шен к Ли Хан-бину, председателю кооператива из деревни Люйцзяцзэ.

— Да,— говорит Ли Хан-бин,— в этом колхозе нам оказала гостеприимство товарищ Такидзе. Она пригласила нас в свой дом. Ее комнаты высоки и светлы, как вот эта комната в Москве. Мы попросили ее рассказать, как она живет. Она раскрыла шкаф и начала вынимать оттуда платья, и одно было лучше другого. И потом сказала, что в прошлом году она получила на трудодни 54 792 рубля и около 5 тысяч килограммов зерна. Тогда я себе заметил, что четыре семьи в Китае не получают столько, сколько одна эта крестьянка. Вот что такое колхозный строй! — сказал я себе...

— Какие у них культуры, что они так много зарабатывают? — спрашивает отличник труда Ян Сян-тин из Хэйлунцзяня, гостивший на Украине.

— Чай у них главное,— отвечает Ли Хан-бин.

— Ты был на чайных плантациях?

— Конечно. Чай хорошо растет! Но больше всего мне понравилось прилежание, с которым трудятся крестьяне. Они очень любят свой колхоз, свои поля, свой чай.

— В Азербайджане я тоже был на чайных плантациях,— отзывается У Дэн. — Я там видел, как применяется искусственный дождь...

— В Грузии,— продолжает Ли Хан-бин,— мы присутствовали при испытании новых машин для уборки чая. Я очень удивлялся и радовался, когда видел, как эти машины срезают чайные побеги. У нас пока таких машин нет...

— Но они будут! — говорит Ян Сян-тин.

— Я тоже верю в это,— отвечает Ли Хан-бин,— потому что председатель Мао Цзэ-дун, коммунистическая партия ведут нашу страну по счастливому пути.

— Социалистический строй для народа,— подхватывает Ян Сян-тин мысль своего товарища,— это — большое счастье. Мы говорим о машинах, я буду говорить о детях. Вот родился у советского крестьянина ребенок,— его ждут ясли, а потом детский сад, потом он идет в школу, летом отдыхает в пионерском лагере. Я вспоминаю, как раньше у нас в Китае многие жили до старости неграмотными, темными, а настоящая жизнь была где-то далеко, очень далеко...

Ян Сян-тин перелистывает свои записи.

— Я был на Украине, в колхозе имени Ленина, Харьковской области. Пришли мы на поле, когда колхозники готовились завтракать. Мы заглянули в их корзины и увидели свежий хлеб, колбасу, молоко, компот и другие вкусные вещи...

— Там горы или равнина? — спрашивает У Дэн.

— Равнина,— отвечает Ян Сян-тин.

— Урожай высокий?

— Снимают 35 центнеров пшеницы с гектара.

— Мне говорили, что вы на Украине познакомились с одной известной женщиной,— говорит Ли Шунь-да. — Я читал о ней в Китае...

— Я знаю, о ком идет речь! — восклицает трактористка Тун.— Ее зовут Ан Ге-лин!

Все улыбаются, услышав фамилию Паши Ангелиной, произнесенную на китайский лад.

— О,— улыбается Ян Сян-тин,— она очень сильная и дельная женщина! В доме у нее пианино и электричество. Мы о многом с ней говорили, прежде всего о том, как организован труд в ее бригаде. А потом нас пригласили обедать вместе с бригадой.

— На прощанье она подарила нам свою книгу,— заключает Ян Сян-тин.— «Люди колхозных полей» — так она называется. Нам очень не хотелось расставаться с Ангелиной. Мы очень сердечно распрощались с ней.

Затем заговорил У Дэн с острова Хайнань.

— Я живу на острове,— сказал он,— был партизаном и при таких условиях не мог хорошо учиться. И я мало знал Советскую страну.

Но вот я увидел ее своими глазами. Не только в полеводстве и животноводстве, но и в садоводстве — повсюду мы встречали много хороших машин.

В колхозах Азербайджана мы видели родильные дома, клубы, а в одном селе два театра — летний и зимний, и детские ясли, и очень удобную, на 40 человек баню, танцевальную площадку, электростанцию, и парк — 2,5 гектара. Я записывал все это. И думал о том, что, вернувшись на остров Хайнань, начну применять опыт и науку, почерпнутые здесь. Только для этого потребуется еще немало времени.

— Почему?

— У нас на острове мы только начинаем проводить земельную реформу. Нужно еще время, пока вырастет сознание крестьян, пока вырастут кадры, которые поведут крестьян вперед. Товарищ Сталин говорил: «кадры решают все».

Участники беседы выражают согласие с мыслью У Дэна.

— Сейчас,— говорит он,— во многих районах у нас на острове можно встретить бригады взаимопомощи, такие, какие впервые были созданы в Китае по инициативе Ли Шунь-да,— он сегодня здесь, вместе с нами. «Кооперативы Ли Шунь-да» — это пример для нас на Хайнане. Новый путь открыла перед китайским крестьянином коммунистическая партия. Я вспоминаю, что товарищ Мао Цзэ-дун говорил: в китайской революции крестьянский вопрос — самый главный.

У нас на острове еще нет кооперативов. Но они, конечно, будут. И будут у нас и ясли, и родильный дом, и театры, и большие бани, и телефон в доме колхозника — все это будет. Мы знаем, что впереди у нас немало трудностей, но есть у нас Мао Цзэ-дун,— и мы их преодолеем. Я верю в счастье китайского крестьянина!

— Счастье крестьянина — наша цель,— вставляет слово Ли Шунь-да. И, помолчав, он продолжает: — Во время нашей поездки мы наблюдали нечто, столь же важное, как то, о чем мы сейчас беседуем. Вы знаете, о чем я говорю, — о дружбе и любви.

И все закивали и оживились, и кто-то повторил эти слова:

— Да, дружба и любовь!

— Нас встречали хлебом-солью, как родных,— говорил Ли Шунь-да. — И старые и молодые были рады нашему приезду, и везде были цветы, и я даже подумал, что так не всегда встречают родного в семье. Я и раньше всем сердцем был за дружбу Китая и СССР, но теперь я эту дружбу ощутил. Это меня взволновало, и этого я не забуду до смерти.

— Так! Верно! Да! — послышалось в ответ.

— Наши хозяева,— говорит Ли Шунь-да,— пели и танцевали для нас, и хотя среди нас не все умеют петь и танцевать, но и мы вспомнили наши китайские песни...

Каждый раз, когда возникал у нас какой-нибудь вопрос, наши советские друзья отвечали, как самому близкому человеку. Когда мы расставались, то плакали, а потом утерли слезы. И снова пели, потому что нам было радостно, что дружба наша такая крепкая и что она поможет нам жить и строить. Так ли я говорю?

— Да, верно! — снова послышалось со всех сторон.

Не все успели высказаться. Был уже поздний час. Но, заканчивая беседу, все чувствовали, что главное было сказано.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Восторженный прием, оказанный выступившему на совещании Генеральному секретарю ЦК Румынской рабочей партии и председателю Совета министров товарищу Георге Георгиу-Деж, ярко показал тесную, неразрывную связь рабочего класса со своей партией, своим народным правительством. На снимке: товарищ Г. Георгиу-Деж среди шахтеров.

2 ...По пятилетнему плану,— говорил товарищ Георгиу-Деж на совещании шахтеров,— началось массовое строительство жилых домов для рабочих. Только в 1952 году в долине Жиу было построено 900 квартир и 4 общежития. Это — начало крупного жилищного строительства для шахтеров, которое будет развиваться из года в год.

С большим размахом идет строительство новых жилищ и для рабочих других отраслей промышленности. Вот Хунедоаре, где находится металлургический комбинат имени Георгиу-Деж. На снимке вы видите семью мастера-строителя Александра Гедеон, которая переехала недавно на новую, благоустроенную квартиру.

3 Право на отдых. Одно из самых прекрасных завоеваний народа. В нынешнем году триста тысяч трудящихся отдыхают, набираются здоровья и сил у моря, в самых живописных уголках страны, в лучших здравницах, домах отдыха, туристских базах. На снимке: молодые рабочие отдыхают в Говоре, в парке виллы имени 1 Мая.

4 — Женщины в Румынской Народной Республике,— говорится в проекте Конституции,— имеют равные права с мужчинами во всех областях экономической, политической, государственной и культурной жизни. Государство охраняет брак и семью, защищает интересы матери и ребенка.

Счастливы дети народной Румынии — и это признак того, что счастлив народ. В республике из года в год растет сеть детских садов, яслей, консультаций, учреждений по охране материнства. Этот снимок сделан в тот момент,

Близится день национального праздника румынского народа — восьмилетие освобождения Румынии Советской Армией от фашистского ига.

Недавно в Бухаресте был опубликован проект новой Конституции республики.

В городах и селах Румынии, на ее многочисленных стройках миллионы людей читают слово за словом, статью за статьей эту хартию свободы и счастья трудящихся. И, читая, радуются за себя, гордятся своим трудом, преобразующим жизнь, своей народной республикой.

Обсуждая статьи и главы проекта, народ яснее, чем когда-либо раньше, видит всю историческую значительность той славной даты — 23 августа 1944 года,— когда его родина была вырвана Советской Армией-освободительницей из когтей фашизма и империализма.

— Конституция Румынской Народной Республики,— говорится в проекте, — закрепляет результаты, достигнутые трудящимися во главе с рабочим классом, в деле построения социалистического общества в Румынии. Политика государства народной демократии направлена на ликвидацию эксплуатации человека человеком и построение социализма.

Шаг за шагом претворяют в жизнь Румынская рабочая партия, правительство Румынской Народной Республики то, о чем издавна мечтал народ, к чему стремился и за что боролся долгие годы во мраке буржуазно-помещичьей реакции.

1 Провозглашенные в проекте Конституции права граждан республики — право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости, на образование — все это обеспечивается на деле, на практике, самой жизнью, огромным и все растущим размахом промышленного, сельскохозяйственного, культурного, бытового строительства.

За последние четыре года национализированная промышленность почти утроила выпуск продукции.

Коренная перестройка экономики страны на началах индустриализации привлекает к производительному труду ежегодно 200 тысяч новых рабочих; окончательно ушла в прошлое безработица, труд стал радостным и творческим для миллионов людей.

Недавно в городе Петрошань состоялось первое всерумынское совещание шахтеров. Представители угольных районов и шахт говорили о том, как добиваются они непрерывного увеличения добычи угля, как день ото дня улучшаются техника и условия производства.

когда юные граждане, воспитываемые в детских яслях № 33 Бухареста, только что проснулись после отдыха.

5 Веками правящие классы держали румынских рабочих и крестьян в темноте, закрыв им дорогу к грамоте, знанию, науке. За годы народной власти число неграмотных уменьшилось на 2,5 миллиона человек. Теперь двери школ, университетов, институтов широко открыты для детей трудящихся. Сейчас в Румынии в два раза больше студентов и в четыре раза больше школьников, чем до освобождения. Растет молодая народная румынская интеллигенция.

На снимке: студенты, награжденные почетной грамотой Союза трудящейся молодежи.

6 «Теперь бы три жизни жить вместо одной» — эти крылатые слова в ходу у румынских крестьян, видящих плоды своего годового труда на полях.

Кладовщик коллективного сельского хозяйства «Штефан Георгиу», села Чорань, области Прахова, отвешивает пшеницу, причитающуюся Темистокле Пэдуряну в счет аванса на трудодни.

Под руководством Румынской рабочей партии сельское хозяйство страны, еще недавно одно из самых отсталых в Европе, идет по пути подъема плодородия; растет техническое вооружение, повышается благосостояние крестьян.

7 Было время, когда румынский крестьянин рассматривал трактор как диковинку. Сегодня машины все больше входят в обиход государственных и коллективных сельских хозяйств. Множатся и ряды механизаторов-трактористов, комбайнеров, овладевающих мастерством машинной обработки полей. На снимке: тракторист государственного сельского хозяйства Кирнонджи (область Бухареста) Поида Гаврила, награжденный медалью Труда, и машинист Кирице Бэкану, награжденный орденом Труда, на уборке ячменя.

8 Все богатства недр земли, фабрики, заводы, шахты, леса, воды, источники природной энергии, все пути сообщения, банки, почта, телеграф, телефон, радио, печать, кинематография и театры, государственные сельские хозяйства, МТС, коммунальные предприятия и национализированная часть жилищного фонда городов являются государственной собственностью и достоянием всего народа,— говорится в статье 7-й проекта новой Конституции.

Народ, став хозяином всех этих богатств, преобразовывает страну, умножает ее богатства.

Полным ходом идут работы на грандиозной стройке — канале Дунай — Черное море... Канал Дунай — Черное море вдохнет новую жизнь в Добруджу — один из самых отсталых районов страны, где уже сегодня уничтожены болота и насаждаются полезащитные полосы... Вдоль канала будут воздвигнуты города, гидроцентрали, заводы и фабрики. Залог новых крупных успехов на стройке канала в самоотверженном труде строителей, в братской, бескорыстной помощи Советского Союза.

* * *

Так живет, трудится, закладывает основы социалистического строя народная Румыния.

— Мы идем вперед, — говорит товарищ Георге Георгиу-Деж,— по пути борьбы за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана, за строительство социализма, за защиту мира, по пути счастья и благосостояния, руководствуясь учением великого гения трудящегося человечества, самого лучшего друга нашего народа товарища Сталина!

САККО И ВАНЦЕТТИ

А. ПАВЛОВ

На демонстрации протеста в Нью-Йорке против смертного приговора Сакко и Ванцетти. Надписи на плакатах: «Вы не сожжете наших борцов», «Забастовка протеста спасет наших мучеников».

Фото из «Юманите», 1927 год.

Эти два имени звучат, как напоминание об одном из самых подлых преступлений так называемого американского правосудия.

Двадцать пять лет назад, в ночь на 23 августа, в чарлстоунской тюрьме штата Массачузетс были убиты на электрическом стуле Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти. Это была циничная расправа над ни в чем не повинными людьми только за то, что они преданно служили интересам трудящихся.

Сакко и Ванцетти родились в Италии. Юношами они отправились в Америку «искать счастья». «Счастье» предстало перед Сакко в виде должности водовоза, затем он поступил на обувную фабрику. Ванцетти скитался по стране в поисках заработка, питался подобранной в поле гнилой картошкой, мыл посуду в ресторане, работал на шахте и, наконец, на канатной фабрике в Плимуте. В это время он и познакомился с Сакко. Оба они не были коммунистами, в их общественных взглядах было много ошибочного, но жестокая школа эксплуатации, пройденная ими в стране доллара, научила их глубоко ненавидеть капитализм. Они активно участвуют в стачечном движении, возглавляют его. Ванцетти за это выбрасывают на улицу.

Начало 1920 года было очень неспокойным для американских миллиардеров. Страна была охвачена исключительным по силе забастовочным движением. В рабочих массах росли симпатии к Советской России. Власти свирепо расправлялись с передовыми рабочими. Тысячи из них были убиты, тысячи томились в тюрьмах, многих высылали из страны. Этот террор возглавлял главный прокурор США Пальмер.

Среди схваченных полицией оказались Сакко и Ванцетти. У них нашли афиши о митинге в защиту арестованных товарищей и два револьвера. Так было положено начало расправе с двумя честными, передовыми рабочими.

Незадолго до этого в Южном Брейнтри того же штата Массачузетс бандиты среди бела дня застрелили на улице двух артельщиков и, захватив деньги, бежали в машине. Налетчиков не нашли. Пальмер и его подручные решили «подкинуть» уголовное дело Сакко и Ванцетти. Через несколько дней их обоих, арестованных по политическому делу, неожиданно обвинили в убийстве и ограблении кассиров.

Трудно вообразить большее издевательство над законом, человеческой совестью и здравым смыслом, чем следствие и суд над Сакко и Ванцетти. Оба они представили неопровержимые доказательства своей непричастности к убийству. Десятки свидетелей готовы были подтвердить, что в момент налета Сакко находился в итальянском консульстве в Бостоне, где должен был получить паспорт, а Ванцетти продавал рыбу в Плимуте. Однако следствие попросту отказалось выслушать этих свидетелей.

Были пущены в ход шпики и лжесвидетели. Но их «свидетельства» с треском проваливались.

Главная опора обвинения, некая Мери Сплейн, наблюдавшая нападение из окна второго этажа, сперва не опознала Сакко и лишь к моменту суда, то есть через год, после надлежащей обработки, «получила уверенность», что в промелькнувшей перед ней машине сидел именно Сакко. Что касается другого «очевидца», Пельцера, то было известно, что он ничего видеть не мог, так как, услышав выстрелы, спрятался под стол. Пельцер затем сам признавался, что оклеветал Сакко под давлением прокурора. Третий и четвертый лжесвидетели несли какую-то вовсе несусветную чушь и были уличены во лжи.

Провалилась и другая «улика», связанная с тем, что у Сакко и Ванцетти было найдено оружие. Судья объявил, что, по заключению эксперта, одна из пуль, извлеченных из тел убитых, была выпущена якобы из револьвера Сакко. И это была заведомая ложь. До и после суда эксперт, старый полицейский чиновник, утверждал только одно: пуля была такого же калибра, как в револьвере Сакко. Но это, конечно, не значило, что стрелял Сакко. Об этом мнении эксперта знали и судья и прокурор. Впоследствии другая экспертиза установила, что револьвер Сакко вообще не был в употреблении.

Назначенный судом защитник Сакко и Ванцетти оказался... агентом прокурора. Присяжные заседатели были отобраны из самых реакционных элементов, которым судья Тайер к тому же постоянно напоминал, что подсудимые — «опасные красные агитаторы». Свыше ста свидетелей дали показания в пользу обвиняемых. И все же 14 июля 1921 года Сакко и Ванцетти был вынесен смертный приговор.

Политический смысл этой судебной расправы был очевиден: оклеветать американское рабочее движение, запугать рядовых американцев, облегчить преследования прогрессивных сил в стране.

Началась упорная борьба за спасение осужденных. Она длилась шесть лет. Пять раз под давлением общественного мнения, возмущенного пристрастием суда, рассматривались кассации защиты, и каждый раз они попадали к тому же Тайеру, который отклонял их. Этот обезумевший от ненависти мракобес открыто говорил, что Сакко и Ванцетти должны быть казнены, как «радикалы».

В 1926 году обнаружились новые важные обстоятельства. Некий Мадейрос, осужденный на казнь за ограбление банка, сознался, что был участником нападения в Брейнтри, совершенного бандой Морелли, и что Сакко и Ванцетти неповинны. Тщательная проверка показаний Мадейроса подтвердила, что он говорил правду. Попутно выяснилось, что полиция города Брекфорда, где «оперировал» Морелли, с самого начала считала, что налет в Брейнтри — дело Морелли, но прекратила против него следствие после того, как была информирована об аресте Сакко и Ванцетти. Тем не менее 9 апреля 1927 года смертный приговор Сакко и Ванцетти был подтвержден. С поистине героическим спокойствием встретили его осужденные.

В заключительном слове Сакко, не сомневавшийся в роковом исходе процесса, заявил, обращаясь к судьям: «Я здесь сегодня потому, что я человек из угнетаемого класса, вы же — угнетатели...»

Отметая обвинения, Ванцетти говорил:

«Я боролся против угнетения и эксплуатации человека человеком, и это единственное основание к тому, что я нахожусь здесь, как обвиняемый, и что через несколько минут вы можете приговорить меня к смерти... Я убежден в том, что вы можете меня убить только один раз, но если бы вы могли казнить меня дважды и я мог бы дважды воскреснуть, я снова жил бы так, как жил до сих пор...»

Весть о предстоящей казни двух жертв буржуазного классового террора потрясла совесть мира, вызвала бурные протесты во всех странах. В Нью-Йорке бастовало четыреста тысяч рабочих. Бастовали в других районах США горняки, металлурги, текстильщики. В Аргентине была объявлена всеобщая стачка. В Лондоне, Генуе, Сиднее, Берлине, Женеве огромные толпы демонстрировали у американских посольств. Особенно бурно реагировал на казнь пролетариат Парижа. Сто тысяч рабочих наводнили улицы Парижа, где веселились в то время богатые американцы. Громко прозвучал голос протеста трудящихся СССР. Губернатор Массачузетса Фуллер, миллионер, нажившийся на спекуляциях, отказался помиловать Сакко и Ванцетти. Умыл руки и президент США Кулидж. В канун казни он был очень «занят»: снимался для кино,— и груды телеграмм с протестами так и остались нераскрытыми. Уолл-стрит требовал крови Сакко и Ванцетти.

Такова история этого незабываемого дела. С тех пор прошло четверть века. За это время американская «юстиция» многократно подтвердила на практике, что, как и в деле Сакко и Ванцетти, она готова на любое беззаконие там, где это диктуется интересами Уолл-стрита. Только масштабы действий стали у нее шире и методы разнообразнее. Уже не отдельные группы населения, а весь народ США стал предметом организованной полицейской слежки. Рыщет по стране в поисках крамолы и бросает в тюрьмы сотни людей пресловутая «комиссия по расследованию антиамериканской деятельности».

История США последних лет полна фактов неслыханного судебного произвола в отношении прогрессивных сил страны. Всем памятен состряпанный провокаторами процесс против руководителей американской коммунистической партии, в результате которого были без всякого основания посажены в тюрьму не только привлеченные к суду, но, для острастки, и их защитники — адвокаты. Нельзя забыть о прошлогодних казнях Вилли Макги и семи других негров из Мартинсвилля, ставших жертвами террора, проводимого против «неблагонадежного» цветного населения США.

Это «узаконенное» беззаконие апологеты «американского образа жизни» пытаются распространить и на другие страны. Каждому ясно, что провокация, затеянная во Франции против Жака Дюкло, носит на себе печать американского судебного «опыта». И те же грязные руки американских империалистов видны всюду, где замышляются заговоры против народов, их свободы и независимости.

...Когда Тайер зачитывал смертный приговор Сакко, Ванцетти пытался прервать его. Судья не разрешил ему говорить. Впоследствии, накануне казни, Ванцетти передал друзьям записку. Этот человек, к которому в те минуты уже протянулась рука палача, желал защитить честь своего товарища. Обращаясь к судьям, он хотел им сказать: «Имя Сакко останется жить в сердцах народа даже тогда, когда кости ваши истлеют от времени, когда ваши имена, ваши законы, ваши учреждения и ваши лже-боги останутся мрачным воспоминанием проклятого прошлого, когда человек человеку был волк...»

Эти слова могут быть отнесены не только к Сакко, но и к Ванцетти. Их имена не забудутся.

В пионерском лагере. Фото Евг. Игнатович

Подмосковная роща.

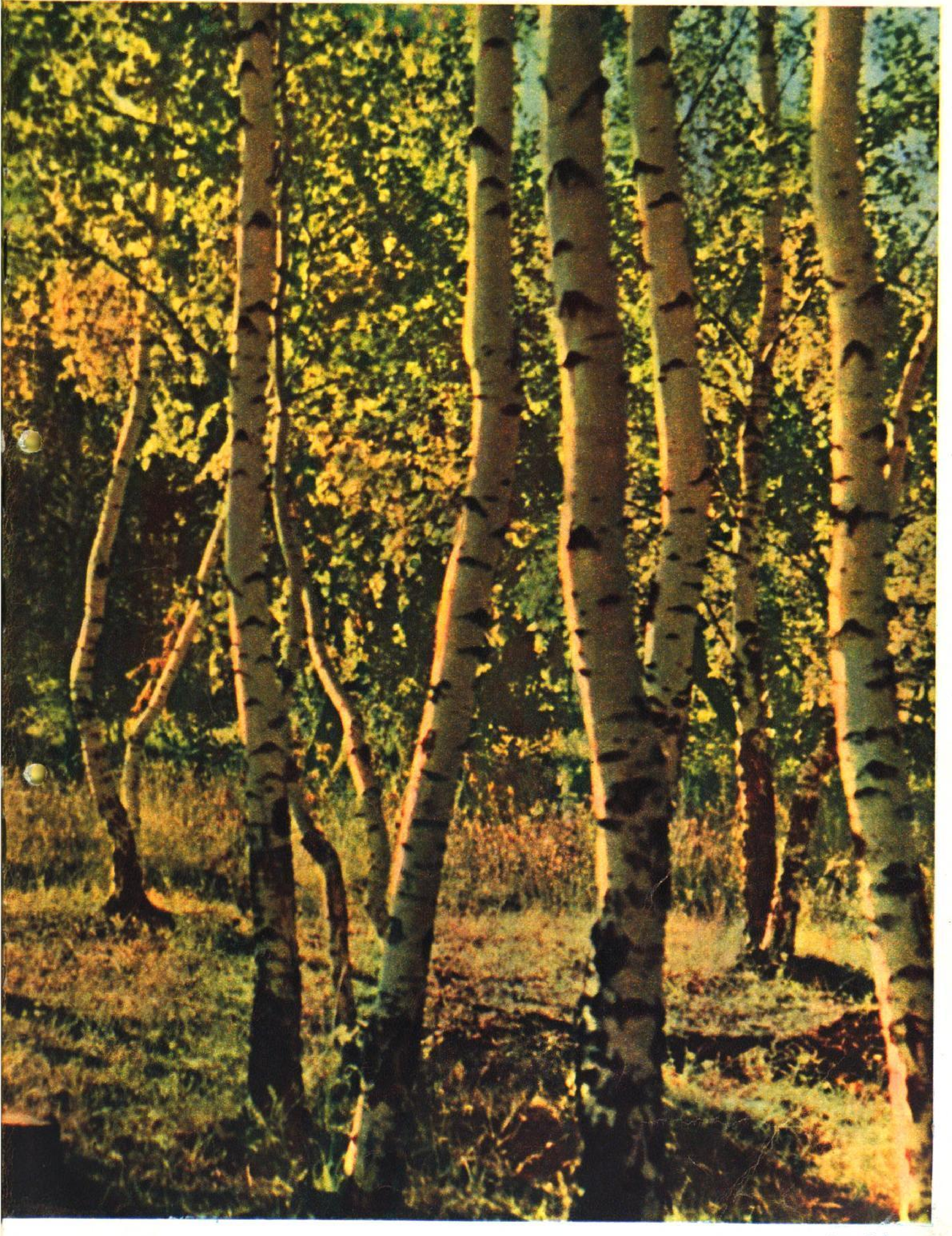
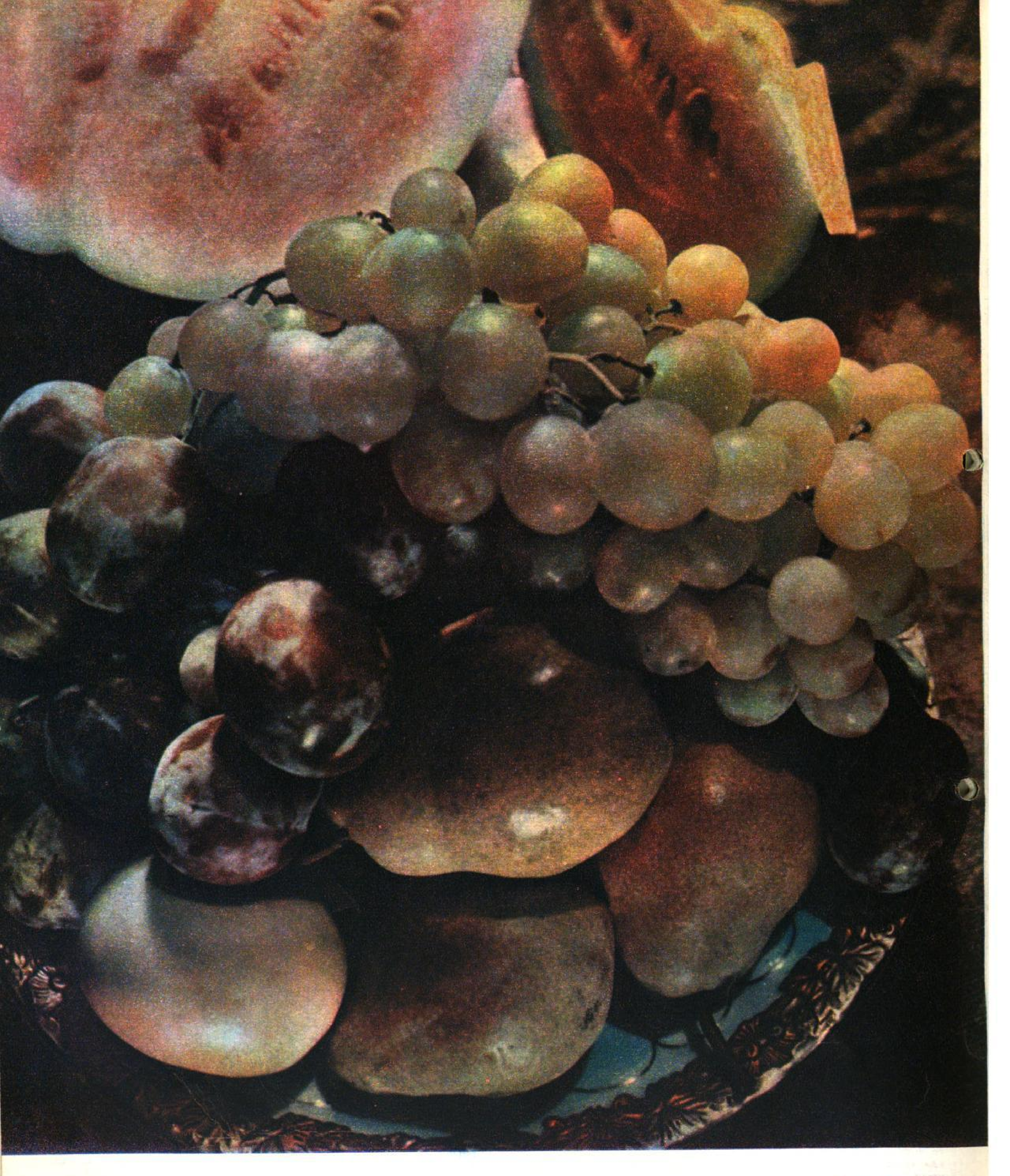

Фото Я. Толчана

Фрукты.

Фото И. Шагина

И ЗА ОКЕАНОМ УСЛЫШАТ

Из рассказов Михайлы Подоляна

С. ЖУРАХОВИЧ

Рисунок В. Высоцкого

Старуха моя под нос себе что-то сердито приговаривает. Девки мои смеются и поют. Что в хате делается! Так и знайте, люди: это я, Михайло Подолян, опять в дорогу собираюсь.

— И когда ты наконец угомонишься? — донимает меня старуха.— Голова седая, а все ему свет мал.

А что ж, и вправду мал. Да не пугайтесь, добрые люди, дорога недалекая. Во Львов ехать думаю. Во Львов.

— А чего тебе там, во Львове, понадобилось?

Чего мне во Львове понадобилось? Слышали вы такое? Да я же делегат! От всей колхозной Станиславщины делегат. Там, во Львове, две области договор на соревнование заключать будут. Кто выйдет первым? Кто больший урожай соберет? Кто лучше на своей земле с хозяйством управится? Вот какой договор! И я на том договоре, как министр какой-нибудь, буду подпись свою ставить.

А еще наказало мне село: гляди, Михайло, приглядывайся, как у соседей дело идет. Чтоб нам не плестись в хвосте. Чтоб Станиславщина первой была. Гляди!

Так-то, люди, оно обернулось. А давно ли это было, что не мог я на несчастном клочке поля даже себе самому пособить. С тем плужком, что снизу буковый, а сверху железкой обитый. С той клячонкой, что, бывало, идет да от ветра валится. Давно ли, спрашиваю, это было? А ныне целое Прикарпатье от меня помощи-совета ждет.

— Теперь, Михайло Подолян,— говорит мне народ,— теперь ты человек государственный. Делегат!

Целая компания меня во Львов провожает. Веселая дорога. Так еще не ездил никогда.

— Есть у меня во Львове еще одно дело,— говорю я людям.— Так и знайте: пойду я в те высокие палаты да сяду в шелковые кресла, где когда-то сам воевода величался. Почему бы мне не выкинуть такую штуку?

А звеньевая Стефания, такая курносая девчонка, спрашивает:

— Дядько Михайло, а что это за воевода такой?

Идут, смеются:

— В шелковых креслах!..

— Когда же это воевода там сидел?

— Еще при царе Горохе, когда вы в Америку ездили доллары на клочок поля зарабатывать...

И еще пуще смеются: молодые. Дала им советская власть землю, машины, они и не знают, не ведают, что это значит горбом зарабатывать на клочок поля. Хоть какого-нибудь, пусть у болота, пусть над самым яром.

Что ж, радуйтесь, молодежь! Смейтесь. Еще больше смеялись бы, кабы знали, что из той Америки вернулся я с пустым карманом. И долго говорили обо мне люди: «Миллионер, богач, а штаны — хоть плачь...»

Да об этом уже никто теперь и не помнит. Забывают некоторые про старое. А этим веселым, молодым незачем старое и вспоминать. Эй-эй, их дорога под ясным солнцем стелется.

Приехал я во Львов, что ж вы думаете, люди? И вправду везут меня в те высокие палаты и в шелковые кресла усаживают.

Составляем, читаем наш колхозный договор. Потом подают мне золотое перо, и на том договоре я от всей Станиславщины свою подпись ставлю: Михайло Подолян из колхоза «Первое мая».

— Так вот вы откуда!— закивали головами львовчане.— «Первое мая»? Это за Коломыей? Как же, знаем! Миллионеры!

Вот оно как, люди, дело повернулось. Стал-таки я миллионером. И не с латаными штанами, а взаправдашным. Это вам не какая-нибудь там Америка.

Встретил я в тот день во Львове своего старого приятеля Василия Гренчишина из Коломыи, знаете? И услышал я от него такую новость, что сердце огнем загорелось.

Нашелся,— слышите, люди! — нашелся этот старый проходимец Юрко Цюперюк. Как? Где? Рассказывает мой приятель, что есть на свете такая брехалка — «Голос Америки» называется. Вот этим голосом и отозвался Цюперюк. Аж из-за океана. Аж из самого Нью-Йорка. Ко всем, дескать, украинцам обращается. Хвалится, что очень ему там сладко живется, в Америке. Слышали вы такое? Загордилася свинья, что о панский тын почесалась...

Так вон куда тебя занесло? И кочергой до носа не достанешь! А в нашу сторону все-таки волчьим глазом поглядываешь? Поместий-фольварков дожидаешься? Не дождешься, вражий сын! Так и знай.

— Цюперюк? А это кто такой? — спрашивают меня львовчане.

Сколько уже лет прошло, как война гремела у нас над головой? Так, может, кто уже и забыл, кто он такой, этот Цюперюк? Я про него напомню. Всем напомню. Потому, пока есть на свете Цюперюк, будьте, люди, начеку, берегитесь ножа в спину.

А я все помню. Все! И как тот Цюперюк с немецким кайзером безголового гетмана в нашем Киеве ставил, а потом цурюкал, смазавши салом пятки. И как он Пилсудскому нашу Украину по кускам продавал, а потом Гитлеру перепродал, видно, тот дороже дал... Сажа — и то белее цюперючьей души.

А вспомните, люди, как во время этой войны прибыл он к нам из Берлина. О чем же он там со своим бесноватым фюрером договаривался? А вот о чем: объявили тогда, что будто наша земля уже не украинская земля, а какой-то, пропади он пропадом, гитлеровский дистрикт [1]. Помните?

Стал тогда Цюперюк управителем в фольварке и уговаривал нас держаться с ним вместе. «Одной мы мамы дети, и один у нас язык,— говорил он нам.— Держитесь меня, и батько Гитлер нас не забудет».

А ныне Цюперюк кого себе в батьки взял? Спрашиваю я у своего приятеля:

— Скажи мне, Василь, потому никак не понять: что ж он там ест-пьет в Америке? Кто его там кормит, того Цюперюка? На все же это доллары нужны...

— Эге-ге,— усмехается Василь Гренчишин.— Нашлись в Америке деньги на такое дело. Кормит она Цюперюка и еще, может, тысячу таких барбосов, как он. Ты разве не слышал, на что там целых сто миллионов долларов отсыпали? Даже закон такой издали...

[1] Так гитлеровцы в период оккупации именовали западные области Украины.

— Какой закон? Для душегубов и изменников закон?

— Вот именно для них, — кивает головой Василь.

— Да как же это так?

Ударил я руками о полы. Что же это делается, люди? Разве это закон? Злодейство!

— А по-американски, — говорит Василь, — это закон... Вот если б потрясти Цюперюка, так нашлась бы и у него малая толика долларов.

— Нашлись уже, — кричу я, — нашлись уже те каиновы доллары!

— У кого? — удивляется мой приятель. — У Цюперюка?

— Ну, если не у самого Цюперюка, так у его сынка.

И рассказываю я Василю, как оно было. Помните, был у Цюперюка сынок? Тот самый, что в эсэсовском мундире пыжился, в гестапах гарцевал. Тот самый, что из Павла в герра Пауля перевернулся, только бы с фашистами в близких родичах ходить. Где-то на войне затерялся его волчий след. Думали мы, настигла-таки разбойника святая пуля. Ан нет! Недавно поймали мы его в нашем лесу. Из потайной норы вытащили. Откуда ж он тут взялся? Молчит. А оружие чье? Молчит. Да мы и сами видим, — есть на автоматах знаки. Так этими, значит, пулями ты в нашего бригадира Кищука, и в детей, и в жену его стрелял? Этими вот американскими пулями? Молчит...

А в карманах у бендеровского лешака нашли мы зеленые бумажки, как гадючьей шкуры клочки. Вот они, доллары-то!

Не знал еще я тогда, откуда у него те серебренники. А вот оно что! По американскому закону. Видели вы такое, люди добрые? Закон... среди бела дня... Тьфу!

Закипело у меня сердце, и я уже не смолчу. Мне дела нет, как там дипломаты разговаривают. Я возьму да и скажу им по-своему. По-простому. Послушайте, скажу, господа: между конокрадами и то такого закону нет... Вкладываете нож в каинову руку, а сами господу богу молитесь? Кого обдурить хотите? Знаем, какой это нечистый воду баламутит...

Баламутите? А мы поглядываем и вверх и вокруг. Помните, бендерята и цюперята, знайте, на доллары купленные: мы будем и впредь начеку. И небо наше будем стеречь, чтоб коршуны не летали, и нашу землю.

И ты, старый Цюперюк, уже американской юшки похлебал? Опять про Украину языком треплешь? А ну, помолчи, ирод! Кончились твои разговоры. Цыть! Теперь я скажу.

Сидишь ты, Цюперюк, за океаном и буркалы свои, как жаба, на наш достаток пялишь. И распирает тебя черная злоба, и хочется тебе знать, что делается на той земле, которую ты столько раз пробовал вспахать, а все она из твоих лап вырывалась. Далеконько забрался, не видно тебе? Так не горюй, пане Юрко! Я расскажу.

Хочешь знать, что на нашей земле делается? Пожалуйста! Про все могу сказать. Мне таиться нечего. Живу — двери настежь для всех добрых людей. Мирно живу и к другим державам — упаси боже! — носа не сую. Сами видите, у меня и в своей державе вон сколько дела.

Так слушай же, что у нас дома делается, слушай! Там, где был фольварк шляхтича Чарнецкого, а потом имение того гитлеровского фона, у которого ты управителем служил, там ныне колхоз. Мой колхоз! «Первое мая» называется. И в том колхозе я, Михайло Подолян, что всю жизнь чужим волам хвосты вертел, — всеми фермами заведующий. Я теперь на все Карпаты хозяин. У меня имение — ого-го! Кони, как змеи. Коровы лучшей породы — высокоудойные. Свиньи гладкие, в вышину — во! В толщину — во! Овцы...

Да что там старый фольварк! Разве те паны и подпанки умели хозяйствовать? С чужого труда жиреть — вот их работа. Гляди, гляди, Цюперюк, что мы тут понастроили! Новые дома да мастерские, новые конюшни да коровники. Электричество мы запрягли: воду качает, солому, дерево режет... А это кормокухня, чтоб откармливать скот, как наука велит. А это автопоилки, видишь? Да где тебе такие хитрые вещи уразуметь, чурбан! Ишь, в управители перся! Ты, как вошь, ползал, нашу кровь сосал. А вот мы управляем-таки на своей земле. Смотри, как управляем!

Может, тебе интересно знать, как живет-поживает Михайло Подолян? Глянь-ка сюда. Имею медаль. Трудовое отличие. Видишь? Весь свой век работал Подолян, и весь век его работу панский сапог топтал. Ныне мне благодарность, мне почет. От народа, от всей державы. Хоть на старости лет, а все ж заглянуло солнце и в мое оконце.

А это вот моя хата. Новая. Тесаная. Под белой черепицей. Как куколка, красуется в садочке. Хватит уже мне в темной лачуге перебиваться. Хватит голову в дверях сгибать. Хватит с теми куриными оконцами слепнуть. Теперь гляжу на весь широкий свет — вот такие у меня окна.

Или, может, хочешь знать, где моя дочка, которую ты, подлюга, на фашистскую каторгу в райх погнал? Это ты ей сказал: «И поседеешь в панских наймах». Брешешь, старый пес! Не вышло по-твоему! Будет моя Агата зоотехником, на курсы в Станислав поехала. А Марийка — ого! — Марийка гимназию кончает, собирается в столицу на большую науку. А ты говорил: «В наймах...» Нет, это тебе не Америка!

В новой хате у меня электричество светит. Радио поет. Кто мне про все на свете новости рассказывает? Радио. А как же! Со мною Киев каждый день мудрую беседу ведет. Со мной Москва каждое утро здоровается. Я просыпаюсь, а она мне: «Доброго утра, Михайло Подолян».

Правильное радио. Это вам не тот американский голос, что про войну и бомбы поволчьи воет. Это вам не заокеанская колокольня, с которой петлюровский мозгляк черным вороном каркает. Нет, это правильное радио!

Да кому я все это говорю? Цюперюку? Что с таким разговаривать... Но есть и в Америке люди. Есть! Знаю! Сам там был. Так пускай они послушают, как я живу на своей советской земле.

А все ж таки, что ни говорите, а хотелось бы мне, чтоб увидел Цюперюк, как меня во Львове на шелковые кресла усаживали. В тех самых палатах, где когда-то сам воевода роскошествовал...

Говорил я вам уже, что давненько не бывал я во Львове. Еще со времен панской Польши. Когда куска хлеба, работы искал. Ходил я тогда, бродил, расспрашивал. «Чего ищешь?!— кричали на меня. — Тут и своих горемык-безработных хватает! Еще и ты приплелся». Что было делать? Вот тогда-то и пришлось податься на заработки в Америку.

Давненько, говорю, это было. Гляжу ныне — да тот ли это Львов? Нет, не тот! Фабрик-заводов понастроено. Высокие трубы небо подпирают. Слышали и мы когда-то такое слово — «индустрия». Как же, слышали! Да вот, чтобы увидеть, что оно такое, надо было из бедной Галичины за океан ехать. А сейчас во Львове вижу — вот она, наша индустрия!

Откуда же, спрашиваю, взялась вся эта мудреная машинерия? Откуда эта хитрая механика? Вот это, говорят, Москва подарила, а это из Ленинграда привезли. А вот с Урала братская помощь, а это Донбасс ковал-мастровал... Видите, люди, что делается: все заодно, все вместе.

Оглядываюсь вокруг. Неужто по этим улицам я ходил, сняв старую шапку, кланяясь всем подряд: «Не найдется ли у пана какой-нибудь работы? Хоть нужник чистить...»

Кончено! И вспоминать о том не хочу. Нет уже во Львове такого обычая — кланяться панам. Нет и не будет! Что это вам, Америка какая-нибудь?

Кому-кому, а мне она хорошо знакома, эта Америка. Сколько я на нее поработал! Сколько я там набедовался!.. Хлебнул горя, — чуть не захлебнулся. Хватит!

Из того пота и горя она, Америка, золото выжимала. Эге, на золото она жадная! Со всего свету к себе тащит, хапает, загребает...

А сейчас, поглядите только, до чего ожаднела. Не то, что на золото, даже на такую мразь, как Цюперюк, и то позарилась! И то к себе тянет. А скаженного Бендеру обнимает, под ручки поддерживает...

На кой они ей сдались, эти шелудивые, с битым задом? Ага, чтоб к нашей хате дорогу показывать! Показывайте, показывайте. Гитлер уже той дорожкою ходил...

Да что же это выходит, люди добрые! На войну, на душегубское дело эта Америка не жалеет долларов. А за мой труд дырявые центы кидала.

Мне, честному работяге, было в Америке и голодно и холодно. Горько было мне. А Цюперюку, ишь ты, сладко там живется...

И ты, Америка, хочешь, чтоб повсюду так было? Чтоб снова я в три погибели гнулся, а какой-нибудь панок на моей шее ездил? Чорта лысого!

Сидит Цюперюк за океаном и американским голосом вещает, что придет меня вызволять. Убей тебя гром с ясного неба! Вызволитель нашелся!.. Видели вы такого? С чем же ты идешь? С ярмом на мою шею? А ну-ну, иди, иди, недолюдок!..

Ага, ты не один к нам собираешься! За тобой, хвалишься, Америка идет. Это она мне войной-чумой грозит, слышите?! Потому грозит, что плюю я на панов, хотя б они и из самого Нью-Йорка были.

Не стращай меня, говорю, не пугай, Америка! Здесь пугливых нету. И заплеванного Цюперюка вперед не суй, знаем, что это за птица, чьим голосом поет.

Не боюсь я тебя, Америка. Видишь, какая у нас большая семья. И все мы, как один. И все мы сталинскою правдою сильны.

Не для тебя эти святые слова про нашу правду, — отойди прочь, отойди, Цюперюк! Украина выполола тебя, как бурьян с нашего поля. И прокляла на веки веков. И не будет тебе ни земли, ни света ясного, ни доброго слова от людей. Вот так и подохнешь у нью-йоркской помойки.

Не с тобою говорю, прочь с глаз моих! Я друзьям своим слово скажу. Слышишь ты меня, Петро Довбыщук? Помнишь, как мы с тобой у Форда вместе спину гнули? Ты еще и сейчас там, в Детройте? Так слушай меня, земляк. И не один ты слушай, а вместе со всеми моими друзьями в Америке. С неграми и с белыми. С горожанами и с фермерами. Со всеми, кто делился со мной куском хлеба, когда я без работы погибал на чужбине. Со всеми, кто мне про мирную и добрую жизнь говорил...

Это не те американцы, что разбойничий закон выдумали: у соседа хату подпалить. Это не те американцы, что свой голос Цюперюку одалживают и доллары ему кидают — гавкай на солнце.

Нет, это настоящая Америка. И пускай послушает она мой голос. Пускай услышит правду.

Эй, друзья мои, крикну я им через океан. Поглядите, как под сталинской звездой живет-красуется родной мой край!

Не панские задворки. Как того Пилсудский хотел. Нет!

Не фашистский дистрикт. Как того Гитлер хотел. Нет!

И не американская наймичка. Как того Уолл-стрит хочет. Вот уж нет!

Живет-красуется советская Украина. Наша и моя. В семье вольной, новой, как Тарас сказал. Москве она дочка родная, а братьев и сестер у нее полон дом. Богатый дом — большая родня.

Кругом у нас свет-огонь сияет. То светится Днепрогэс. То львовский завод светится. И Верховный Совет в Киеве. И мой колхоз в Прикарпатье, где теперь, люди добрые, я настоящий миллионер.

И еще скажу я друзьям моим там, за океаном: не верьте вы тому Цюперюку! Собака на солнце брешет, а солнце светит. Гоните, скажу я, этого бродячего брехуна, гоните Цюперюка из вашего дома, чтоб там не смердело.

Знайте все: не он Украина. Он только мусор из нашей хаты.

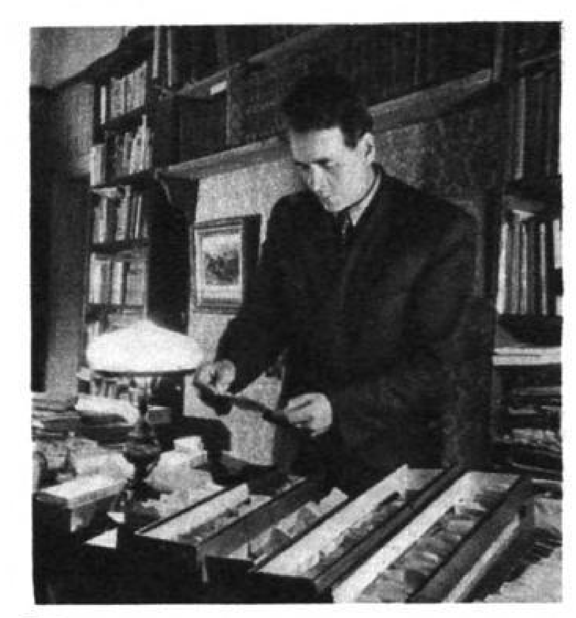
Сюда смотрите. Я, Михайло Подолян, — это вот и есть Украина.

Пусть весь свет слушает: вот это и есть Украина!

Слышите?

Знаю, правду везде слышно. И за высокой горою. И за далеким океаном.

Перевел с украинского
А. ОСТРОВСКИЙ

Собиратель пословиц инженер В. М. Подобин составляет каталог своей картотеки.

Фото И. Фетисова

Из почты «Огонька»

15 000 пословиц и поговорок

Инженер Вячеслав Михайлович Подобин работает во Фрунзенском райсовете города Ленинграда и занимается вопросами архитектуры. Дело свое он очень любит. Но есть у него еще одна страсть — он собирает пословицы и поговорки.

В детстве Вячеслав со своим отцом — лесничим — много путешествовал по вологодским землям, встречался с охотниками, рыбаками. Ему нравились образные и меткие народные поговорки, поражавшие его своей простотой, глубоким смыслом и красотой слога. Он легко запоминал и потом часто цитировал их. Когда пословиц накопилось так много, что в памяти не удержишь, у юноши появились записные книжки, куда заносилось все слышанное в пору путешествий.

Сбором фольклора В. М. Подобин продолжал заниматься и после того, как стал инженером-строителем. Ему довелось проектировать и строить заводы на Урале, на Украине, в Сибири. Но, где бы ни находился Вячеслав Михайлович, в свободное от работы время он, беседуя с местными жителями, пополнял свои записные книжки.

...Ленинград, набережная Кутузова, дом 32. Сюда в квартиру В. М. Подобина почтальон ежедневно доставляет большую пачку писем. Друзья инженера, с которыми он подружился во время своих путешествий по стране, шлют ему записанные ими новые пословицы и поговорки.

Недавно мы побывали на квартире В. М. Подобина. Нас встретил высокий пожилой человек. Его окающий говор выдавал жителя севера нашей Родины. Вячеслав Михайлович показал свою картотеку с пословицами и поговорками, собранными им более чем за 40 лет.

В десяти длинных ящиках размещено свыше 15 тысяч карточек с записанными на них поговорками и пословицами — старыми и новыми, еще нигде не опубликованными. Вот некоторые из них: «И не книжен, да хорошо острижен», «Не всякий умен, кто в красне наряжен», «Бархатный весь, а жальце есть», «Партийный — человек активный», «Сколько фашизм ни воюет, а гибели не минует». Или пословицы из колхозной жизни: «В колхозную пору жизнь пошла в гору», «Колхозное полюшко — ни нужды, ни горюшка», «Не страшен мороз, когда за спиной колхоз».

Сейчас В. М. Подобин занят составлением каталога своей картотеки, а также тематического словаря русских и советских поговорок и пословиц.

М. БУКАНОВ,

инструктор Фрунзенского райкома ВКП(б) Ленинграда

ТЕОРЕТИК ПРИХОДИТ НА СТРОЙКУ

У каждого преподавателя есть любимые и нелюбимые части курса — одни доставляют удовольствие, радость, другие тяготят. Бывает, что какой-нибудь злополучный раздел приносит одни огорчения.

Именно это испытал В. В. Соколовский, 24-летний аспирант Московского инженерно-строительного института, в 1936 году, когда дело дошло до механики сыпучей среды. И чем старательнее он излагал студентам методы решения различных задач, тем острее чувствовал недовольство. Молодой педагог ясно сознавал, сколь несовершенны, а порой и противоречивы эти методы.

Сыпучая среда, прежде всего песок и различные грунты, служит основанием сооружения, а нередко и строительным материалом. Только зная их свойства, можно строить прочно, на века. Например, если возводить тяжелое здание прямо на поверхности почвы, оно будет оседать, выдавливать из-под себя грунт, и не исключено, что оно накренится и разрушится. Чтобы избежать этого, фундамент здания углубляют в землю. Вокруг него остается слой, который препятствует выдавливанию.

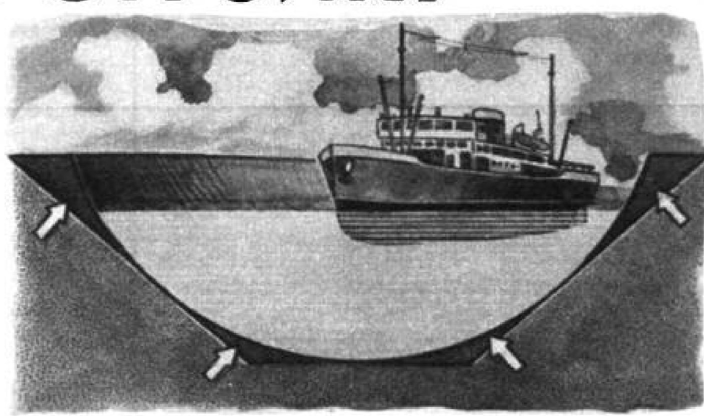
Но вот вопрос: какова наименьшая глубина, на которую надо опустить фундамент? Ведь всякое строительство должно быть экономично. Рим, например, еще недавно получал воду по акведукам, воздвигнутым две тысячи лет назад. Зато какой дорогой ценой — ценой лишнего труда и материалов — давалась строителям такая долговечность!

Советский строитель должен добиться того же с наименьшими затратами. Небывалые по масштабам гидротехнические работы, развернутые в нашей стране, и борьба за их экономичность приобрели большое значение. Приведем один пример. Высота откосов прокладываемых величайших в мире каналов местами достигнет 70—100 метров. Если мы сможем сделать откосы чуть круче, чем делалось прежде, и за счет этого хоть на один процент меньше вынуть земли, то и тогда экономия составит многие миллионы кубометров грунта, миллионы рублей.

Крутизна откосов, устойчивость сооружений определяются с помощью специальных инженерных расчетов. Их задача — установить, какую наивысшую нагрузку выдержит грунт, оставаясь неподвижным, или, как говорят инженеры, сохраняя равновесие. Методам таких расчетов посвящены сотни трудов. Однако различные методы основывались на разных, часто весьма произвольных предпосылках и давали ненадежные результаты. Поэтому на практике приходилось «на всякий случай» в несколько раз повышать прочность сооружения.

В. В. Соколовский после нескольких лет напряженного труда создал стройную математическую теорию, обнимающую все основные вопросы равновесия грунтов. Она учитывает также осложняющие факторы, например, слоистость грунтов, пронизанных подземными потоками.

Им открыто много интересного. Оказалось, что откосы каналов гораздо прочнее, когда они не прямые, как всегда делалось раньше, а криволинейные, кверху чуть загнутые. Плотину во многих случаях можно меньше углублять, и она сохранит необходимую устойчивость.

Заштрихованные места — это экономия выемки грунта, которая получается при прокладке канала по расчетам, предложенным В. В. Соколовским.

В книге В. В. Соколовского «Статика сыпучей среды» приведены точные, впоследствии упрощенные методы расчетов. Сейчас они применяются при проектировании оснований плотин, откосов каналов, стенок шлюзов.

* * *

Ученые бережно хранят небольшие стальные пластинки, внешне ничем не примечательные. Но, приглядевшись внимательно, можно заметить на полированной поверхности легкий матовый рисунок, густую сетку из тонких спиралей.

Эти пластинки — драгоценный памятник прошлого. Великий русский ученый Д. К. Чернов назвал спирали «линиями наибольших напряжений». Они показывают места, где перемещаются частицы стали при пластической деформации.

Пластичность — способность металлов и других материалов изменять под давлением свою форму — широко используется практикой при прокатке, штамповке, ковке, волочении. И все же многие закономерности пластических явлений оставались загадкой.

Эти явления отличаются необычайной сложностью. Почти каждый материал в различных условиях ведет себя по-разному. Мрамор, обычно очень хрупкий, под сильным давлением приобретает способность течь, почти как вар. А тот же вар от резкого удара разлетается на куски, как стекло. Было неясно, когда начинается деформация, как она протекает.

Этой области — на первый взгляд далекой от сыпучей среды — В. В. Соколовский посвятил свой второй труд — «Теорию пластичности». Математик нашел скрытые черты, роднящие эти явления.

Поведение металла в пластическом состоянии и сыпучего тела в равновесии изображается почти одинаковыми уравнениями. С их помощью узнают, как распределяются напряжения в деформируемой детали. И если итоги вычислений изобразить графически на бумаге, можно получить уже знакомую нам сетку спиралей, точно такую же, как на пластинках Чернова.

Математический метод, предложенный В. В. Соколовским, позволяет заранее определить, какие потребуются усилия при обработке металла, а следовательно, какой мощности нужен прокатный стан или пресс. Проектировщики могут теперь рассчитывать такие машины без излишнего запаса мощности. Новый метод поможет также лучше рассчитывать турбинные диски, валы переменного сечения, детали машин.

В трудах В. В. Соколовского, удостоенных Сталинской премии, «Статика сыпучей среды» и «Теория пластичности» после каждой главы, где рассматриваются теоретические вопросы, даны примеры их приложения на практике. И это вполне естественно: для советского ученого теория — помощница практики, она призвана служить преобразованию природы.

Недавно В. В. Соколовский побывал на строительстве Куйбышевской ГЭС. Он осматривал места работ, беседовал с рабочими и инженерами о том, чем могла бы им помочь наука.

— Мы сможем,— говорит ученый,— точно проверить, как распределяются напряжения под плотиной и соответствует ли это тому, что показывают теоретические данные. А проверив, можно будет еще смелее внедрять наши расчеты в проектирование великих строек. Сделать это — значит помочь общему делу,— есть ли бо́льшая награда для ученого в нашей стране?!

Евг. БОРИСОВ

Член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Соколовский.

Перед работой

Лев СОРОКИН

1. УТРО

Нынче солнце встало очень рано:
Много дела в стороне лесной.
Кажется, что помогают краны
Солнцу подниматься над страной.

Разом просыпаются кварталы,
Мчат трамваи, весело звеня...
Утро Мира встало над Уралом
Предисловьем радостного дня!

2. БЫВАЕТ ТАК...

Гулял тугой, прохладный ветер
Не над Москвой,
а под Москвой.
Друзья встречались на рассвете
Не на земле,
а под землей.

Но это стало так обычно,
Что шли они без лишних слов.
Метро наполнилось привычным
Подземным гулом поездов.
И поезд их,
трубя порою,
Как говорят, летел стрелой.
Они
о том,
что нынче строят,
Заговорили под землей.

Но разговора лишь начало,
А выходить друзьям пора!
Москва их рокотом встречала, —
Ведь шли на стройку мастера!..

Гулял тугой, прохладный ветер
Не по Москве,
а над Москвой.
Друзья стояли на рассвете
Не на земле,
а над землей!

И разговор, что под землею
Был начат,
кончили уже
Они
в работе
над Москвою —
На двадцать пятом этаже!

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Натан РЫБАК

Рисунок А. Кокорина

Украинский писатель лауреат Сталинской премии Натан Рыбак готовит к печати второй том романа «Переяславская Рада». В томе показано, как потерпели крах попытки Ватикана, Польши, Турции, Швеции и других государств воспрепятствовать объединению украинского народа с русским.

В публикуемой ниже главе рассказывается о последней встрече гетмана Богдана Хмельницкого с представителем посполитого крестьянства Гуляй-Днем.

...Гуляй-День переступил порог гетманской опочивальни. Перед ним на широкой постели, откинувшись на подушки, лежал, разметав руки, гетман. Глаза его были закрыты, грудь тяжко вздымалась, и до порога доносилось его хриплое, отрывистое дыхание. Гетман судорожно комкал в руке край одеяла. Через открытое окно в опочивальню долетал веселый гомон птиц, врывался горячий июльский ветер, наполняя воздух крепким запахом спелого жита, полыни и мяты. На столе, у кровати, стояли серебряные подсвечники, фарфоровые и стеклянные графины, раскиданы были свитки бумаг. На деревянной подставке высилась бронзовая чернильница, а рядом лежала связка гусиных перьев и в оловянной тарелке — горсть золотистого песку. Чуть поодаль блестела булава, набалдашник которой прикрывала красная китайка.

Ветер наклонил ветви жасмина, закрывавшие окно, и солнечный луч заиграл на желтом, измученном лице Хмельницкого. Нестерпимая боль сжала сердце Гуляй-Дня, и, не удержавшись, он прошептал:

— Господи, как тебя скрутило, Хмель!..

Не открывая глаз, Хмельницкий ответил:

— Испугался, Гуляй-День, и забыл даже поздороваться с гетманом... Ничего не поделаешь, коли смерть пришла. Стоит с косою в изголовье...

Слеза скатилась по щеке Гуляй-Дня.

— Подойди ближе, — тихо сказал гетман и указал рукою на низенький стул у кровати. Гуляй-День медленно опустился на сиденье.

— Хотел видеть меня? — тяжело переводя дыхание, спросил гетман.

— Хотел. Не легко далось, — сказал Гуляй-День, подняв голову и встретившись глазами с горячим взором Хмельницкого.

Потирая ладонью лоб, гетман с болезненной усмешкой пояснил:

— Берегут меня, беспокойство имеют, дабы докукой здоровью не повредить... А ты б сразу к Ганне обратился.

— О том не подумал. Как чувствуешь себя, гетман?

Хмельницкий вдруг засмеялся:

— За этим хал ко мне?

Гуляй-День молчал. Его смутил смех Хмельницкого.

— Не очень, видно, о моем здоровье убиваетесь, казаки... Своеумия у вас превзыбыток... В головах бродит. А мне только хлопоты да горе...

— Хмель бродит, гетман, в головах наших... Хмель... — с ударением произнес Гуляй-День. — А горе и хлопоты не от нас... Да не о том речь, гетман...

— Про что же? — спросил настороженно Хмельницкий.

— Великая печаль нам от твоего недуга... Увидел тебя, сердце оборвалось... Что они сделали с тобою?

— Кто? — тихо спросил Хмельницкий.

— Полковники твои, старшина, попы, — голос Гуляй-Дня задрожал, он вскочил и, протянув руки к Хмельницкому, горячо заговорил: — Встань, подымись, Хмель, не ко времени недуг твой, нужен ты нам... Встань, гетман!

Хмельницкий закрыл глаза. Он тяжело дышал. На широком лбу выступил пот. На виске билась синяя жилка, а в измученном сердце теплилось радостное чувство. Думают о нем казаки, помнят... В сердце носят, как надежду. Разве этого мало, чтобы подняться, крикнуть: «Коня!» — без помощи стремянного вскочить в седло, сжать горячие бока жеребца шпорами, лететь во весь опор и слушать, как шумят хоругви и бунчуки, как шелестит ковыль в бескрайней степи... Господи! Это ж и есть жизнь, многотрудная и заманчивая, тяжелая и причудливая. Может, скинуть со счета годы страданий и мук, невзгод и забот? Разве ж это жизнь? Вот за стенами опочивальни ткут паутину заговоров и измен. Кто страдает, а кто уже радуется, предвкушая, как схватит цепкими пальцами булаву... И снова начнется то, что приходилось ему собственноручно искоренять. И именно теперь, когда дорога уже выбрана, когда цель ясна, когда стоит народ плечо к плечу с народом русским, именно теперь надо жить и жить...

Широко открыв глаза, пересиливая боль в груди, гетман осторожно приподымается в постели, держась рукой за край стола.

— Не ко времени смерть моя, Иван, — говорит он Гуляй-Дню, — мне еще жить надобно...

— Надобно, ой как надобно! — говорит Гуляй-День, ближе подвигаясь к гетману.

— Погоди... — Хмельницкий провел языком по пересохшим губам, — дай попить. Вон лекарь-итальянец какое-то питье дал, сказывал, саксонского курфюрста оно из лап смерти вырвало, французского короля Людовика спасло, Фердинанду III молодость вернуло... а мне вот не помогает... Видать, не из того теста выпечен... Мне б не королевские лекарства!..

Гуляй-День налил из высокого стеклянного графина в стакан желтоватое питье и подал гетману. Сморщив лицо, Хмельницкий с отвращением проглотил его одним духом и вытер усы рушником.

— Горькое, как правда, — пошутил он.

— А может, это... — несмело начал Гуляй-День.

— Я тоже так думал, — опередил его Хмельницкий. — Может, отрава... А кто его ведает? Хоть лекаря еще Капуста привез. Нет Лаврина! Рано ушел, рано...

— Руку имел твердую, посполитых не очень жаловал...

— Зато разумом обладал, совесть имел неподкупную, это взвесь, Гуляй-День, об этом помысли. А обид мертвому не набавляй: ему на том свете сам сатана напомнит... — Хмельницкий вяло усмехнулся. — Погоди... что же я собирался сказать тебе... Погоди, я скажу, а то войдут, помешают. Садись сюда, — показал пальцем на постель возле себя, — слушай внимательно. Твоя правда: не время мне в темное царство отправляться. Скажи казакам, посполитым скажи, пускай своеумие оставят. Твои слова под Зборовым у костра, думаешь, забыл? Памятую: «Чужих панов выгоним, свои на шею сядут...»

— Сели, — едва слышно уронил одними губами Гуляй-День.

— Сели, — согласился Хмельницкий и добавил, — сели и посидят. Без панов не можно, Иван.

— Можно, — тихо возразил Гуляй-День. —

Можно, — повторил он тверже: — Меня посполитые прислали к тебе, казаки... Стон стоит на земле. Война идет смертельная, за волю отчизны, за веру люди бьются, а твои полковники такое чинят, что и словами не поведаю. Ты б поглядел, что Тетеря в Смеле творит, как распоряжается в селах окрестных! Два года жил я на Дону, и там атаманы такие, что вместо сала на хлеб не положишь, но такого, как Тетеря, не видел. Я со шляхтой воюю, а Тетеря мою жинку из хаты выгнал... Подать, вишь, не уплатила. У казака Данилы Товстоноса тетеревские сердюки замордовали сына за то, что скотину пас на полковницких лугах... Как такое стерпеть?

Гуляй-День перевел дух, взглянул пристально на гетмана. Тот молчал. По всему видно было: грызет его, должно быть, какая-то тяжкая дума, будто злой недуг. Может, замолкнуть, а то повредят его слова здоровью гетмана. Оправдываясь, сказал:

— Кому, как не тебе, рассказать про горе наше?

И Хмельницкий вспомнил, как на Гармашевой рудне, давно это было, такие же точно слова говорил ему Гуляй-День. Давно это было... Сила тогда была в руках, в сердце. Господи! Куда же все подевалось? Слова Гуляй-Дня жгли, как растопленная медь. В каждом слове правда. Но заодно рождалась иная мысль: не многого ль посполитые хотят? Не прибрать ли к рукам зазнавшихся?

— Не по времени сие, ох, не в пору, — проговорил он вслух.

— Не в пору занемог ты, гетман, — отозвался Гуляй-День.

И то, что Гуляй-День именно так понял его слова, наполнило больное сердце Хмельницкого теплом и покоем. Осенила мысль: помру — Тетеря продаст и меня и Украину хоть ляхам, хоть туркам, лишь бы в кармане золото звенело, и Выговский продаст — тот уж непременно, а Гуляй-День не продаст — это верно.

— Связала нас судьба с тобою одной веревкой, — тихо сказал Хмельницкий.

— Я о том не жалею. Ты не гневайся только, гетман. Все хочу сказать. Когда еще доведется так потолковать, когда еще свидимся?..

— Должно быть, уж никогда, — ответил Хмельницкий.

И то, что гетман так уверенно и так твердо сказал о своей смерти, заставило Гуляй-Дня резко возразить:

— Даром ты, гетман, духом ослаб, надежду теряешь...

— Обожди! Дай сказать, — Хмельницкий захлебнулся кашлем. Глаза налились кровью, напряглись синие жилки на висках, растопыренными пальцами ловил воздух, будто летел куда-то в бездну и искал, за что ухватиться.

С треском распахнулась дверь, вбежала в опочивальню гетманша. Кинулась к столу, дрожащими руками налила воды в фарфоровую кружку, поднесла гетману. Сдерживая кашель, Хмельницкий глотнул воды, упал обессиленный на подушки, крепко ухватившись за руку жены.

— Иди, казак, — строго приказала Ганна Гуляй-Дню, — видишь, что с гетманом... Дали б покой хоть в недуге... А ты, Богдан, о чем думаешь? Не дозволено тебе разговаривать.

— Много чего не дозволено, — прохрипел гетман, — помирать тоже мне никак нельзя...

— Я пойду, гетман, — сказал Гуляй-День, — отдохнуть тебе надобно.

— Останься, — велел Хмельницкий. — Ты, Ганна, ступай к себе. Недолго я тут. Договорить надо. Важное дело, Ганна. Накажи, чтоб никого не пускали, пока не окончу.

— Ладно, Богдан. Только гляди... — предупредила Ганна.

— Гляжу, гляжу, — успокоил гетман.

— Прибыл от киевского митрополита преподобный Макарий, — сообщила Ганна, — хочет тебя видеть.

— Слетаются черные вороны, — зло заговорил Хмельницкий. — Вчера из Почаева, позавчера из Межигорской обители, а сегодня из Печерской... Чуют поживу, стервятники, мертвым пахнет!.. Скажи преподобному Макарию, пускай поворачивает оглобли. Не желаю видеть его.

— Богдан! — взмолилась Ганна, но, зная, что ничто не подействует, покорилась: — Иду, Богдан, иду. — Вышла, смерив недобрым взглядом поникшую фигуру Гуляй-Дня.

— Так вот, слушай, Гуляй-День, — твердо заговорил Хмельницкий, как только закрылась дверь. — Черное дело замыслили вы, казаки. Неужто ныне час для раздоров? Близко смотришь, казак. А надо в грядущее заглянуть. Шляхте и туркам, шведам и татарам того только и надо, чтоб меж старшиной и посполитыми вражда пошла. Ведаю, тяжко черни. Зубы сцепить надо, кулаки стиснуть покрепче, терпеть...

— Невмоготу! — перебил Гуляй-День. — Терпение лопнуло...

— Враг пред нами сильный, — продолжал Хмельницкий. — Враг коварный, ему наруку эта вражда. Пойми, подумай: мы только на свет народились, многие земли наши под чужими коронами томятся... Червонная Русь,

Буковина, Подкарпатье... Всюду стон и муки... Братья и сестры наши в неволе шляхетской и турецкой гибнут... Всех собрать в одной державе русской, с одним законом, под одним скипетром московским — вот цель наша... А ты подле Черкасс голытьбу собираешь, из русских воеводств беглецы туда прут. Боярин Бутурлин жаловался: стрельцов туда сманиваете, хулу всякую на бояр и царя возводите...

Хмельницкий втолковывал горячо, пронизывал глазами смуглое окаменевшее лицо Гуляй-Дня, но чувствовал: слова его тщетны, не доходят до сердца казака.

— Чего хотите? — повысил голос Хмельницкий. — Король польский у нас в печенках сидит, султан — ворог лютый, цесарь — такой же кат, а русский царь и бояре не по нраву. Чего хотите?

— Воли, — твердо ответил Гуляй-День. — Воли, — повторил он. — Ты б послухал, что беглецы из русских воеводств говорят!.. И мы и они — за Русь единую и мощную, но без шляхты, без бояр...

— Не быть сему никогда! — гневно крикнул Хмельницкий. — Своеволию этому конец положу.

— Накажи сердюкам своим на кол меня посадить,— сказал Гуляй-День,— но напомню тебе, что обещал нам: всех казаками сделаю. Всех!..

Хмельницкий не ответил. Наступило тяжелое молчание. За окном прозвучало: «Слушай!» — и в ответ отозвался кто-то издалека: «Слушаю!»

Перекликалась стража.

— Как осмелился, как не побоялся мне эти дерзкие слова говорить? — спросил Хмельницкий.

— Верю тебе, Хмель, много доброго учинил для нас,— мирно пояснил Гуляй-День:— из ляшской неволи высвободил край наш, туркам не поддался, с Русью соединил нас, потому и уважаем, Хмель, тебя и стоим за тебя неколебимо. И страха пред тобою не имею, ибо ты ведаешь, чем голота живет и чего хочет, хоть и сам ты из панов и к панам душа твоя лежит...

— Тяжко мне, — промолвил вдруг с болью Хмельницкий.— Ой, как тяжко. Сердце в груди, как пороховница без пороха...

— Свое отдал бы тебе, — прошептал Гуляй-День, остро ощутив в этот миг, что гетману уже не подняться с этого страшного ложа. — Да не я один, многие тысячи черни и казаков сделали б так.

— Дай договорить... Вот такие вы все: каждый свой разум лучшим считает. Разве не вас держался я все эти годы?

— И мы тебя держались, гетман, крепко держались, а случалось, ты нас бросал...

— Бывало, — согласился Хмельницкий, — и такое бывало... Так вот слушай: пускай все вместе стоят за родину. На свете такое творится, что, как только Переяслав забудут, орда, янычары, шляхта, шведы, немцы, саксы, франки затопчут нас, накинут ярмо на шею, погибнем, как невольники, и потомки проклянут, проклянут и добрым словом не помянут...

— Мы тверды в этом, а вот старшина...— заметил Гуляй-День. — Оттого и пришел к тебе.

— Старшина? — переспросил гетман.— А что она без вас? Помни, Иван, Переяслав... Раду... Это святое! Того держаться надо всю жизнь. На веки вечные присягали, так и людям скажи, — такова моя воля. Нужно, чтоб все волю мою ведали.

— Это и наша воля, Хмель, — твердо произнес Гуляй-День. — Тем только и живем — с Москвою стоять навеки неразрывно: одна доля посполитых у нас и у них, одни злыдни, одно горе, один путь...

— Добрый путь, светлый, — мечтательно вымолвил Хмельницкий и, отстраняя от себя легким движением руки Гуляй-Дня, падая на подушки, посетовал: — Мне б еще лет десять пожить... А вот, видишь, не так выходит...

— Хоть бы еще пять,— скорбно отозвался Гуляй-День, отступая от кровати.

— Твоя правда, еще бы пять, — согласился Хмельницкий.

— Кому ж булаву отдашь? — спросил Гуляй-День.

— О, господи, господи, — взмолился Хмельницкий. — У всех эта булава на уме, все будто помешались... Папа римский в Чигирин прислал иезуитов, чтоб меня наставили на стезю истины, мол, король Ян Казимир мне грехи простит, а я в его руки булаву верну. Шведский король через своих комиссаров лестью глаза ослепляет, а в помыслах одно: как бы поглубже в карман наш залезть. Лорд Кромвель из Англии братом своим меня именует, а султан Магомет IV, прослыша о хвори моей, из собственной аптеки прислал целебный элексир вечности... Дали того элексира собаке — сдохла. И забота у всех едина: кому отдам булаву?

— Народ знать хочет. Сын у тебя Юрко...

— Тимофей жив был бы...— перебил Хмельницкий. — Нету Тимофея... Капусты нет... Золотаренка нет... Кривоноса, Нечая, Морозенка...

— Многие тысячи людей сгинули за волю.

— Снова перечишь мне, а мне перечить негоже: лекари запретили. Вон как ты тревожишься о моей жизни?..

— Правду говорю, гетман, а правда только раны заживляет, а от лести антонов огонь нападает.

— Огонь, говоришь? — Хмельницкий задумался, искал чего-то неспокойными глазами на потолке. — В душе у меня огонь, в теле огонь, а мускулы, как смятая трава... Про Юрася спросил... Ведь он, как былинка в поле... От ветра клонится, кто хочет — наступит, сорвет, сомнет... Будто и кровь не моя...

— Ведь сын тебе.

— Сын! А что с этого?

— Не может быть, чтоб такой хлипкий выдался. Ты крепок, Хмель, разум великий имеешь, — Гуляй-День говорил страстно, словно уговаривал. — И у сына твоего должно быть его вдосталь, недаром ведь сказано: яблоко от яблони недалеко падает...

— Брешут! — зло перебил гетман. — Дерево, может, и крепкое, корни глубоко в землю вросли, стоит дерево, как скала под лихими бурями, пышет цветом, а плод гнилой... Так и Юрась мой. Старшина, знаю, как помру, будет гетманом выкрикивать Юрася. Ведают, что и посполитые и казаки шапки вверх кидать будут. Им имя мое нужно! Моим именем черные дела свои прикрыть замыслили... — Хмельницкий сжал руки в кулаки. — Не будет так! Нет! Людям правду скажи, Иван, пускай люди знают. Украине гетман нужен сильный, разумный, который бы живота своего для народа не пожалел. Это хотел ты знать, Гуляй-День, я тебе правду и сказал. Так и людям передай...

Хмельницкий замолк. Гуляй-День сидел на стуле окаменевший. Билась трепетно, как шмель крылышками, мысль: был ли когда-то день, когда видел перед собою гетмана на коне под Зборовом, а еще под Батогом в кровавой сече с саблей в руке и на красном помосте в январский день в Переяславе?.. Было! А теперь лежит он пред ним на ложе, измученный, поваленный тяжелым недугом. Может, забрать бы его отсюда, из этих панских, богато украшенных покоев, из этого шумного Чигирина, забрать туда, под Черкассы, где скопились казаки и посполитые, выбравшие Гуляй-Дня атаманом. Там, на воле и в степи, среди людей, ясных совестью и сердцем, оправился б Хмель! Но сердце подсказывало Гуляй-Дню: гетману уже не подняться. Много раз на своем веку встречался Гуляй-День со смертью... Не пугался ее. Видел, как родителей скосила, дочь из его объятий вырвала, но еще ни разу за всю жизнь свою не питал такой лютой ненависти к ней, как в эти минуты. Кликнуть бы сюда казаков, весь люд, от Сана до Дикого Поля, чтобы стали живою стеною перед смертью, заслонили Хмеля собой от проклятой... Эх, кабы помогло!

— Как же мы без тебя? — спросил растерянно Гуляй-День.

— Москвы держитесь, — раздельно сказал Хмельницкий, глянув в очи Гуляй-Дню. — Москвы держитесь крепко... Таков мой завет.

Перевод с украинского
Татьяны СТАХ

Лирические стихи

Хута БЕРУЛАВА

РАЗГОВОР С ПОТОМКАМИ У ТБИЛИССКОГО МОРЯ

Сидел я там, где нынче плещет море,
Где даже рыб пугает глубина.
Пришла вода... И я волну Иори
Благословляю чашею вина.

И тех людей хочу воспеть я ныне,
Что будут жить в краю, где я возрос,
Которым в этой выжженной долине
Протянет ветку куст картлийских роз.

Мой дальний друг! Когда на этом море
Встречать ты будешь с милою своей
Самгорские фиалковые зори,
Встающие над зеленью аллей;

Когда волна, взметнувшись над заливом,
Исчезнет вновь, оставив пенный след,
Скажи тогда: «О времени счастливом
Мечтали здесь поэты прежних лет».

Перевел с грузинского
Д. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЕ

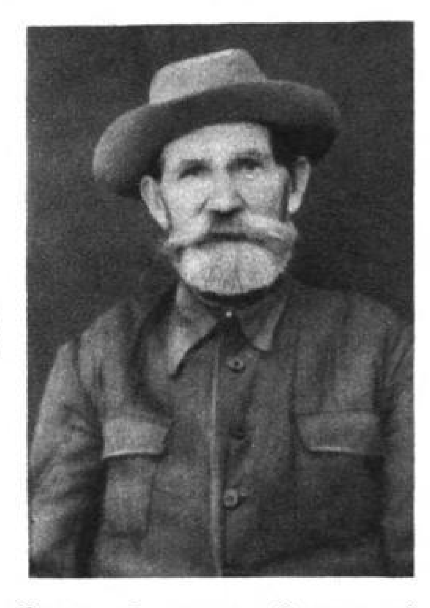
Юность! Ты была со мной вчера,
А сегодня вспоминать пора...
Вновь дремлю у очага родного...
Трудится упорный жернов снова,
Снова колокольчики поют,
Снова здесь нашел себе приют
В море сказок брошенный подросток...
Нет, не кукурузное зерно —
Мелет жернов золото одно
И снежинки нежные, как воздух!
Матерью моей клянусь, о друг,
Всем тепло, всем весело вокруг!
Хвалятся кто славными быками,
Кто конями — сокола быстрей,
Шутками — терновника острей,
Сказкою, слагавшейся веками...
Мельница поет, поет, поет,
Сон поднять мне веки не дает,
Но листаю «Деда-Эна» в дреме...
Кружит крылья мельницы река...
Шорох, дуновенье ветерка
От мышей летучих где-то в доме.
А вода, у мельницы вскипев,
Будит лес... И тихо, нараспев,
Юность вновь беседует со мною...
Жернов жизни крепкий и простой
Крутится... Не скажешь «О, постой!»
Ничему, что движимо волною!

Перевела А. АДАЛИС

СУВОРОВСКИЙ РУБЛЬ

В. ГРУСЛАНОВ

О суворовском рубле я впервые услышал в госпитале в годы Великой Отечественной войны от раненого офицера В. П. Михайличенко, родом из села Тимановки, что в нескольких километрах от города Тульчина, Винницкой области. Узнав, что я собираю материалы о великом русском полководце А. В. Суворове, офицер сказал:

Никита Яковлевич Нагорянский.

— Приезжайте после войны к нам в Тимановку. У нас живы еще и те, кто по рассказам своих прадедов и дедов знает о походах Суворова.

И вот после войны, получив приглашение колхозников сельскохозяйственной артели имени А. В. Суворова из села Тимановки, я отправился на Украину узнать подробности истории суворовского рубля.

Мне удалось познакомиться с последним владельцем этой реликвии — 80-летним Никитой Яковлевичем Нагорянским, происходившим из рода, который за прошедшие полтора века участвовал чуть ли не во всех войнах. Тут я услыхал рассказ Нагорянского. Он говорил о событиях прошлого века так, будто сам был их свидетелем. Это и понятно. Из поколения в поколение передается быль о тех днях, когда А. В. Суворов приезжал в село Тимановку...

...Петро Нагорянский служил под командованием Румянцева и Суворова, участвовал в битвах с турками. Выйдя в отставку, он поселился в селе Тимановке, вблизи помещичьей усадьбы Потоцкого, и занялся столярным делом.

В 1796 году в село прибыл А. В. Суворов, в то время командовавший армией, штаб которой находился в городе Тульчине. На летние месяцы он расположил свои войска лагерем у речки Рудницы, на опушке древнего леса. Сам Суворов расположился со своим штабом в каменном доме, в том самом, где ныне открыт колхозный суворовский музей.

Петро Нагорянский, бывший гренадер, узнав о прибытии Александра Васильевича, под командованием которого он служил, почистил старый, поношенный мундир с боевыми наградами и отправился посмотреть на своего командира. Заметив подошедшего ветерана, Суворов подозвал его. Нагорянский доложил, где и когда служил, в каких походах участвовал. Суворов похвалил его и сказал:

— Ну, брат, иди домой. Скажи жинке, пусть готовит обед, наш, солдатский,— щи да кашу. Закончу занятия, приду к тебе в гости.

Взволнованный Петро прибежал домой и стал рассказывать жене о беседе с Суворовым:

— Фельдмаршал приказал ждать его в гости да сказал: готовить ему обед наш, солдатский.

Старуха засуетилась:

— Не будет фельдмаршал щи да кашу кушать. Надо господский обед готовить, а какой он есть, мне и неизвестно.

— Вари такой обед, какой просил фельдмаршал,— строго сказал старик.

С нетерпением ожидали прихода дорогого гостя. Приоделись и прибрались. По окончании занятий фельдмаршал в сопровождении нескольких офицеров спустился с горы и направился через балку к дому старого гренадера. Подошел к хате Нагорянского, увидел его жену, поклонился ей и тут же похвалил старого солдата:

— Герой твой старик! Бравый, храбрый! Вместе турок били шибко.

Стол был накрыт скромно: водка, щи да каша. Старушка сильно беспокоилась, не зная, как лучше угодить фельдмаршалу. Завязалась беседа. Суворов расспрашивал о жизни крестьян, особенно интересовался бывшими солдатами.

После обеда Суворов поблагодарил хозяев и, взяв у своего адъютанта рубль, передал его Петро:

— Прими, старый товарищ, не за обед, а на память от бывшего начальника.

Тепло попрощавшись с хозяевами, А. В. Суворов в сопровождении офицеров вышел на улицу. О посещении фельдмаршалом Суворовым хаты Петро Нагорянского узнали крестьяне всего села и ближайших деревень. С той поры старику оказывали особое внимание.

Как величайшую драгоценность хранил Петр Петрович Нагорянский подаренный Суворовым рубль и, умирая, наказывал сыну беречь этот дар фельдмаршала, передать его внукам.

В конце 40-х годов прошлого века боевой генерал, внук великого русского полководца, Александр Аркадьевич Суворов совершил поездку на юг, в места, где бывал его дед. Генерал объездил исторические поля, на которых его великий предок обучал своих «чудо-богатырей», и заехал в село Тимановку, остановившись у графа Потоцкого.

Спустя три дня в хату Феодосия Нагорянского, внука гренадера, пришел староста и приказал явиться к графу Потоцкому да захватить с собой родовые медали деда, а также и суворовский рубль.

Дом-музей А. В. Суворова в селе Тимановке.

Генерал узнал у Феодосия, в каком полку он служил — Нагорянский тоже был отставным солдатом,— а затем спросил:

— Правда ли, сказывают, что мой дед подарил твоему деду рубль?

— Так точно,— подтвердил Феодосий.

— Дорог тебе этот рубль?

— Очень дорог,— ответил Нагорянский.— Было тяжелое время, нужда прижимала, но никто в нашей семье не израсходовал суворовский рубль.

— Уступи мне его, хорошо заплачу! Деньги в хозяйстве пригодятся!

Нагорянский наотрез отказался:

— Никаких мне денег не надо. Уж как завещано навечно сохранить этот ценный подарок, так и буду хранить.

Никакие уговоры не подействовали на старика.

Тогда Суворов сказал:

— Прими и от меня на память серебряный рубль. А за то, что так бережно хранишь подарок деда, вот тебе еще 25 рублей ассигнациями на хозяйственные расходы.

Из поколения в поколение Нагорянских переходил суворовский рубль. Летом 1900 года к младшему садовнику графского поместья Никите Нагорянскому подошел старший садовник и спросил:

— Скажи, Никита, цел ли у тебя суворовский рубль? Старики рассказывают о твоем прадеде: герой был, богатырь!

— Да! Род наш крепкий, боевой. И сейчас храним боевые награды и суворовский рубль. Как-нибудь покажу его. Рубль этот дорог нам как память, но счастья он не дал. Не разбогатели мы. Так горбы свои и гнули на барщине, как я сейчас на работе гну.

На следующий день старший садовник приказал Никите явиться к барину с суворовским рублем.

В зале было много гостей. Граф внимательно рассматривал боевые награды Нагорянских и суворовский рубль. Помещик убеждал садовника отдать ему этот рубль, обещая хорошо уплатить за него. Но Никита решительно отказался.

В 1918 году враги Советской республики приближались к селу Тимановке. Сын Никиты Яковлевича Нагорянского Иван вступил в комсомол и ушел на фронт. Отцу, активному общественнику, оставаться в селе было опасно — надо скорее эвакуироваться. Собрав наиболее ценное имущество и семейные реликвии, Никита Яковлевич запрятал их в нескольких местах усадьбы.

Когда Нагорянский снова вернулся в родное село, то часть запрятанного отыскал, а боевые награды предков и суворовский рубль пропали.

Кончилась гражданская война. Вместе со всей страной восстановили свое хозяйство и украинские крестьяне. В селе Тимановке организовали колхоз. Н. Я. Нагорянский был среди первых членов колхоза. Садовод много потрудился над созданием колхозного сада. Никита Яковлевич вырастил свыше 20 тысяч фруктовых деревьев. Страстный мичуринец, он вывел десятки новых пород плодово-ягодных кустарников и деревьев. Сад частично раскинулся и на территории его прежней усадьбы.

В свободное время потомок суворовского гренадера брал заступ и копал то там, то здесь, надеясь разыскать дорогую семейную реликвию. Поиски не дали результатов. Но старик не отчаивался. Вместе с ним поисками суворовского рубля занялись молодые колхозники и сыновья Нагорянского, вернувшиеся после Великой Отечественной войны в отпуск домой. Колхозники сельскохозяйственной артели, носящей имя А. В. Суворова, считали делом своей чести разыскать знаменитый рубль.

И вот весной 1952 года с Украины, из села Тимановки, в Ленинград пришло письмо. Отправитель — Никита Яковлевич Нагорянский. С волнением я вскрыл конверт. Старик с гордостью и радостью сообщал:

«Суворовский рубль найден. Да не только рубль, но и другие памятные вещи, хранившиеся у нас».

На заседании Ученого совета колхозного суворовского музея председатель колхоза Ф. А. Желюк горячо поздравил Никиту Яковлевича Нагорянского с его находкой. А в заключение сказал:

— От имени всех колхозников благодарю вас, Никита Яковлевич, за то, что согласились передать драгоценные реликвии в колхозный суворовский музей.

Розарий Ботанического сада

Главный ботанический сад Академии наук СССР готовится к предстоящему совещанию работников ботанических садов, на которое ожидается приезд 250 человек со всех концов Союза. Среди многих участков сада, где ботаники смогут ознакомиться с интересными опытами, обращает на себя внимание розарий. Он поражает множеством окрасок, различными формами кустов, разнообразием сортов. Эти розы украсят вскоре столицу и великие стройки.

В розарии ведет научную работу коллектив сотрудников под руководством И. И. Штанько.

На снимке: И. И. Штанько в розарии Главного ботанического сада.

Фото Г. Санько

«У семи богатырей»

В тот год, когда началась проходка самых трудных, горных участков дороги, старый взрывник Прокопий Фомич Снарский, чтобы не прерывать работ, решил зазимовать со своей бригадой на высоте чуть ли не в две тысячи метров. В практике начальника участка таких зимовок не было; поэтому он поручил технику, едущему по трассе, еще раз разузнать, не нужно ли чего взрывникам: зимой начнутся обвалы, к ним не пробершься.

Снарский попросил прислать кладовщика. И вот старый конь Форд, нагруженный ящиками с клеймом «Взрыв», снова — уже по снегу — поднялся в горы. Его вела в поводу девушка, похожая на пятнадцатилетнего мальчишку,— кладовщица Клава.

О веселом и опасном труде взрывников, о строгом, заботливом дяде Прокопе и его жене Насте, о любви будущего инженера Павла Залетова и Клавы написан светлый, чистый, веселый рассказ «У семи богатырей». Так названа и вся книга — первая книга молодого писателя Вл. Дудинцева.

Герои Вл. Дудинцева молоды, юность их еще не прошла. Да и пройдет ли она когда-нибудь? Разве не молод старый механик Панкратий Савельевич (из рассказа «Лыжный след»), который тревожится о судьбе чужой любви, помня, как может повредить не окрепшему еще чувству пустая сплетня? Разве не молод дядя Прокоп, который каждый взрыв в горах, произведенный его учениками, слушает, как свой первый взрыв, с восторгом и гордостью?

Но молодость героев Вл. Дудинцева обогащена опытом зрелости. Безусые или седые, все они воодушевлены высокими идеями; его герои знают, во имя чего живут, любят свой творческий труд.

Всегда радостно видеть зарождение большого, хорошего чувства. Но не потому ли еще так бережно, сочувственно относится к Павлу и Клаве дядя Прокоп, что, полюбив друг друга, ни на минуту не забывают они, для чего посланы в горы?

Механик Панкратий Савельевич тоже горячо любит свою профессию. Скрепя сердце старик предлагал однажды ученику своему, молодому талантливому механику-универсалу Леше, сменить «незаметную» работу в МТС, пересесть на комбайн да и утереть нос сопернику — комбайнеру, имя которого по всей округе гремит.

Может быть, и не помешала бы такая, быстро и честно добытая слава Леше в его отношениях с молоденькой учительницей Катериной Матвеевной. Но, даже зная это, Леша не отказался от своей специальности. И с какой гордостью говорит о нем Панкратий Савельевич: «Этот нашему делу не изменит!..»

Той же страстью творческого труда, обогащающей человека, охвачен и Тимофей в рассказе «Дуся и Тимофей» и пришедший на стройку колхозник Бейшеке Тончулуков («Батыр»). Всем им свойственны глубокие чувства, радость дерзаний и свершений; вот почему и личное счастье их — о любви много и хорошо рассказано в книге — так дорого и друзьям их и читателям.

В самой жизни значительное, даже трагическое переплетается со смешным. Поэтому в глубоко лирическом рассказе «Встреча с березой» совершенно уместен злобный кот, обладатель латунной жаровни с песком. Вернувшись с войны, идет человек к знакомым, радуется, увидев на прежнем месте в прихожей старого кота и жаровню его, и только потом узнает: хозяева-то у кота новые.

Автор хорошо пишет пейзаж, будь то привычная, обжитая аллея московского парка, гранитные массивы, поросшие лишаями и плесенью, или суровая белизна снежных хребтов, сияния которой не выдерживают глаза человека.

Герои Вл. Дудинцева любят природу по-хозяйски, покоряя и преобразовывая ее. Недаром пять из одиннадцати рассказов сборника знакомят читателя с увлекательным трудом и бытом взрывников, которые первыми прокладывают пути строителям новых дорог. «По моим дорогам вон сколько народу ездит. Полстраны!» — с гордостью говорит ученикам бригадир Прокопий Фомич.

Первая книга Вл. Дудинцева отмечена печатью не только таланта, но и мастерства, что особенно радует в молодом писателе. Он пишет лаконично, сжато, в повествовании его нет длиннот, раздражающих читателя в любом произведении и совершенно недопустимых в рассказе. Вл. Дудинцев легко, естественно, с хорошим юмором ведет повествование от первого лица, одинаково свободно использует короткую, динамичную фразу и пространное, разветвленное предложение. Привлекает точность его сравнений и эпитетов: дикобраз похож на вязанку хвороста, смирный от старости конь и с места-то трогается незаметно, тихо, как будто у него ослабли тормоза...

Вл. Дудинцев — умелый рассказчик. Именно поэтому он обязан относиться к себе с большой требовательностью, ибо только снисходительным к самому себе отношением можно объяснить включение в хорошую книгу серого, неинтересного рассказа «Двадцать гектаров».

Почти все рассказы Вл. Дудинцева сюжетны и богаты отлично найденными деталями. Но об одной опасности необходимо молодому автору помнить: даже отличная деталь радует читателя лишь при первой встрече с нею. Очень хорошо, когда в рассказе «Батыр» в юрту Бейшеке каждый час заглядывает свет автомобильных фар. Но жаль, что в рассказе «Дуся и Тимофей» тот же свет через каждые полчаса заглядывает в окно Дуси.

И не только в деталях встречаются повторы у Вл. Дудинцева. Очень хороши каждый в отдельности дядя Прокоп, дядя Панкрат, бригадир первой печи Степан Абакумович из рассказа «В ночной смене». Но, собравшись под одной обложкой, они удивительно, как близнецы, напоминают друг друга не только характером, манерой держаться, но даже внешностью.

Так и кажется: появись еще один старик в сборнике, не читая, можно будет представить себе и поступки его и внешний облик — невысокий, щупленький, сутуловат, курит.

Евг. ЛЕВАКОВСКАЯ

Владимир Дудинцев. **У семи богатырей.** Рассказы. «Советский писатель». М. 1952. 243 стр.

«Под ясным солнцем»

Если взрослый, читая стихи, адресованные малышам, находит в них подлинно поэтичный рассказ о нашей современности, это вызывает у него интерес к книге, внушает доверие и уважение к автору.

Именно такое отношение к себе вызывают произведения, вошедшие в сборник избранных стихотворений и поэм украинской писательницы Наталии Забилы — «Под ясным солнцем». Переводчики, особенно З. Александрова, сумели донести до русского читателя лучшие черты поэзии Наталии Забилы — лиризм, тонкое восприятие природы, напевность стиха, мягкий юмор.

Солнце и дождь, деревья и цветы, домашние животные, птицы — все привлекает внимание ребенка, наводит на первые размышления, вызывает бесчисленные вопросы. Превратить этот еще безотчетный интерес в интерес сознательный, развить в детях пытливость, привить им любовь к родному краю, воспитать в них чувство прекрасного — задача, требующая от писателя ума, таланта и знания детской души.

Одно из лучших произведений Наталии Забилы — поэма «Прогулка в лес». От традиционного леса народных сказок, где «звери собираются в свой терем-теремок»,— от этого сказочного леса, знакомого ребенку с самого раннего детства, поэтесса ведет своих маленьких героев в настоящий, реальный лес — величественный, влекущий к себе и немного пугающий своей таинственностью:

А лес большой, дремучий,
Кустарник там колючий:
Попробуй-ка пройти —
Дороги не найти.

Кусты начнут колоться —
Никто не проберется.
Аукнешь — отзовется
Лишь эхо на пути.

Поэтический рассказ о красоте серебряной ивы, о тонкой осине, что «боязливо трепещет на ветру», о воображаемом споре дуба и сосны — все это влияет на фантазию ребенка, оставляет в его памяти яркую картину жизни леса.

С юмором, с доброй улыбкой описывает Н. Забила встречу детей с лесными обитателями — белкой, ежом, зайцем,— которые как бы задорно поддразнивают ребят:

И вдруг на соснах редких
Ветвями белка — хрусь!
На ветку скачет с ветки:
—А я вас не боюсь!

В лирические строфы поэмы, передающие очарование лесного пейзажа, Н. Забила органически вводит патриотическую тему. Встретив в лесу заброшенный противотанковый ров, дети с благодарностью думают о защитниках Родины:

Мы посидим тихонечко
Здесь в зелени густой
И вспомним наших
воинов,
Что шли бесстрашно
в бой...

Тема Родины занимает ведущее место в творчестве писательницы. Она звучит во всех разделах книги; ей посвящены поэма «Повесть об Октябре» и большой цикл стихотворений «Наша Родина».

«Лучшая на свете» — так названо первое стихотворение этого цикла; в нем прославляется «непобедимая страна, советская держава». Н. Забила ведет своего читателя к Белому морю, где «синий лед сверкает под луною» и «олени северных ребят на санках в школу возят». Затем она переносит его туда, где «под солнцем созревает чай» и «виноград свисает с лоз... растет герань и поле роз цветет у горных склонов». Рисуя картины суровой тайги и выжженной пустыни, поэтесса рассказывает о созидательном труде советских людей, преобразующих природу:

И где тайга была всегда,
Там нашими трудами
Встают большие города
С фруктовыми садами.
. . . .

Неутомимы и сильны
В работе наши люди,
И каждый уголок страны
Цветущим садом будет!

Путешествуя с автором по просторам нашей Родины, дети узнают, где растет хлопок и что из него получается, как добывают каменный уголь и железную руду, как рождается электрический ток.

Жаль только, что рядом с увлекательным рассказом о трудовой жизни страны подчас встречаются вялые описания, беглые зарисовки, невыразительные строки. Особенно жаль потому, что Наталия Забила — опытный мастер и талантливый поэт.

М. ЭФРОС

Наталия Забила. **Под ясным солнцем.** Избранные стихи и поэмы. Детгиз. М.-Л. 1951. 151 стр.

Коротко о книгах

Издаваемая Академией наук СССР уже несколько лет серия «Литературные памятники» насчитывает ныне около тридцати выпусков, отвечающих строгим требованиям научных изданий; текст каждого памятника снабжен подробными комментариями и обстоятельными вводными статьями.

Из выпусков, посвященных памятникам отечественной литературы, можно назвать такие издания, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Воинские повести древней Руси», «Послания Ивана Грозного». В серии вышли также литературные памятники античности (Цезарь, Цицерон, Плиний-младший, Катон), древнего и средневекового Востока («Махабхарата», «Насет-Намэ»).

Выпуском «Рассуждения о добровольном рабстве» ла Боэси начинается издание западноевропейских литературных памятников. Это сочинение, написанное французским гуманистом XVI века, пользуется в мировой литературе славой одного из лучших памфлетов против абсолютизма. Оно положило начало замечательной литературе, бичующей тиранию. На протяжении веков «Рассуждение о добровольном рабстве» не перестает привлекать к себе внимание писателей-мыслителей. Л. Н. Толстой перевел значительную часть сочинения ла Боэси, имея в виду ознакомить широкие читательские массы с этим замечательным памятником в задуманном им издании «Круг чтения».

* * *

Огромный интерес нашего народа к культурному прошлому человечества вызвал к жизни одну из самых замечательных серий книг, выпускаемых Академией наук, — «Классики науки». Перевод, комментарии и вводные статьи поручаются наиболее компетентным ученым, имеющим собственные заслуги в той области науки, которой занимался издаваемый классик.

За последние три — четыре года напечатано несколько десятков томов работ, заложивших фундамент современной науки. Наряду с произведениями русских ученых в серию одним из первых были включены «Экспериментальные исследования по электричеству» Фарадея. В напечатанных двух томах собраны важнейшие исследования, легшие в основу электромеханики и электрохимии.

В отличие от зарубежных изданий трудов Фарадея советское издание снабжено ценными приложениями, значительно облегчающими читателю пользование этим исключительно сложным научным памятником, созданным более ста лет назад, когда учение об электричестве и магнетизме переживало начальный этап своего развития, когда не было даже установлено основной терминологии.

Любопытно вспомнить, что произведения Ньютона, прокомментированные А. Н. Крыловым и С. И. Вавиловым, были изданы также на значительно более высоком уровне, чем в самой Англии.

Заведующий секцией виноградарства Среднеазиатской станции Всесоюзного института растениеводства лауреат Сталинской премии М. С. Журавель.

Новый сорт винограда «Победа», за создание которого М. С. Журавель присуждена Сталинская премия.

Фото Б. Кудоярова

На колхозных и совхозных плантациях Крыма в июне бывает в полном разгаре сбор лепестков розы — ценнейшей эфиромасличной культуры. В эту пору на заводы ежедневно поступают тонны драгоценного сырья, из которого вырабатывается эфирное масло, широко применяемое в парфюмерной и пищевой промышленности.

На снимке: лучшая сборщица зуйского совхоза-завода «Крымская роза» Р. Е. Дударь собирает лепестки красной розы.

Фото К. Матвеенко

АРХИТЕКТУРА СВОБОДНОГО НАРОДА

С. Е. ЧЕРНЫШЕВ,
вице-президент Академии архитектуры СССР

На живописном Трансильванском плоскогорье, изрезанном горными цепями и речными долинами, раскинулся один из крупнейших промышленных центров новой Румынии — город Сталин.

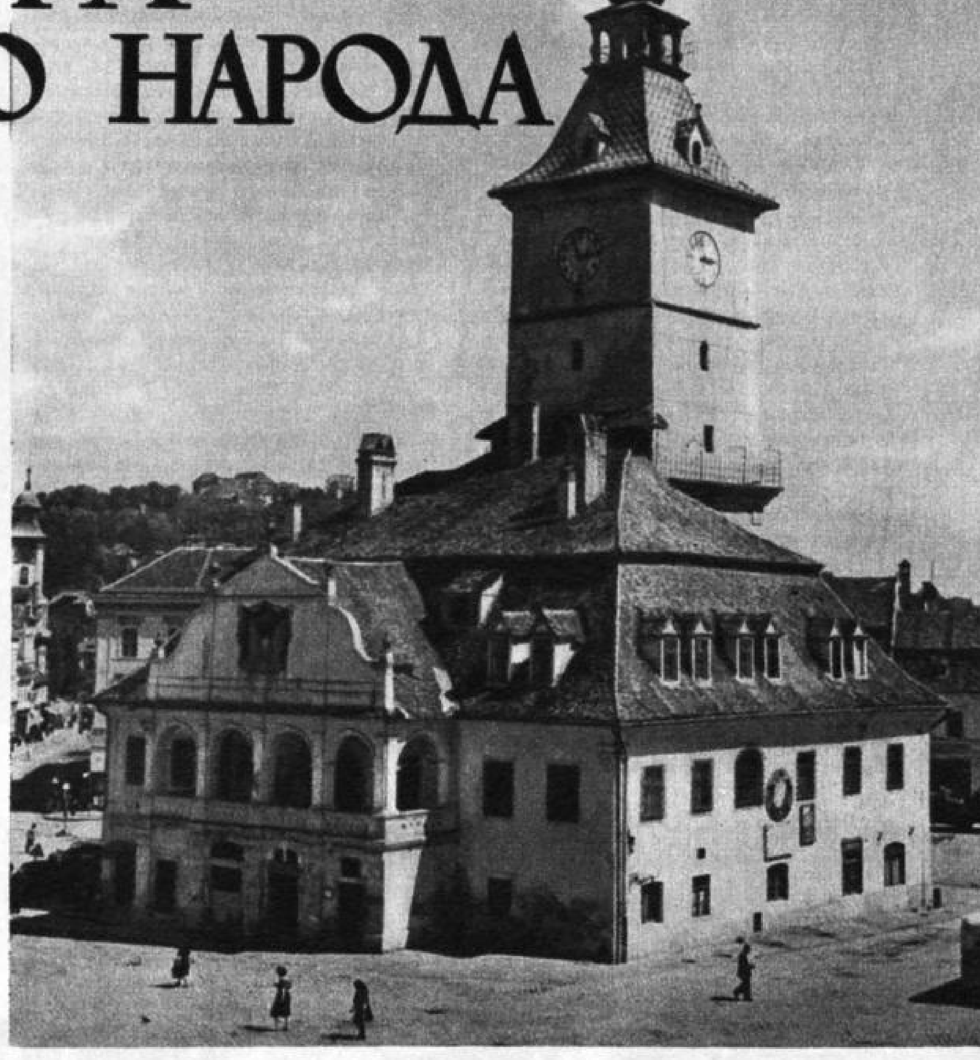
Это великое имя было присвоено два года назад по единодушной просьбе жителей одному из старейших городов республики, история которого насчитывает несколько сот лет. Впрочем, о старом Брашове (так ранее назывался город Сталин) сегодня говорят, пожалуй, лишь замечательные архитектурные памятники — ценнейшие образцы румынского национального зодчества.

Рядом с памятником древней архитектуры, так называемой Черной церковью, построенной в 1380 году и отличающейся строгостью и монументальностью форм, расположена церковь Варфоломея — еще более древнее сооружение, относящееся к началу XIII века. На одной из улиц города возвышается старинное здание ратуши, построенное в XV—XVI веках, с арками и башней, на которой установлены часы. И рядом с образцами старой национальной архитектуры выросло множество новых зданий. Город Сталин все время расширяется, строится. На одной из улиц, недавно возникших в городе, высятся благоустроенные жилые дома, созданные в едином, простом и строгом стиле; дома эти принадлежат рабочим завода «Красное знамя». В ближайшее время в городе начинается сооружение монументального здания Института механики — это будет характерный образец нового румынского зодчества, представляющий собой стройный комплекс, в который входят учебный корпус, общежития, лаборатории и даже театр. Недалеко от города Сталин создается «Город учеников» — крупный учебный центр новой Румынии.

Сложен и многообразен путь, пройденный почти за две тысячи лет румынской архитектурой.

Об этом наглядно говорит замечательная выставка архитектуры Румынской Народной Республики, развернутая в Центральном доме архитектора в Москве и ныне демонстрирующаяся в Ленинграде и Киеве. На выставке представлено свыше 500 фотографий памятников румынского зодчества, проектов и макетов новых зданий, раскрывающих богатства архитектурного искусства румынского народа.

Здание Музея народного искусства в Бухаресте. Архитектор — Н. Гика-Будешть.

Старая ратуша в городе Сталин. Построена в XV—XVI веках. Реставрирована в 1777 году.

Древнейшие памятники архитектуры, сохранившиеся на территории Румынской Народной Республики, относятся к I веку до нашей эры. В этот период — период римского владычества, полный бедствий для народностей, населявших территорию нынешней Румынии, — талантливые народные мастера создали своеобразные образцы зодчества. Таковы дакийская крепость, остатки которой сохранились в Пятра Рошие (область Хунедоара), дакийское поселение в Грэдиштя Мунчелулуй. Большую историческую ценность представляют развалины амфитеатра древнего цирка (I век нашей эры) недалеко от Констанцы.

Знаменательно, что уже эти первые памятники древнего зодчества, внимательно изучаемые историками и искусствоведами Румынии, говорят о совместном существовании румынского населения и наших далеких предков — славян. Таковы, например, остатки славянских поселений в области Муреш и в Галаце, относящиеся к IX—XII столетиям. Эти древние памятники — драгоценное доказательство глубокой исторической основы дружбы и сотрудничества между румынским и русским народами.

Выдаются архитектурные памятники Румынии периода феодализма. Это было особенно мрачное время в истории Румынии: с него началось многовековое турецкое иго. Румынский народ всегда помнит, что от турецкого владычества освободили его русские люди. Но и в эти столетия создавались ценнейшие памятники зодчества, отличающиеся гармоничностью пропорций, красотой деталей, стройностью архитектурных форм. В Сибиу, Бистрице и других местах (главным образом в Трансильвании) сохранились до наших дней образцы старинного румынского зодчества, в том числе стены и башни древних крепостей, обрамляющие кольцом различные архитектурные сооружения. Многие из этих памятников носят следы византийского зодчества, другие (главным образом церкви и соборы) — черты романско-готической архитектуры, но рядом с ними создавались замечательные памятники подлинно национального зодчества. Такие сооружения, как монастырь Драгомирна (конец XVI века), носят на себе явное влияние славянской, и в том числе русской, архитектуры. Проявилось это и в общей архитектурной композиции и в отдельных деталях.

Народные мастера создавали из дерева, кирпича и камня прекрасные архитектурные ансамбли, применяя в них оригинальные системы сводов с наклонными арками, широко используя в облицовке керамику, а также фрески и многие другие украшения.

В числе сохранившихся старинных образцов румынской архитектуры церковь Трех Иерархов в Яссах. Эта церковь, построенная в 1639 году целиком из камня, представляет собой один из наиболее ценных образцов зодчества Молдовы.

Один из интересных разделов

румынского национального зодчества — архитектура крестьянских домов. Даже в самых небольших селах встречаются дома, в которых руками искусных народных мастеров созданы оригинальные обрамления дверей и окон, расписные потолки и фасады, резные ворота и столбы, представляющие подлинные произведения искусства.

Последнее столетие истории румынской архитектуры связано с проникновением в нее антиреалистических иностранных влияний. Архитектура многих сооружений конца XIX — начала XX века носит следы формалистического буржуазного искусства, насаждавшегося тогдашними хозяевами Румынии — французскими и английскими капиталистами. Однако талантливые румынские зодчие И. Минку, Г. Черкез, П. Антонеску в ряде проектов зданий в Бухаресте сумели преодолеть формалистические влияния.

Подлинный расцвет румынского зодчества наступил после того знаменательного дня, когда советские войска освободили Румынию от гитлеровского ига. Новая жизнь свободного румынского народа нашла яркое отражение и в его архитектуре, ставшей на службу интересам своей страны. В городах и селах народной республики развернулось огромное строительство. Уже в первой пятилетке на строительные работы была ассигнована доселе невиданная сумма — 520 миллиардов лей.

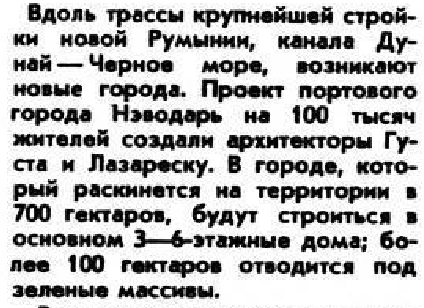
Румынские архитекторы, как это хорошо видно из проектов зданий, представленных на выставке, стремятся идти по тому же пути, что и советские зодчие,— по пути создания реалистического, подлинно народного искусства.

Одна из крупнейших строек — высотный дом газеты и издательства «Скынтейя». К основной четырнадцатиэтажной части здания (авторы проекта — архитекторы Х. Майку и Н. Бодеску) примыкают боковые шестиэтажные крылья, увенчанные башнями. В этом гигантском полиграфическом комбинате, отличающемся исключительной стройностью композиции, будет печататься 98% всех изданий, выходящих в стране.

Лучшие черты национальной архитектуры запечатлены и в проектах других новых сооружений в румынской столице — Музыкального театра, Дома радио, Университетского центра, в который войдут институты энергетики, метеорологический и другие научные учреждения. Недалеко от Бухареста два года назад началась стройка государственного киноцентра. Общий объем всех его сооружений — 430 тысяч кубометров. Киноцентр рассчитан на ежегодный выпуск 42 художественных и документальных фильмов.

Новые жилые дома для рабочих завода «Красное знамя» в городе Сталин.

Вдоль трассы крупнейшей стройки новой Румынии, канала Дунай — Черное море, возникают новые города. Проект портового города Нэводарь на 100 тысяч жителей создали архитекторы Густа и Лазареску. В городе, который раскинется на территории в 700 гектаров, будут строиться в основном 3—6-этажные дома; более 100 гектаров отводится под зеленые массивы.

Румынские архитекторы создали оригинальные проекты новых шахтерских городов, например, Петрошани. Вышедшие из архитектурных мастерских типовые проекты многоквартирных домов в городах Петриле, Тохань свидетельствуют о больших успехах, достигнутых румынскими зодчими в решении важнейших вопросов правильной планировки и застройки городов.

Подлинным памятником новой жизни румынского народа будет архитектурный комплекс крупнейшей в стране гидроэлектростанции имени В. И. Ленина, строящейся на реке Бистрице (авторы проекта здания — Н. Неделеску и Т. Елиан). Удачно разрешенная композиция позволяет создать поистине монументальное сооружение.

Румынские зодчие плодотворно продолжают и лучшие традиции сельской архитектуры — об этом свидетельствует проект зданий коллективного сельского хозяйства «Ленинское знамя». Во всех этих случаях румынские архитекторы успешно используют традиции и опыт советского зодчества. Многие из них побывали в Советском Союзе, ознакомились с работой наших архитекторов.

Старинная румынская пословица говорит: «Хороша страна, да устройство плохое». Новые времена принесли новые пословицы. Сейчас румынский народ говорит: «Хороша страна, и чудесна в ней новая жизнь». Лучшие произведения талантливых зодчих Румынской Народной Республики отражают присущими им средствами эту новую жизнь свободного румынского народа, уверенно идущего по социалистическому пути.

Здание средней школы в Плоешти.

Спортивный стадион в Бухаресте.

Мастера и ученики

Склонившись над столом, мастер точным движением стального резца снимает тонкую стружку с куска мамонтовой кости. Постепенно кость в умелых руках начинает оживать: сначала вырисовывается оленья голова, потом круто закинутые на спину ветвистые рога животного. Еще неделя упорного, кропотливого труда — и олень, как живой, предстанет перед зрителем. Пройдут еще дни, и вы увидите рядом с оленем нарту и седока — всю несложную, но удивительно правдивую и естественную композицию.

Не одно поколение мастеров резьбы по кости и серебру работает сейчас в Якутии.

...Мастерская одного из старейших мастеров — Ивана Федоровича Мамаева. Пятидесятипятилетний художник увлеченно трудится над групповым портретом семи якутских колхозников, удостоенных звания Героя Социалистического Труда. Это — своеобразное резное панно, хотя размер его не превышает 25 на 30 сантиметров.

Мастерская костереза заставлена различными инструментами. Художник сам обрабатывает металл, кость, дерево, кожу.

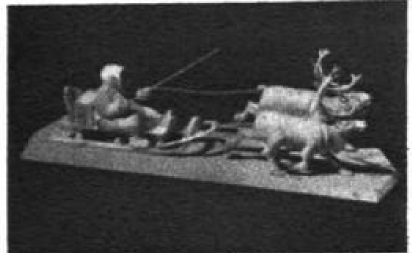
— Не подумайте, что это все так уж нужно для костереза,— смеется мастер.— Просто старая привычка мастерового: ведь я с детства по найму работал. До революции много лет был я батраком у купцов, и тогда я все мог делать, но даже имени моего никто не знал. Так и звали: работник Санникова, работник Петрова. Как же изменилась моя жизнь с революцией!

Мамаев не только художник, но и опытный педагог. Он руководит отделением Якутского музыкально-художественного училища.

В. АКШИНСКИЙ

Якутск.

Образцы резьбы по кости якутских костерезов. Сверху вниз: «Якутвоин» — автор А. В. Федоров, «Оленья упряжка» — автор В. П. Попов, «На праздник» — автор Д. Н. Ильин, «Лежащая корова» — автор Н. В. Неустроев.

Фото Я. Рюмкина

ПОЭЗИЯ ЗНАНИЯ

Озеро Байкал. Видовой фильм «Славное море».

Миллионы зрителей в нашей стране и за ее пределами с интересом смотрят советские научно-популярные фильмы. Четыре киностудии — в Москве, Ленинграде, Киеве и Свердловске — из года в год выпускают десятки таких кинокартин. И когда на экране кинотеатра появляется марка киностудии научно-популярных фильмов, зритель знает: предстоит увлекательный рассказ об успехах советской науки, техники, культуры.

От первых всходов пшеницы до зрелого, тяжелого колоса проходит немало времени, и каждая стадия этого сложного процесса издавна интересовала людей. Но только с помощью кинематографа, путем замедленной съемки, оказалось возможным запечатлеть и объяснить все фазы развития растений.

Зритель становится свидетелем чудесных превращений: он видит на экране, как голая ветка покрывается почками, как они набухают и распускаются, как постепенно зеленеют листья. То, на что жизнь требует долгих месяцев, в кино занимает минуты.

Пуля проносится в пространстве и пробивает мишень. По каким невидимым путям движется она в воздухе? Стремительный горный поток размывает плотину. Как в каждую секунду изменяется она под напором воды? На эти вопросы помогает ответить ускоренная киносъемка. Здесь пленка мчится со скоростью курьерского поезда — до полутора тысяч кадров-снимков в секунду,— и невидимый мир огромных скоростей становится доступным зрению человека.

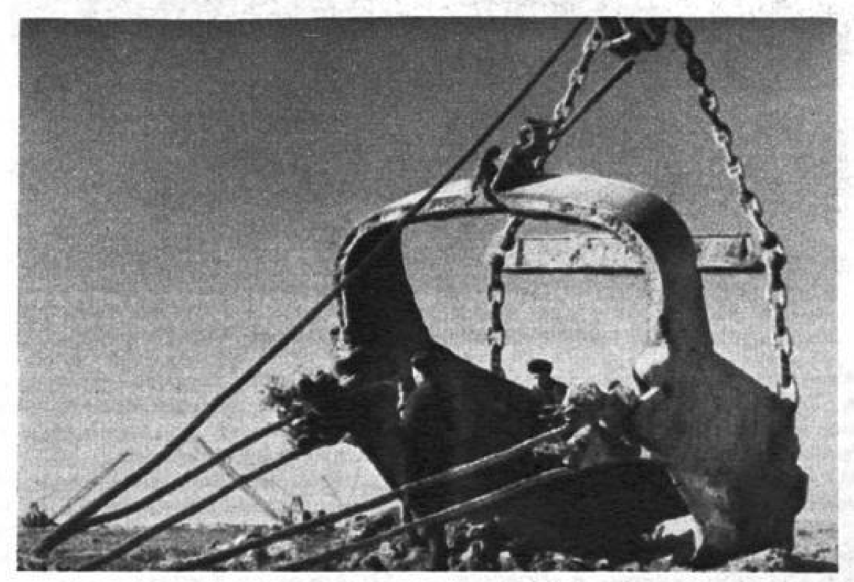
«Два специфических, только кинематографу свойственных качества сделали его совершенно незаменимым средством точного исследования во многих областях науки и техники,— писал академик А. И. Опарин.— Одно из этих качеств — способность фотографировать движение, другое — возможность во много раз ускорять или замедлять фиксируемый на пленку процесс».

Сочетание киноаппарата с микроскопом дает возможность наблюдать зарождение и развитие бактерий. Огромными, увеличенными во много раз появляются они на экране.

Пучины морей и океанов долгое время оставались загадкой для людей. Только немногим естествоиспытателям сквозь стекла скафандров открывался этот таинственный мир. В специальных камерах спускаясь на большие глубины, кинооператоры запечатлели жизнь подводных обитателей в естественных условиях.

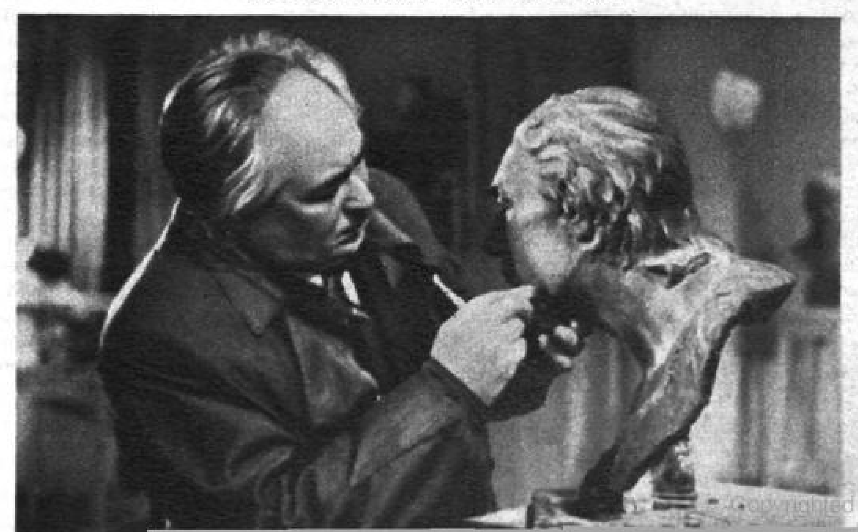
Все эти волшебные свойства кинообъектива делают кинематографию в руках советских киноработников одним из самых могучих средств пропаганды научных знаний.

Сотни фильмов созданы нашей научно-популярной кинематографией. Многие из них вошли в золотой фонд советского киноискусства. Среди них — «Повесть о жизни растений» (режиссер М. Каростин), «В песках Средней

Ковш экскаватора ЭШ-14/65. Киножурнал «Наука и техника».

Лауреат Сталинской премии М. М. Герасимов восстанавливает портрет древнескифского царя Скилура.

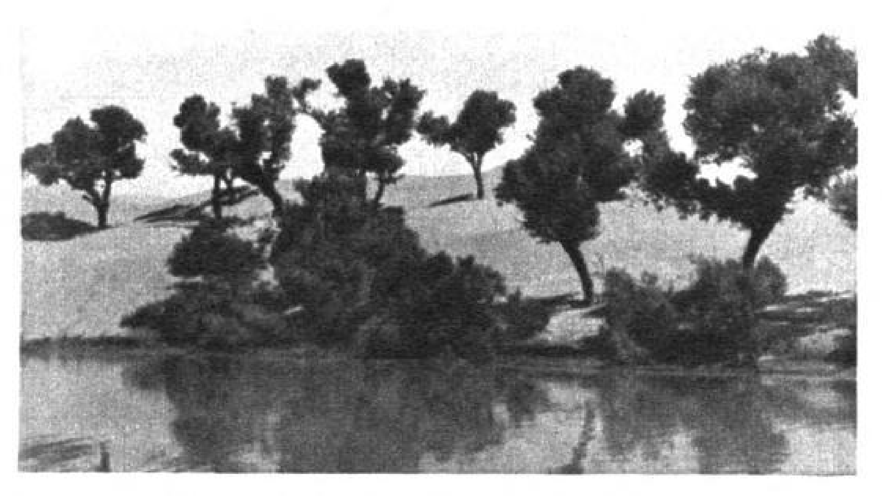

«Малый театр и его мастера». Спектакль «Доходное место». Сцена в трактире. В роли Юсова (в центре) народный артист СССР И. Ильинский.

Автор метода звуковой рентгенологии врач И. И. Савченков. Киножурнал «Наука и техника».

Кадр из видового фильма «От Арала до Каспия».

Азии» и «Лесная быль» (режиссер А. Згуриди), «Закон великой любви» и «История одного кольца» (режиссер Б. Долин), «Мастера МХАТ» и «Искусство актера» (режиссер В. Юренев).

Велико значение и научно-популярной кинопериодики — журналов «Наука и техника» и «Новости сельского хозяйства». Из номера в номер они знакомят зрителя с новейшими достижениями советских ученых и новаторов индустрии и сельского хозяйства. Здесь можно узнать о методах работы знатных токарей Жандаровой и Агафоновой, бригадира тракторной бригады Бунеева, наблюдать за работой ученого-скульптора М. М. Герасимова, проследить за опытами по диагностике опухолей мозга, ознакомиться с принципами действия машин Леонардо да Винчи. В научных киножурналах находят отражение вопросы биологии растений, их гибридизации и акклиматизации, создания новых пород в животноводстве, открытия в области звуковой рентгенологии, позволяющие производить одновременное просвечивание и прослушивание больных.

Совсем недавно выпущены на экраны фильмы «Вселенная», «Малый театр и его мастера», «Первые крылья», «Повесть об охоте», «От Арала до Каспия».

Зритель, смотря фильм «Вселенная» (режиссеры П. Клушанцев и Н. Лещенко), совершает увлекательный полет к далеким звездным мирам, знакомится с наукой о жизни небесных тел, с новейшими объяснениями истории возникновения солнечной системы. Этот фильм признан лучшим научным кинопроизведением на закончившемся недавно VII Международном кинофестивале в Карловых Варах.

В научно-публицистическом кинопроизведении «Первые крылья» (режиссер А. Гендельштейн) показаны основные этапы развития авиации, приводятся неопровержимые доказательства приоритета А. Ф. Можайского в создании самолета.

Целая серия фильмов посвящена природе родной страны, необычайному разнообразию ее географических и климатических зон. Самые отдаленные уголки нашей Родины — неприступные вершины Памира и вечная мерзлота полуострова Таймыр, пески Кара-Кумов и гейзеры Камчатки — запечатлены на кинопленку.

Фильм «От Арала до Каспия» (режиссер Н. Тихонов) удачно продолжает эту серию видовых кинокартин. Красочно, живо рассказывает он об огромных просторах пустынь, расположенных вдоль трассы строящегося Главного Туркменского канала, о титанической деятельности советского человека — преобразователя природы.

Безусловно интересное явление в научно-популярной кинематографии — «Повесть об охоте», поставленная режиссерами-операторами А. и Е. Алексеевыми. Широта русских просторов, красота и богатство наших лесов, все времена года представлены в этом фильме. Советский человек, смелый, выносливый, упорный в достижении цели, не только охотится, но и постоянно заботится о восстановлении и увеличении фауны — такова основная тема этого поэтического произведения.

Выдающиеся памятники зодчества, творчество великих художников, достояние художественных музеев также стали «съемочным объектом» для работников научно-популярной кинематографии. Фильмы «Репин», «Левитан», «Федотов» и недавно законченные производством «Крамской», «В. Васнецов», «Верещагин» воспроизводят в цвете величайшие произведения живописи, дают представление о творческом процессе художника.

Широкой популярностью пользуются кинокартины, посвященные театральным спектаклям с участием выдающихся русских актеров. Много лет не сходят с экрана документальные ленты, запечатлевшие творчество корифеев мировой сцены — Станиславского и Немировича-Данченко, Москвина, Качалова, Тарханова.

Создатели фильма «Малый театр и его мастера» (режиссер А. Разумный) продолжили эту плодотворную линию научно-популярной кинематографии. Запечатлев отрывки из спектаклей Малого театра с участием Турчаниновой, Рыжовой, Пашенной, Ильинского и других мастеров сцены, фильм делает их замечательное искусство достоянием многих миллионов зрителей.

Безграничны возможности и широка тематика научно-популярной кинематографии. Чудесные вещи скрываются в круглых плоских металлических коробках, поступающих в киностудии: широкие плавные реки и загадочные глубины морей, черные фонтаны нефти и голубоватый пламень самородков платины, сложнейшие хирургические операции и биография зернышка пшеницы. В одной коробке шумит тайга, в другой цветут сады, в третьей грохочет океанский прибой. В каждой представлены самые разнообразные отрасли научных знаний, но все эти фильмы роднит одна общая черта: они полны замечательной поэзии, поэзии знания.

Л. БЕЛОКУРОВ

Вологодские кружева

Вечер. Окончены все колхозные работы. На просторы вологодских полей, на дремучие леса, на лесные озера и реки легла тишина. Вспыхивает электрический свет в колхозных домах.

Зайдите в этот час в любой деревенский дом. Еще не успев переступить порога, услышите вы характерный, звонкий перещелк отполированных кленовых палочек — коклюшек.

Руки мастериц быстро перебирают их, и нити послушно ложатся в красивый сложный узор.

Кружева в Вологодской области плетут и пожилые женщины, и девушки, и школьницы.

Издревле славится Вологодская область кружевами. Но еще не так давно это замечательное ремесло не выходило за рамки кустарщины. Теперь производство вологодских кружев поставлено на научную основу.

Кружевницы-надомницы объединены в артели. Таких артелей в Вологодской области тридцать пять. При четырнадцати из них организованы кружевные мастерские. Одной из крупнейших и лучших мастерских является мастерская в городе Вологде. Здесь имеется художественная лаборатория, где изучаются уже существующие узоры и создаются новые.

Новые узоры из лаборатории идут во все артели области. Обычно называются они сухо и официально: модель 75, модель 142. Народ же придумывает им свои названия: «березка», «елочка», «морозы», «воронья лапка».

В Вологде готовятся кадры для кружевного производства. Здесь создана школа кружевниц.

Вологодские кружевницы, наследуя славные традиции, создают узоры, отражающие быт, природу и хозяйство области.

В. АЛЕКСЕЕВ

На снимках: фрагменты большого кружевного панно, созданного мастерицами вологодской мастерской.

Первая в мире

В. ВИКТОРОВ

Эта стройная, как все гимнасты, легкая и вместе с тем сильная женщина с тонким энергичным лицом известна теперь во всех странах всех пяти континентов как сильнейшая гимнастка мира. Ей посвящены пространные описания спортивных обозревателей, ее стиль, ее гимнастическую манеру подробно разбирают известные специалисты в статьях и книгах, ее выступления показывают на киноэкранах, ей в переполненном зале Мессухалли II светловолосая финская девушка в национальном костюме поднесла на бархатной подушке две золотые Олимпийские медали за победу в командном и личном первенстве, и десятки репортеров запечатлели на пленке этот торжественный момент. А Муся — Мария Гороховская,— вернувшись с подругами в олимпийский городок Отаниеми, крепко обняла всех гимнасток и сказала: «Это наши общие медали, это наша общая победа. Поздравляю вас, девочки!»

Игорю Степановичу Журавлеву Муся ничего не сказала, а просто крепко сжала его ладонь, и в этом было все: бесконечная благодарность, и гордость, и надежда на дальнейшее сотрудничество. А Игорь Степанович, глядя в счастливые, добрые глаза этой удивительной женщины, вспомнил, как год назад вот так же вдалеке от Родины, в Берлине, после Всемирных студенческих игр они собрались все вместе и Гороховская сказала:

— Нам должно быть ясно, что на олимпиаде главные наши соперницы — венгерки. Это сильные соперницы, и, учитывая, что в программе олимпийских игр нет ни параллельных брусьев, ни перекладины, а по бревну и разновысоким брусьям мы пока венгеркам уступаем, я предлагаю хотя бы на год отказаться от перекладины и брусьев...

Для того, чтобы оценить смысл такого предложения, надо было знать, что Мария Гороховская как раз была сильна именно на этих двух снарядах, что долгое время только на них ей удавалось добиваться победы и что только благодаря им удалось Гороховской осуществить наконец в 1951 году свое заветное желание — завоевать звание абсолютной чемпионки. И вот теперь она предлагала исключить из программы тренировок и соревнований два своих коронных номера. Она предлагала готовиться только к четырехборью: вольным движениям, бревну, разновысоким брусьям и опорному прыжку. И в этом была вся Гороховская, какой ее знал вот уже два года Игорь Степанович Журавлев.

Он знал ее хорошо, хоть и жили они в разных городах: Гороховская — в Ленинграде, а затем в Харькове, Журавлев — в Москве. Но кто бы ни тренировал ее, Муся всегда считала своим вторым тренером Журавлева. По ее просьбе они начали работать вместе в 1949 году, и с тех пор их творческая связь не прерывалась ни на один день.

Журавлев уже после первых занятий правильно определил слабое место этой вдумчивой и волевой спортсменки, истинной энтузиастки гимнастики. Вся беда была в том, что Гороховская слишком поздно начала заниматься спортом, который требует от человека предельной гибкости, широкого размаха движений. Эти качества надо развивать с детства, а Муся в детстве и юности жила в маленьком южном городке Евпатории, где не было специалистов, которые смогли бы направить девушку на правильный путь. Только однажды удалось встретить ей такого человека. Это был преподаватель гимнастики Ленинградского института физкультуры Орлов. Он и посоветовал Мусе заняться гимнастикой, но осуществить этот совет она смогла уже сформировавшейся девушкой, приехав перед войной в Ленинград учиться в институт физкультуры.

Казалось бы, что восполнить недостаток гибкости — одно из основных качеств гимнаста — невозможно. Гороховская, выступая на соревнованиях не хуже других и готовясь к этим соревнованиям значительно более серьезно и усидчиво, чем многие другие спортсменки, проигрывала, как говорят специалисты, «на впечатлении». Ей не хватало изюминки, той непринужденности движений, которые не определишь никакими сотыми и десятыми балла и которые вместе с тем диктуют судьям оценку.

И вот совместная работа Марии Гороховской и Игоря Журавлева началась. Журавлев понял, что эта женщина может добиться многого. Заканчивалась тренировка, а Гороховская оставалась в зале. Она продолжала выполнять упражнения на мягкость движений.

Муся в шутку называла эту работу «истязанием». Год ушел у Марии Гороховской на эту трудную работу, и вот на первенстве СССР 1950 года все, кто знал ее раньше, были поражены успехами Гороховской. Она уверенно лидировала все дни первенства и только в последний момент уступила первое место Галине Урбанович.

Да, Мария Гороховская добилась многого. Она в корне изменила весь рисунок своего

Выступление советских гимнасток в командных вольных движениях.

движения, насытив его плавностью, мягкостью, грациозностью. И вот пришла награда: в следующем году Мария Гороховская стала абсолютной чемпионкой страны, она заняла второе место и на Всемирных студенческих играх в Берлине вслед за своей близкой подругой Софьей Подуздовой. Больше того, когда по ее предложению из программы были исключены параллельные брусья и перекладина, она ценой больших и упорных усилий сумела так подготовиться к следующему первенству СССР, что и без своих главных козырей снова стала абсолютной чемпионкой страны. И, готовясь к олимпиаде, Мария Гороховская продолжала оставаться верной себе. Она неустанно искала все более сложные, все более интересные гимнастические комбинации и в вольных движениях первая применила акробатические элементы — переворот вперед с поворотом и «сальто» назад, которые до тех пор применяли только мужчины.

Мария Гороховская начала упорную подготовку к олимпиаде еще у себя дома, в Харькове, вместе со своим постоянным тренером П. Алваряном и продолжала ее затем вместе

М. Гороховская получает золотую медаль. Слева — Н. Бочарова.

с Журавлевым и своими товарищами по команде. Она поставила перед собой задачу — не иметь ни одного слабого места ни в одном из упражнений как обязательной, так и произвольной программы.

В этой работе все помыслы, все устремления Марии Гороховской были направлены не на то, чтобы добиться личных успехов, чтобы иметь наибольшие шансы выиграть личное первенство на олимпиаде. Прежде всего Мария Гороховская думала об успехе советской команды, о том, чтобы наши гимнастки завоевали командное первенство на олимпийских играх. Она была поистине душой команды.

И вот наступил день 22 июля, когда советские гимнастки вышли на сцену спортивного зала в Хельсинки.

Венгерская команда начала соревнование раньше нашей команды и восхитила зрителей своим мастерством. И вот на площадке Катя Калинчук — она первой из советской команды начинает борьбу. Всего одну минуту продолжается выступление гимнастки в обязательных вольных движениях, и за эту минуту надо безукоризненно точно выполнить слитную цепь движений — прыжки, перевороты, стойки, кувырки. Малейшая неточность снижает балл судейской оценки, малейшая заминка уменьшает результат. И судьи поднимают вверх дощечки с цифрами — Катя получает 8,83 балла. Грозное начало. Ведь венгерка Келети получила 9,5 балла...

Одна за другой выходят на ковер советские гимнастки, а Мария Гороховская ждет своей очереди, мысленно повторяя каждое их движение.

Вот пришла и ее очередь. Стремительны и точны движения Гороховской. Ведь она выступает не только за себя, но и за Катю Калинчук, Галю Минаичеву, Нину Бочарову, за всех остальных, ведь она вносит свою лепту в общий успех команды! Судьи дают Гороховской 9,5 балла, столько же, сколько Келети. Но это — только начало. Гимнастки выходят к бревну — снаряду, где венгерки особенно сильны. Здесь лучшего результата дня добиваются Нина Бочарова, а вслед за ней и Мария Гороховская...

Проведены упражнения по опорным прыжкам, принесшие полный успех советской команде. И после разновысоких брусьев можно, наконец, подвести первые итоги. Наибольшего количества баллов в обязательной программе добилась Гороховская, а вслед за ней Бочарова и Урбанович. Венгерка Коронди на четвертом месте. Но итоги подводить еще рано. Завтра гимнастки выйдут к тем же снарядам и поведут борьбу в произвольных упражнениях, самых сложных и самых решающих.

На второй день советская команда выступала раньше венгерской, и сравнивать свои результаты с результатами главных соперниц было невозможно. Ну что же, значит, надо на каждом снаряде добиваться наивысшей, десятибалльной, оценки.

Мария Гороховская четыре раза выходила к снарядам, и четыре раза судьи высоко оценили ее произвольные комбинации.

Все более ясно вырисовывался полный успех советских гимнасток, все более уверенно они выходили вперед. И вот наконец стало известно, что абсолютное первенство XV олимпийских игр завоевала Мария Гороховская, второе место — Нина Бочарова, а третье — Коронди. Да, конечно, это большая победа. Но ведь командное первенство еще не завоевано. Его судьба решится только на третий день после командных вольных движений, с которыми советские гимнасты выступают впервые. И вот все восемь советских гимнасток под музыку с обручами в руках выбежали на просторы гимнастического зала. Как один человек, двигались они, исполняя сложнейшие элементы художественной гимнастики, демонстрируя исключительную пластичность и мягкость движений. Только шведкам проиграли они семь сотых балла и, выйдя на второе место в этом заключительном номере соревнований, окончательно закрепили за собой командное первенство по гимнастическому четырехборью.

И только тогда Мария Гороховская обняла и поздравила своих подруг. В этом тоже проявился благородный, советский характер лучшей гимнастки мира.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ГАЛИНЫ ЗЫБИНОЙ

Евг. ВАСИЛЬЕВ

Дипломантка одного из ленинградских техникумов комсомолка Галина Зыбина избрала себе профессию оптика-механика. Труд оптика кропотлив, это труд большой усидчивости и скупых, осторожных движений. Но какой прекрасной «разрядкой» после работы в цехе будет для Галины время, проведенное на стадионе! Ее любимый спорт требует широкого размаха руки, напряжения мускулатуры всего тела, стремительности, резкости... По своей спортивной специальности Галина Зыбина — метательница.

Нет такого вида метания, которым бы не занималась эта жизнерадостная белокурая девушка с румянцем во всю щеку. Она бросает не только копье, ядро и диск, снаряды наиболее распространенные, признанные в спорте классическими, но и гранату, но и мяч. С метания литого килограммового мяча и начала Галя Зыбина шесть лет назад занятия легкой атлетикой в известной детской спортивной школе общества «Зенит», руководимой В. И. Алексеевым.

Уже через год после этого Галя стала рекордсменкой в метании мяча и диска среди ленинградских девушек младшего возраста. А затем почти каждое новое выступление Зыбиной отмечалось новым рекордом или призовым местом. Все выше становятся ее достижения в метании диска, копья, гранаты и в толкании ядра.

Не только талантливый спортивный педагог В. И. Алексеев был наставником и учителем юной метательницы. Многому училась она и у старших подруг-спортсменок. Особенно плодотворной в этом отношении была дружба Галины с Натальей Смирницкой.

На тренировках Смирницкая охотно делилась с Галей своим опытом, помогала ей усваивать все тонкости спортивной техники. И вот в 1949 году на розыгрыше всесоюзного первенства Зыбина занимает по копью второе место после Смирницкой. А соревнуясь между собой несколько лет в метании гранаты, подруги улучшали рекорд страны по этому виду спорта шесть раз.

Но ведь Галину Зыбину интересовали и другие виды метания. Пытливо приглядывалась она к блестящей технике дискоболки Нины Думбадзе, к мощным движениям Татьяны Севрюковой, Клавдии Точеновой, Анны Андреевой, которые отлично толкали ядро. Было у кого учиться! Советские метательницы давно уже снискали себе мировую славу.

Галина Зыбина.

Последнее время Зыбина особенно настойчиво стремилась повысить свои результаты в толкании ядра. Техника этого спорта может показаться очень несложной. Ноги спортсмена делают только один сильный скачок, а рука резким движением от плеча вперед посылает снаряд в воздух. Только и всего! Нет тут ни длинного, точно рассчитанного разбега, как при метании копья, нет и предварительных размахов снарядом, нет, наконец, вращения тела вокруг своей оси, отличающих технику дискоболов.

Но за кажущейся простотой толкания ядра скрыта огромная сложность этого упражнения. В очень немногих движениях нужно слить воедино усилия плеч, ног, спины. Только после этого ядро полетит далеко.

Галина Зыбина много тренировалась. Упражняться приходилось в свободное от учения время. Но тренировка с ядром — это не одни лишь упражнения с металлическими шарами различного веса. Это и бег, и прыжки, и гимнастика, и поднимание тяжестей.

Перед XV мировыми олимпийскими играми Галя Зыбина тренировалась вместе с другими сильнейшими советскими метательницами. Небольшой коллектив связала крепкая дружба.

...Спортивная делегация Советского Союза пересекает финскую границу. 13 июля в местечке Отаниеми торжественно открывается олимпийский городок, где будут жить советские спортсмены. Галине Зыбиной и Виктору Чукарину поручено поднять над городком государственный флаг СССР.

Величаво развернулось поднятое на флагшток алое полотнище. Волнуясь, не может оторвать от него глаз Галя Зыбина.

...Соревнования женщин в толкании ядра были одним из последних номеров легкоатлетической программы олимпийских игр. На старт вышли представительницы девятнадцати стран.

Наиболее опасной противницей советских спортсменок оказалась немка Марианна Вернер. В финальных состязаниях ей удалось сделать на шестой попытке бросок в 14 метров 57 сантиметров, значительно превышающий олимпийский рекорд 1948 года. Но вот берет в руку ядро Галя Зыбина.

Первый же толчок великолепен. Ядро пролетело ровно 15 метров. Олимпийский рекорд француженки М. Остермайер оставлен на 1 метр 25 сантиметров позади. Но не хватает еще двух сантиметров до мирового рекорда советской спортсменки Анны Андреевой. Чувствуя необычайный прилив сил, Галина стремится превысить и это исключительно высокое достижение.

Но, видимо, она сильно волнуется. Вторая попытка хуже первой: 14 метров 55 сантиметров... Третий бросок еще короче: 14 метров 33 сантиметра... Затем: 14 метров 58 сантиметров и 14 метров 4 сантиметра. Остается последняя, шестая, попытка...

— Спокойнее, Галочка, спокойнее! — ободряюще говорит Точенова.

Галина плотнее сжала губы, скользнула взглядом по зеленому полю стадиона, сделала глубокий вдох... И вдруг в одном мощном усилии напряглось все тело спортсменки, рванулось вперед стремительным скачком, и ядро, выброшенное уверенной рукой, прорезало воздух. Снаряд пролетел 15 метров 28 сантиметров. Феноменальный результат!

Галина Зыбина получает золотую медаль и поднимается на центральный пьедестал трибуны почета. Над стадионом гремит советский гимн. Снова взвивается флаг Советского Союза. Бесконечно счастлива в эти минуты Галя Зыбина...

ИСКУССТВЕННЫЙ СИМБИОЗ

Что может быть общего между крокодилом и персиком?.. И все же именно крокодил явился причиной постановки одного интересного опыта с персиком.

Под влиянием прочитанного в книге Брема мысленно переносимся в жаркую Африку, на берега многоводного Нила. На песчаной отмели греется на солнце громадный крокодил. Вот он раскрывает свою страшную, зубастую пасть, из которой никто не выходит живым. Впрочем... в эту пасть без малейших признаков страха залетает маленькая подвижная птичка и начинает беззаботно разгуливать в ней, уничтожая пиявок — извечных врагов крокодила. Вот почему не захлопывается крокодилья пасть, и крылатый гость, насытившись, свободно улетает в голубой простор. Крокодилья идиллия навела на интересные размышления...

Примеров симбиоза — сожительства разных видов,— способствующего процветанию обоих видов, в природе немало: цветы инжира опыляются с помощью насекомого — бластофаги, которое развивается внутри его же соцветий; в клубеньках на корнях бобовых растений живут и проводят свою полезную деятельность азотобактерии; сожительство водорослей и грибов в лишайнике идет на пользу тому и другому виду.

Мы задумались над тем, как это наблюдающееся в природе явление использовать в своей работе.

...Молодые деревца персиков в саду стали белесовато-желтыми, безжизненными, их листья скрутились. Очень опасная болезнь, курчавость, поразила их. Борьба с ней сложна и не всегда дает желаемые результаты. Может быть, в природе существует какое-либо другое растение, которое поможет персику бороться с врагом?

Такой спаситель оказался здесь же, в саду,— деревца сливы, в кронах которых не было ни одного листочка, пораженного курчавостью. Соединить два этих деревца в одно! Создать искусственный симбиоз и с помощью веществ, которые вырабатывают корни и листья сливы, не допустить в листья персика проникновения опасной болезни.

А чем персик, в свою очередь, может помочь сливе? Присмотримся к ней, постараемся подметить слабые стороны сливы. На вершине плода замечаем небольшое бурое отверстие. Разламываем плод и внутри находим белого червячка — гусеницу бабочки-плодожорки... Но ведь в плодах персика червяков не бывает! Решаем привить персик в крону сливового дерева. Разве плохо с одного и того же растения сорвать сочную спелую сливу и розовый пушистый персик?

Подобные прививки мы провели на опытной станции. Персик значительно повысил сопротивление заболеванию курчавостью листьев, а плоды сливы менее повреждались плодожоркой.

Интересные результаты дали подобные опыты и с субтропическими растениями. Существенно повысил свою морозостойкость и раннеспелость субтропический апельсин, соединенный с помощью «мичуринской хирургии» с раннеспелым и стойким к морозу мандарином Шива-Миканом.

Прививка в крону одного сорта глазков или черенков другого проводилась садоводами давно, но делалось это без учета влияния одного сорта на другой, часто ради курьеза.

Только исходя из мичуринского учения о менторе, можно подобрать соответствующие компоненты для прививки. При этом следует оговориться, что Иван Владимирович Мичурин применял ментор как средство воспитания молодых, с несложившейся основой, и гибридных сеянцев. Здесь же речь идет не только о молодых, но и о стадийно старых сортах.

Никакого изменения природы организма от такого приема в прививочных компонентах не произойдет. Они лишь проявят большую устойчивость к тем или иным неблагоприятным условиям при совместном сожительстве на одном дереве, и стоит только их разъединить, как эта устойчивость исчезнет.

Наши опыты показали, что искусственный симбиоз как метод селекции и агротехники может завоевать достойное место в садоводстве.

Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

Фото В. Байдалова

Декоративный ильм

Этот снимок сделан в Хабаровском дендрарии, где собрано много декоративных пород деревьев и кустарников. Среди них и ильм мелколистный. Его родина — Забайкалье.

Декоративный ильм обладает необыкновенной живучестью и способностью быстро развиваться. В начале июня он буйно цветет, а в середине месяца дает обильные семена, которые разносятся ветром на большие пространства. Попав в почву, они всходят через 3—5 дней. К осени вырастает побег до 40 сантиметров. Через год он готов к пересадке. Побеги высаживаются на расстоянии 30—40 сантиметров друг от друга, образуя красивый зеленый бордюр.

Подстригать ильм можно в любом возрасте и в любое время года. Подстрижку он переносит безболезненно и в знойную летнюю пору покрывается пышной и густой листвой. Без подстрижки ильм вырастает до 11 метров высотой.

Ильм с его цепкой корневой системой — превосходный посадочный материал для укрепления оврагов, берегов рек, каналов. Морозоустойчивый и в то же время солнцелюбивый, ильм может произрастать на всей территории страны. Хабаровский дендрарий способствует его продвижению в европейскую часть Союза, отправляя семена на государственные лесные полосы, на великие стройки.

На переднем плане снимка вы видите десятилетний ильм. Он был спилен на метровой высоте от земли. Пень дал густые и пышные побеги. Заведующий дендрарием И. Г. Ганенко с помощью садовых ножниц — секатора придал растению форму куба. На заднем плане — ильм, у которого в таком же возрасте обрубили сучья, оставив лишь голый ствол. Он покрылся густой листвой и напоминает тропическое растение.

С. РОСЛЫЯ

Четыре медведя

В Московском зоопарке в одном загоне содержится интересная группа медведей — воспитанников «площадки молодняка»: бурые — Нинка и Буян, черный — Фука и белый — Полярница. Медведи живут вместе уже шестой год и, несмотря на то, что принадлежат к разным видам, миролюбиво уживаются друг с другом, играют, вместе едят корм.

Интересно, как отразилась на этих различных животных совместная жизнь. Белый медведь, хищник, питающийся обычно рыбой и мясом, здесь поедает в солидных количествах растительный корм: морковь, свеклу, картофель, хлеб и менее охотно ест мясо и рыбу.

Растительноядные животные — бурые медведи, выросшие в обществе белого медведя,— с удовольствием съедают остатки рыбы и мяса после Полярницы.

В природных условиях белые медведи не роют берлог и не спят в них, но наша белая медведица вместе с бурыми медведями зимой роет берлогу и лежит в ней.

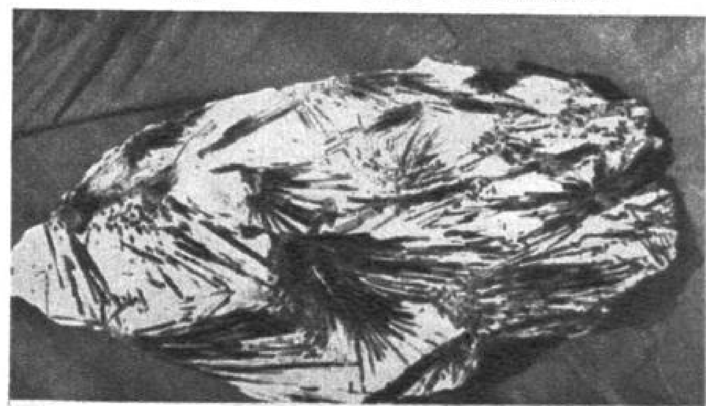
Так изменение условий содержания привело к изменению биологических особенностей животных.

М. КРУМИНА,
заведующая секцией хищных Московского зоопарка

Фото А. Жандарова

НАХОДКА УРАЛЬСКОГО ГОРЩИКА

На светлом фоне куска горной породы точно кто-то нарисовал черной краской изображения лучащегося солнца, затейливых метелок, снопов. Эти рисунки выполнены природой; в сланец причудливо вкраплен драгоценный камень — черный турмалин.

Подобные образцы минералов встречаются редко. В науке они известны под названием «Турмалинового солнца». Три таких оригинальных экземпляра недавно на Урале, в районе реки Каменки, нашел Максим Афанасьевич Чулочников. Свою находку старый уральский горщик решил передать Московскому государственному университету.

Ю. РЯБОВ

Свердловск.

«Полированные» обои

Стены одной из комнат Научно - исследовательского института фанеры в Ленинграде оклеены обоями нежноголубого тона, другой — светлокрасного, третьей — нежнозеленого. Если на них посмотреть чуть сбоку, то окажется, что обои... полированы, словно стенка высококачественного буфета или шкафа. Такими же обоями отделаны каюты на двух ледоколах и комнаты в одном из подмосковных домов отдыха.

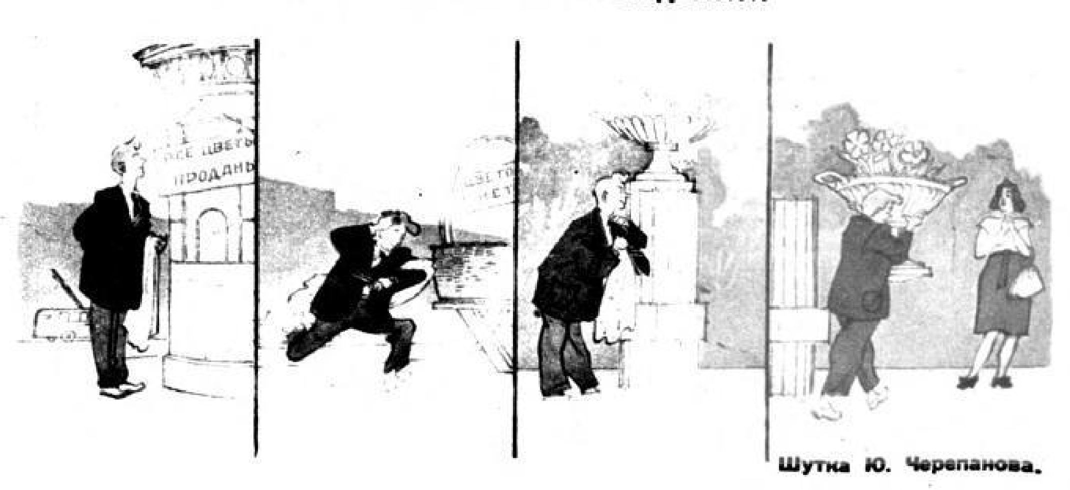
Как делаются «полированные» обои?

Обыкновенные обои накладывают на фанеру и покрывают тонкой прозрачной пленкой из искусственных смол. Эта пленка и создает впечатление, что обои «полированы». Такие обои не боятся воды, не выгорают, весьма прочны. Пленка невосприимчива к красителям. Если ее, например, облить чернилами, то их легко стереть тряпкой.

Покрытая пленкой из прозрачных искусственных смол, фанера хорошо выдержала длительные испытания в различных условиях. Потребители дали ей высокую оценку.

Я. КИСЕЛЕВ

ТЯЖЕЛОАТЛЕТ НА СВИДАНИИ

Шутка Ю. Черепанова.

Моды

Московские ателье к осеннему сезону 1952 года рекомендуют новую форму костюма, разработанную на основе народных женских костюмов Украины и Белоруссии.

1. Безрукавка с потайной застежкой спереди и вытачками по талии. Юбка прямая, четырехшовная. Блузка с полудлинными рукавами, воротником стойкой и продергивающимся в петли бантом, края которого отделаны бахромкой из ткани костюма.

Ателье № 25. Автор модели — В. Ю. Корж.

2. Безрукавка с поясом и мягкими складочками, застроченными по талии, отделана машинной вышивкой (краевой строчкой). Юбка прямая, двухшовная. Блузка с короткими рукавами и воротником стойкой, завязывающимся спереди бантом.

Ателье № 39. Автор модели — М. М. Панкратова.

3. Безрукавка, надевающаяся через голову, по талии, на боках и спинке стянутая шнурком. По линии пройм безрукавка отделана вышивкой, шерстяными нитками в тон блузки. Юбка прямая, двухшовная, с разрезами внизу, по линии швов. Блузка из цветного шелка, с широкими длинными рукавами. Воротник стягивается шнурком с кисточками из той же ткани, что и костюм.

Ателье № 30. Автор модели — Д. А. Мальцева.

Перебирая старые документы...

Изобретение «переводных картинок»

Атланты, поддерживающие своды портика у входа в Государственный Эрмитаж, хорошо знакомы не только ленинградцам. Их обычно изображают на обложках путеводителей, фотографируют, рисуют в самых различных ракурсах.

Автором этих скульптур был Александр Иванович Теребенев (1812—1859), в свое время широко известный скульптор, затем незаслуженно забытый.

Теребенев родился в дни наполеоновского нашествия и великих испытаний для русского государства. Отец его, И. И. Теребенев, прославил свое имя замечательными патриотическими карикатурами, которые и поныне хранятся в залах Государственного Эрмитажа.

Александр Теребенев двенадцати лет был принят в воспитанники Академии художеств и сразу же проявил незаурядные способности. В 1835 году он окончил академический курс с малой золотой медалью.

Теребенев создал много замечательных произведений.

Но Теребенев был не только скульптором. 6 мая 1840 года Департамент торговли и мануфактур министерства финансов объявил о выдаче «художнику губернскому секретарю Теребеневу привилегии на способ литографирования на фаянсе, фарфоре и стекле». Привилегия эта свидетельствует о первенстве России в изобретении декалькомании — специального полиграфического способа изготовления рисунков для последующего перевода на бумагу, дерево, металл, фарфор, стекло и другие материалы. В быту декалькомания обычно известна под названием переводных картинок. Но «переводные картинки» не только детская забава. Они нашли широкое применение и в нашем народном хозяйстве. С их помощью воспроизводятся различные надписи и цифры на железнодорожных и трамвайных вагонах, автобусах и троллейбусах, маркируются электромоторы, мотоциклы, велосипеды, швейные машины, этот же способ применяется в фарфоро-фаянсовой промышленности для украшения керамических изделий.

Изобретение Теребенева нашло живейший отклик на страницах русской периодической печати. Рассказывая о новом способе, «Художественная газета» отмечала, что «в успехах человеческой изобретательности Россия приняла еще со времен Ломоносова деятельное участие».

Рисунки, переведенные способом Теребенева, обладали высокими художественными качествами. «Художественная газета» сообщала, что «новый способ дает возможность передавать на фаянсе произведения Рафаэля и Корреджио».

Иностранные историки техники обычно утверждают, что декалькоманию изобрел лейпцигский печатник Крамер в 1860 году. Патентные архивы нашей страны свидетельствуют о том, что русский скульптор Теребенев опередил Крамера по крайней мере на 20 лет.

Важные усовершенствования в способ Теребенева, сделавшие его универсальным, внес герой Севастопольской обороны генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев (1807—1870). Тяжело раненный при защите Малахова кургана и отправленный для лечения в Петербург, Хрулев использовал невольный досуг для изучения литографской техники. 27 ноября 1859 года он подал заявку о выдаче привилегии на «метахромотипию» — разработанный им «способ приготовления бумаги такого свойства, что напечатанные на ней масляными красками с золотом и серебром рисунки могут быть в несколько минут переводимы на дерево, металлы, фарфор и т. д.».

В начале 60-х годов прошлого столетия Хрулев основал в Петербурге первую в мире фабрику декалькомании. В проспекте фабрики указывалось, что она призвана «оказывать большую услугу народу распространением в нем превосходных копий с картин, которые по дороговизне своей не могли быть доступны большинству».

Технология изготовления переводных картинок, разработанная Теребеневым и Хрулевым, сохранилась почти без изменений до наших дней. В последнее время немало важных усовершенствований в этот способ внес советский инженер Б. А. Воробьев.

Е. НЕМИРОВСКИЙ

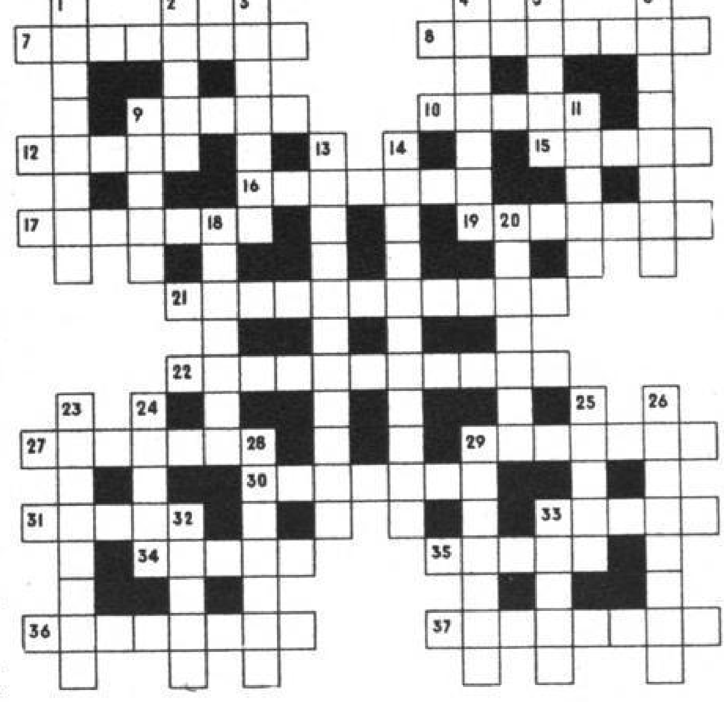
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Видоизменение музыкальной темы. 8. Деловая бумага. 9. Птица. 10. Уважение, оказываемое обществом. 12. Единица счета писчей бумаги. 15. Представитель основного населения одной из советских республик. 16. Узорная плетеная ткань. 17. Опрятность. 19. Один из народов, населяющих Советский Союз. 21. Независимость государства. 22. Подъем на высоту. 27. Групповые практические занятия. 29. Молодое растение из питомника. 30. Часть земельной площади. 31. Пение некоторых птиц. 33. Вспаханное поле. 34. Засахаренный плод. 35. Музыкальный лад. 36. Член детской организации. 37. Шутка, основанная на игре слов.

По вертикали:

1. Окись магния. 2. Доля. 3. Съедобный гриб. 4. Вознаграждение за труд. 5. Бумажный пакет. 6. Смысл. 9. Телосложение, фигура. 11. Вид транспорта. 13. Химическое удобрение. 14. Двузначное число. 18. Часть капиталистического города, где живет беднота. 20. Обучающаяся профессии, мастерству. 23. Критический отзыв. 24. Хлопчатобумажная ткань. 25. Нотный знак. 26. Учебное заведение. 28. Произведение А. С. Пушкина. 29. Музыкант. 32. Крупная рыба. 33. Вещество со щелочными свойствами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 33

По горизонтали:

5. Накладная. 8. Популяризация. 11. Саго. 12. Ритм. 13. Нексе. 14. Ленто. 15. План. 17. Сила. 20. Администратор. 21. Чернослив. 24. Себестоимость. 27. Круг. 28. Азия. 29. Аракс. 32. Пикет. 34. Холм. 35. Ейск. 36. Интеллигенция. 37. Малиновка.

По вертикали:

1. Парубок. 2. Влияние. 3. Адмирал. 4. Магазин. 6. Колоннада. 7. Микроскоп. 9. Сабля. 10. Атолл. 16. Мастодонт. 18. Пиренеи. 19. Баритон. 22. Пергамент. 23. Стратегия. 25. Орион. 26. Тикси. 30. Агрегат. 31. Стеллит. 32. Прогноз. 33. Клиника.

В этом номере помещены две страницы рисунков В. И. Гапошкина и Д. П. Генина и шесть страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

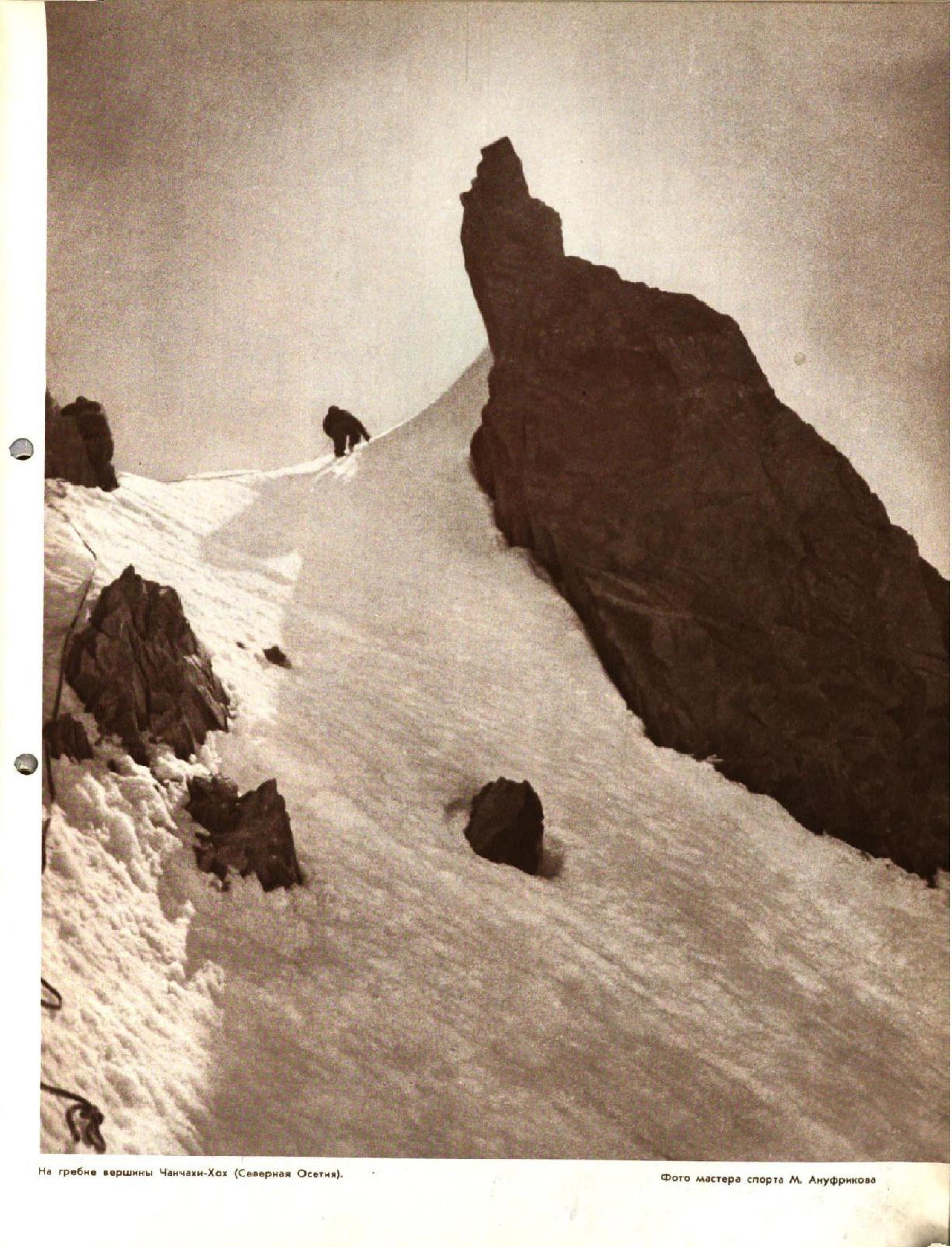
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора) А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04458. Подп. к печ. 12/VIII 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 660. Заказ 1917. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

На гребне вершины Чанчахи-Хох (Северная Осетия).

Фото мастера спорта М. Ануфрикова

ЦЕНА 3 РУБ.